

Основан в 1969 году

Учредители: Академия наук СССР, Институт Латинской Америки

Латинская Америка № 1/2022

Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН

Издается под руководством Отделения глобальных проблем

и международных отношений РАН

Включен в список ВАК

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

ISSN 0044-748X Индекс 70497 Москва

Главный редактор В.Л.ХЕЙФЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АЛЬКАНТАРА САЭС М. (Ун-т Саламанки (Испания), Боливарианский Папский ун-т Медельина, Колумбия); БАТТЪЯНИ К. (Ун-т Республики (Уругвай), Генеральный секретарь Латиноамериканского совета по общественным наукам; ДАВЫДОВ В.М. (ИЛА РАН, Москва); ЖЕБИТ А. (Федеральный ун-т Рио-де-Жанейро, Бразилия); ИВАНОВСКИЙ З.В. (ИЛА РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва); КОВАР-РУБИАС ВЕЛАСКО А. (Колехио де Мехико, Мексика); КОНСТАНТИНОВА Н.С. (ИЛА РАН, Москва); КОФМАН А.Ф. (ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, Москва); ЛЕОНОВ Н.С. (Москва); МАРТИНЕС ПЕРЕС Х. (Национальный автономный ун-т, Мексика); МАРТЫНОВ Б.Ф. (МГИМО МИД России, Москва); МАССОН СЕНА К. (Кубинский ин-т культурных исследований им. Хуана Маринельо, Куба); НОЛЬТЕ Д. (Немецкий ин-т глобальных проблем, Германия); ОКУНЕВА Л.С. (МГИМО МИД России, Москва); РУВИНСКИЙ В. (Ун-т ИСЕСИ, Колумбия); СЕРБИН А. (Региональный центр координации экономических и социальных исследований, Аргентина); СУДАРЕВ В.П. (ИЛА РАН, Москва); ТИКНЕР А. (Ун-т Росарио, Колумбия); ХЕЙФЕЦ В.Л. (главный редактор журнала «Латинская Америка», Москва); ХЕЙФЕЦ Л.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург); ШЕСТОПАЛ А.В. (МГИМО МИД России, Москва); ШКОЛЯР Н.А. (ИЛА РАН, Москва); ЩЕЛЧКОВ А.А. (ИВИ РАН, Москва); ЩЕТИНИН А.В. (МИД России, Москва); ЯКОВЛЕВ П.П. (ИЛА РАН, РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва); ЯНКЕЛЕВИЧ П. (Колехио де Мехико, Мексика)

КОРРЕСПОНДЕНТЫ: И.М.КУРГУЗОВ — В САНТЬЯГО, kim-la@mail.ru

А.Ю.ЧУРИКОВ — В КАРАКАСЕ, achurikov@list.ru

Над номером работали: С.Е.АЛЕКСАНДРОВ, К.Э.ДАБАГЯН, А.Б.НОВИКОВА, А.Э.САЛТАЙС (зав. редакцией)

Адрес редакции: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21

Телефон: 8-495-951-01-67; электронная почта: revistala@mtu-net.ru

© Российская академия наук, 2022.

© Составитель: Редакционный совет журнала «Латинская Америка», 2022.

Latinskaya Amerika N 1/2022 (Latin America)

Founded in 1969
Established by
Academy of Sciences of the Soviet Union
Institute of Latin America

Scientific, social and political journal of Russian Academy of Sciences
Issued monthly
Published under the authority of the Global Problems
and International Relations Department of the RAS
Included in the list of the Higher Attestation Commission
Included in Science Index, Russian Science Citation Index on the base of Web of Science
ISSN 0044-748X Index 70497 Moscow

Chief Editor VICTOR L.HEIFETS

EDITORIAL BOARD:

ALCANTARA SAEZ M. (Salamanca University (Spain), Bolivarian Pontifical University of Medellin, Colombia); BATTHYANY K. (University of Republic, Uruguay), the Latin American Council of Social Sciences; DAVYDOV V.M. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); COVARRUBIAS VELASCO A. (College of Mexico, Mexico); ZHEBIT A. (Federal University of Rio de Janeiro, Brazil); IWANOWSKI Z.W. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KHEIFETS V.L. (editor in chief, Russia); KHEIFETS L.S. (Saint-Petersburg State University, Russia); KONSTANTINOVA N.S. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KOFMAN A.F. (Institute of World Literature and Arts, RAS, Russia); LEONOV N.S. (Russia); MARTINEZ PEREZ J. (National Autonomous University, Mexico); MARTYNOV B.F. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); MASSON SENA C. (Cuban Institute for Cultural Studies Juan Marinello, Cuba); NOLTE D. (German Institute of Global Affairs, Germany); OKUNEVA L.S. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); ROUVINSKY V. (ICESI University, Colombia); SCHELCHKOV A.A. (Institute of General History, Russia); SCHETININ A.V. (Ministry for Foreign Affairs of Russia, Russia); SERBIN A. (Regional Coordinating Center for Economic and Social Studies, Argentina); SHESTOPAL A.V. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); SHKOLIAR N.A. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); SUDAREV V.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); TICKNER A.B. (University of Rosario, Colombia); YAKOVLEV P.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); YANKELEVICH P. (College of Mexico, Mexico)

Correspondents: I.M.KURGUZOV — in SANTIAGO, kim-la@mail.ru
A.Yu.CHURIKOV — in CARACAS, achurikov@list.ru

The present issue of journal by S.E.ALEKSANDROV, K.E.DABAGIAN,
A.B.NOVIKOVA, A.E.SALTAIS (managing editor)

Editorial address: 21 Bolshaya Ordynka Str., 115035 Moscow, Russia
Phone number: +7 495 951 01 67; *e-mail:* revistala@mtu-net.ru

© Russian Academy of Sciences, 2022.

© Compiler: Editorial Board of «Latinskaya Amerika», 2022.

В НОМЕРЕ:

ОБЩЕСТВО XXI ВЕКА

- 6 Л.В.Дьякова. **Гражданское общество Латинской Америки перед вызовами времени и практики социальной солидарности в период COVID-19**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- 23 Н.Ю.Кудярова. **Война Парагвая против Тройственного альянса. Историческая память и поиск основ идентичности**
- 38 А.А.Болтаевский, С.А.Агуреев. **«Никогда прежде не бывали в колониях, где негры обладают такой смелостью». Голландский колониальный этос на Кюрасао**

КОНКУРС МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- 51 Д.А.Правдюк. **Фактор «внутриконтинентальности» в повестке устойчивого развития. На примере Боливии в XXI в.**
- 59 Н.П.Марчук. **Влияние транснационального наркобизнеса на экономику и безопасность Мексики**
- 67 М.В.Илевич. **Роль католической церкви в регулировании внутреннего вооруженного конфликта в Колумбии**

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

- 75 В.Е.Баглай. **Археология Мехико: новые исследования в изучении истории древних ацтеков**

КУЛЬТУРА

- 91 О.А.Масалова. ***El Caballero Don Lorenzo Boturini Benaduci, Señor de la Torre, y de Hono*: судьба коллекционера и исследователя**

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

- 101 И.В.Селиванова. **«Латиноамериканская Швейцария»**
- 110 **Памяти Светланы Розенталь**

SUMARIO

SOCIEDAD DEL SIGLO XXI

- 6 Liudmila Diákova. **La sociedad civil de América Latina ante los desafíos del tiempo y las prácticas de la solidaridad social en el período de COVID-19**

PAGINAS DE LA HISTORIA

- 23 Nadezhda Kudeyárova. **La guerra de Paraguay contra la Triple Alianza. La memoria histórica y la búsqueda de los fundamentos de la identidad**
- 38 Andrey Boltaevski, Stanislav Agureev. **«Nunca he visitado colonias donde los negros tendrían tanta valentía». Ethos colonial de Holanda en Curaçao**

CONCURSO DE JOVENES CIENTIFICOS

- 51 Daria Pravdiuk. **El factor de la posición «cercado de tierra» dentro del desarrollo sostenible. Ejemplo de Bolivia en el siglo XXI**
- 59 Nikolay Marchuk. **La influencia del narcotráfico transnacional en la economía y la seguridad de México**
- 67 Mikhail Ilévich. **El papel de la Iglesia Católica en la regulación del conflicto interno armado en Colombia**

ANTIGÜEDADES

- 75 Valentina Baglay. **Arqueología de México: nuevas investigaciones en el estudio de la historia de los aztecas antiguos**

CULTURA

- 91 Olga Masálova. **«El Caballero Don Lorenzo Boturini Benaduci, Señor de la Torre, y de Hono»: el destino del coleccionista e investigador**

REFLEXIONANDO SOBRE LO LEIDO

- 101 Irina Selivánova. **«Suiza latinoamericana»**
- 110 **En memoria de Svetlana Rozental**

CONTENTS

THE SOCIETY OF 21st CENTURY

- 6 Liudmila Diakova. **Latin American civil society facing the challenges of the time and the practice of social solidarity in the period of *COVID-19***

HISTORY PAGES

- 23 Nadezhda Kudeyarova. **The War of Paraguay against the Triple Alliance. Historical memory and search for the identity foundations**
- 38 Andrey Boltaevski, Stanislav Agureev. **«Never visited a colony where negroes had such courage. Dutch colonial ethos in Curaçao**

COMPETITION OF YOUNG SCIENTISTS

- 51 Daria Pravdiuk. **Factor of landlocked position in pursuing sustainable development. Case of Bolivia in XXI century**
- 59 Nikolay Marchuk. **Influence of transnational drug trafficking on the economy and security of Mexico**
- 67 Mikhail Ilevich. **The role of the Catholic Church in regulating the internal armed conflict in Colombia**

ANTIQUITY

- 75 Valentina Baglay. **Archaeology of Mexico City: new studies in the study of the history of the ancient Aztecs**

CULTURE

- 91 Olga Masalova. **«*El Caballero Don Lorenzo Boturini Benaduci, Señor de la Torre, y de Hono*»: the fate of the collector and researcher**

THINKING ABOUT READ

- 101 Irina Selivanova. **«Latin American Switzerland»**
- 110 **In memory of Svetlana Rozental**

ОБЩЕСТВО XXI ВЕКА

Л.В.Дьякова

Гражданское общество Латинской Америки перед вызовами времени и практики социальной солидарности в период *COVID-19*

В статье исследуются феномен гражданского общества в Латинской Америке, его цивилизационные и идейные основы, специфические характеристики и различные направления социальной деятельности на протяжении конца XX — первых десятилетий XXI в. Автор анализирует деятельность крупных неправительственных организаций в социальной сфере, реализацию политики мультикультурализма, рассматривает примеры государственно-частного партнерства, роль локальной гражданской активности в деле совершенствования и дополнения государственной стратегии на местах. Особое внимание уделено практике социальной взаимопомощи и солидарности, инициированной структурами гражданского общества в период пандемии *COVID-19*.

Ключевые слова: Латинская Америка, гражданское общество, неправительственные организации, *COVID-19*.

DOI: 10.31857/S0044748X0018048-1

Статья поступила в редакцию 07.05.2021.

Гражданское общество и его роль в условиях современной демократии — особая тема. В соответствии с классической интерпретацией это понятие включает в себя совокупность разнообразных форм социально-политической активности, отражает свободную, не ограниченную деятельностью государственных органов и не подчиняющуюся государству гражданскую активность, развивающуюся как на уровне крупных неправительственных организаций (НПО), так и в форме небольших волонтерских групп и движений. В недемократических системах с гражданским обществом традиционно связываются высокие ожидания, основанные на его способности аккумулировать и воодушевлять протестную активность, формировать политическое сознание и гражданское сопротивление. С дру-

Людмила Владимировна Дьякова — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (РФ, 115035 Москва, Б.Ордынка, 21/16, <https://orcid.org/0000-0003-3684-4523>, diakova65@mail.ru).

гой стороны, в демократических государствах гражданское общество нередко представляет собой своеобразную форму соединения частных и общественных интересов, нацеленную на «улучшение» реальной жизни и государственной политики на местах. Эта многообразная социальная практика, в основу которой положены принципы социальной взаимопомощи, активности и солидарности, свидетельствует о зрелости и ответственности всего общества, об укорененности в его широких слоях гражданской политической культуры. Гражданское общество обеспечивает полноценное функционирование демократического государства, а в недемократических странах является важным условием успешного перехода к демократии [1]; [2]; [3]. Различные грани этого феномена, его культурные истоки и страновые особенности, стратегии отношений с государством (от противостояния до партнерства), современная роль и влияние на стабильность демократических режимов неоднократно становились темой научной дискуссии [4]; [5]; [6].

В российских исследованиях, посвященных Латинской Америке, цивилизационные основы гражданского общества, его эволюцию в конце XX в., примеры «низовых» социальных движений рассматривали Борис Иосифович Коваль [7], Эмма Евдокимовна Кузнецова [8], Людмила Владимировна Дьякова [9]. В работах этих авторов подчеркивалась позитивная роль социальных связей в сопротивлении авторитарным режимам и укреплении основ демократических систем. Анатолий Алексеевич Канунников анализировал различные направления международного сотрудничества латиноамериканского гражданского общества и европейских НПО [10]. В то же время усилившаяся с начала XXI в. активность НПО в социальной сфере, роль гражданских инициатив в период пандемии *COVID-19* пока не исследовались в отечественной науке. Целью данной статьи является выявление специфических особенностей латиноамериканского гражданского общества в контексте указанных аспектов, а также прослеживание основных тенденций и этапов его взаимодействия с государством.

Методологической основой работы является комплексный системный подход, позволяющий выявить взаимосвязи мировоззренческих, политических и социальных явлений, а также методы исторического, цивилизационного и политико-культурного анализа, предусматривающие рассмотрение исторической эволюции, цивилизационной, идеологической, социально-культурной и политической специфики сложных многоаспектных феноменов, к которым относится и гражданское общество.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИСТОКИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Акцент на социальной солидарности и горизонтальных отношениях, убежденность в возможности улучшения жизни «снизу», на локальном, местном, уровне, являются неотъемлемой частью латиноамериканской цивилизации. Эта специфика была обусловлена исторически. Трудный поиск своего пути после Войны за независимость бывших испанских колоний привел лучших представителей латиноамериканской интеллектуальной элиты к размышлениям о ключевых вопросах европейской мысли в драматических реалиях Нового Света. Фундаментальные противоречия порядка и хаоса, власти государства и стихии свободы, традиции и инновации, де-

мократии и монархии, модернизации и архаики, социальной цивилизации и сословного варварства были осмыслены и проработаны латиноамериканскими философами, общественными и политическими деятелями, писателями, публицистами и стали неотъемлемой частью своеобразной культурно-политической традиции региона. Особая роль в мировоззренческих проявлениях этой традиции, сложившейся в XIX в. и оказавшей влияние на современность, принадлежала идеям просвещения, свободы, прав человека, уважения к личному труду, надеждам на преодоление бедности, сословной иерархии и социального неравенства, невежества и отсталости.

Венесуэльские просветители Симон Родригес (1769—1854 гг.) и Андрес Бельо (1781—1865 гг.) занимаясь общественной деятельностью, открывая учебные заведения, мечтали о единстве интеллектуального и трудового воспитания, о новом образовании для Латинской Америки, предназначенном для строительства справедливой «социальной цивилизации» [11, сс. 133-137]. Аргентинский политик и литератор Эстебан Эчеверриа (1805—1851 гг.) подчеркивал принцип равенства жизненных шансов, присущий демократическому обществу, когда «только честность, талант, гений порождают превосходство» [12, р. 71]. Чилиец Хосе Викторино Ластарриа (1817—1888 гг.) выступал за создание общественных институтов на локальном уровне (по образцу США), развитие муниципальной власти, местного самоуправления [13] и являлся одним из основоположников концепции гражданского общества на латиноамериканской почве.

Латиноамериканская мировоззренческая традиция, признавая безусловный приоритет государства в осуществлении главных целей общественного развития, всегда придавала особое значение способности к самоорганизации и свободной, не подчиненной государству гражданской активности, нацеленной на конкретную социальную практику «малых дел». Этот подход, ориентированный на добровольные самостоятельные усилия отдельных людей и сообществ, не утратил своей актуальности и на современном этапе. Например, в основе идейного комплекса латиноамериканского Гуманистического движения, возникшего в конце XX в., идеологом которого был аргентинский философ Марио Луис Родригес Кобос (Сило), также заложена идея поэтапной гуманизации общества на основе повседневной социальной работы, личной гражданской активности и просветительских инициатив [14]. Эти взгляды и сегодня продолжают оказывать влияние на реальную деятельность ряда социальных движений, подпитывая убежденность и активность их участников.

На протяжении XX в. на фоне противоречивых отношений государства и общества в странах Латинской Америки в условиях военно-авторитарных и диктаторских режимов, периодически находившихся у власти в большинстве государств региона, гражданское общество эволюционировало в сложный, многозначный феномен. Деятельность его организаций и движений включала как протестную активность, направленную на защиту прав человека и сопротивление диктатурам, восстановление демократии и правового государства, так и низовую социальную работу по поддержке самых уязвимых, беднейших слоев населения. Характерным примером развития данной тенденции является Чили в годы правления авторитарного военного режима Аугусто Пиночета (1973—1990).

Первыми после военного переворота стали создаваться чилийские правозащитные организации, члены которых стремились смягчить положение политзаключенных и помочь их родственникам, выяснить судьбы арестованных и пропавших [15, сс. 100-111]. Необходимо отметить, что исключительную роль в организации этого движения играла католическая церковь, превратившаяся при поддержке других христианских конфессий в один из центров сохранения общественной жизни и благотворительной помощи [16, pp. 148-154]. В то же время в Чили сформировались и другие объединения гражданского общества, работа которых была направлена на смягчение проблемы бедности широких слоев населения в условиях жестких экономических реформ, начатых военным режимом. Основой деятельности этих объединений стала практика «малых дел», взаимопомощи и улучшения жизни усилиями самих жителей. В 1973—1980-е годы в бедных районах чилийских городов появляются сотни «народных экономических организаций», работавших на локальном уровне. Их основу составляли небольшие группы соседей или родственников, которые самостоятельно создавали столовые и общественные кухни, закупочные объединения, мастерские, а также всевозможные центры взаимопомощи для решения разнообразных вопросов повседневной жизни [17, pp. 108-109]. Особенно эффективным оказался опыт организации совместных соседских столовых и закупочных центров, позволявший выживать десяткам семей и распространявшийся на другие чилийские города.

Своеобразную социальную деятельность гражданского общества, характерную также и для других латиноамериканских стран, переживших военные режимы, неоднократно критиковали за слабую связь с протестной политической активностью и оппозиционными движениями. Вместе с тем следует подчеркнуть, что независимое от власти пространство частной жизни в условиях авторитаризма стало играть исключительно важную роль, а традиция взаимопомощи, опоры на свои силы, практика самостоятельного решения локальных проблем, сформированная экстремальными историческими обстоятельствами, доказала свою жизнеспособность и впоследствии.

АДАПТАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА К НОВЫМ ВЫЗОВАМ

Новый этап в развитии латиноамериканского гражданского общества совпал с концом 1980-х — началом 1990-х гг., когда наступило общее оживление политической жизни, произошел бурный рост новых социальных движений — экологических, феминистских и иных, охвативших многие страны мира. Участники этих движений выступали за развитие альтернативных, антикапиталистических ценностей, демократию участия, социальную справедливость, солидарность, мультикультурализм. Идеи гражданской активности, а также то, что государственная стратегия дополнялась «низовой» социальной практикой, повышение роли рядового гражданина в политических процессах — все это соответствовало запросам формирующегося глобального общества. Для Латинской Америки этот этап был также связан с окончанием военного правления и процессами демократизации в Бразилии, Аргентине, Уругвае, Чили, активизацией правоза-

щитных общественных организаций и движений, основной задачей которых было восстановление исторической справедливости, правды и памяти о жертвах репрессий. Деятельность этих организаций, объединявших, в том числе, и родственников пострадавших*, во многом заключалась в изучении судеб и поиске останков людей, пропавших без вести в годы военных режимов, в помощи специальным государственным комиссиям по расследованию и установлению точного количества жертв, в создании мемориальных мест и проведении памятных мероприятий (под лозунгом «Никогда больше!»). Бескомпромиссная этическая позиция членов этих организаций по отношению к военным, виновным в преступлениях против прав человека, авторитарным лидерам, активное сопротивление любым попыткам оправдать диктатуры и тех, кто осуществлял насильственные действия, актуальны и в настоящее время, являясь частью политической гражданской активности.

Одновременно период 1990-х годов характеризовался дальнейшим проведением жестких неолиберальных реформ в большинстве стран региона и практически полным «уходом» государства из социальной сферы, сокращением его социальной роли, готовностью передать часть своих функций неправительственным организациям и частному сектору, которые приняли на себя определенную долю ответственности за самые уязвимые, неблагополучные, беднейшие слои населения. Это актуализировало и усилило другую — неполитическую, социальную — тенденцию в деятельности гражданского общества.

Крупные НПО стали активными участниками и проводниками государственной политики в социальной сфере, связанной с развитием образования, здравоохранения, социальной защиты, и особенно — преодоления бедности. В их задачи входило содействие разработке государственных проектов, повышение их эффективности на местах, усиление координации и взаимодействия на различных уровнях, развитие горизонтальных связей, привлечение бизнеса к решению социальных проблем.

Фонд по преодолению бедности в Чили (*Fundación Superación Pobreza*) [18], взаимодействуя с государственными и предпринимательскими организациями, с 1994 г. активно работал в удаленных и бедных регионах страны, в том числе занимаясь выявлением наиболее острых социальных проблем и групп, нуждающихся в адресной помощи. К этой деятельности активно привлекались молодые профессионалы (школьные учителя, социальные работники, студенты-волонтеры), изучавшие локальную специфику. Подобные организации, действуя и в других странах, не только дополняли государственную политику, но участвовали в формировании определенного общественного климата, более благоприятного для решения социальных проблем.

Созданный в 1990 г. в Мехико Предпринимательский совет для Латинской Америки (*Consejo Empresarial de América Latina, CEAL*), объединивший более 300 частных предприятий из Мексики, Аргентины, Гондураса,

* Наиболее известные организации — «Матери Майской площади» (*Madres de La Plaza de Mayo*) в Аргентине; «Объединение родственников погибших и пропавших без вести» (*Agrupación de Familiares de Detenidos Desaparecidos*) в Чили; «Матери и родственники репрессированных и пропавших без вести» (*Madres y Familiares de Uruguayos Detenidos Desaparecidos*) в Уругвае; движение родственников жертв репрессий в Бразилии.

Гватемалы, Панамы, Никарагуа, Сальвадора, Боливии [19], провозглашая идеи социальной ответственности предпринимательского класса, реализовывал проекты широкой социальной направленности: от внедрения инновационных технологий в здравоохранении и образовании до программ повышения квалификации, стажировки специалистов, воспитания предпринимательской культуры у молодежи, стремящейся к активной деятельности на рынке труда и открытию своего дела в современных условиях.

На этапе принятия латиноамериканскими странами новой реальности, сформированной идеологией нелиберальных рыночных реформ, организации гражданского общества стремились заполнить нишу, которая осталась без поддержки государства, сгладить изъяны госсистемы, предоставить более широкие возможности социально уязвимым, этнически и культурно обособленным общественным группам. Этот подход особенно наглядно проявился в одной из наиболее важных областей общественного развития — в сфере образования. Кроме того, именно эта сфера (в отличие от здравоохранения и социальной защиты) открывала широкие возможности для негосударственных, «дополняющих» проектов и инициатив.

Например, специалисты Совета по образованию для взрослых (*Consejo de Educación de Adultos de América Latina, CEAAL*), начавшего работу в 1982 г. во всех странах региона, разрабатывали специальные курсы дополнительного обучения для молодежи и взрослых, не получивших общего базового образования [20]. Одной из основных задач Сети народного образования для женщин Латинской Америки и Карибов (*Red de Educación Popular entre Mujeres de Latinoamérica y el Caribe*), созданной в 1981 г. активистами феминистского движения в 12 странах, было повышение профессиональной подготовки и трудоустройство женщин в условиях конкурентной рыночной экономики; сотрудники этой организации создавали соответствующие проекты [21].

Особую роль НПО играли в сглаживании противоречий, связанных с «индейской» проблематикой, в реализации политики межкультурного взаимодействия (более применимого, в отличие от мультикультурализма, к реалиям Латинской Америки). На рубеже 1980—1990-х гг. для защиты интересов коренных народов, поддержки индейской культуры, преодоления глубокого социального неравенства создавались тысячи независимых организаций, крупнейшие из которых стали влиятельными региональными НПО. Их деятельность носила многопрофильный характер, включая не только правозащитную сферу, взаимодействие с государственными структурами по проблеме справедливого представительства индейских народов на политическом уровне, но и независимые проекты в области образования, поддержки молодежи, создание собственных учебных заведений.

Конфедерация индейских народов Эквадора (*Confederación de Nacionalidades Indígenas del Ecuador, CONAIE*) — одна из наиболее активных НПО — в 1996 г. организовала Межкультурный университет национальностей и индейских народов *Amawtay Wasi* — «Дом мудрости и знаний» (*La Universidad Intercultural de las Nacionalidades y Pueblos Indígenas Amawtay Wasi, UAW*) [22]. Специалистов готовили по таким направлениям, как экологическое сельское хозяйство, педагогика, традиционное искусство, а также реализация важнейших принципов концепции «правильной, благо-

получной жизни» (*el buen vivir* или *bien vivir*), распространившейся в «индейских» странах региона и противопоставляющей свои ценности неолиберальному, антиприродному, экстрактивистскому подходу Запада [23], [24]. Эта концепция, получившая новый импульс в XXI в., рассматривается идеологами индейских движений в качестве основы для создания равноправного многокультурного (или межкультурного) общества.

Процесс формирования обособленных «индейских» учебных заведений, защищающих пространство культурной самобытности коренных народов, продолжился и в 2000-е годы. Крупнейшая индейская организация Бразилии — Координация индейских организаций бразильской Амазонии (*Coordinación de las Organizaciones Indígenas de la Amazonia Brasileira, COIAB*) — в 2006 г. также основала свой Амазонский центр индейского образования (*El Centro Amazónico de Formación Indígena, CAFI*), деятельность которого направлена на защиту основ традиционного образа жизни коренных народов и подготовку соответствующих специалистов (юристов, педагогов, экономистов, экологов) [22, pp. 111-112].

В настоящее время упомянутые выше университеты или специализированные отделения при крупных учебных центрах существуют и в других странах — Колумбии, Перу, Боливии, Мексике, Аргентине, Никарагуа, Панаме, Гватемале. Объединенные в Сеть индейских межкультурных и общинных университетов Абыя Яла* (*Red de Universidades Indígenas, Interculturales y Comunitarias de Abya Yala, RUIICAY*), они предоставляют образование, основная цель которого — защита фундаментального права коренных народов на сохранение традиционного образа жизни и культурной самобытности [22]. Вместе с тем результаты этой деятельности неоднозначны, учитывая, что важнейшими общественными и государственными задачами являются исправление пороков укоренившейся системы образования и преодоление социально-экономических барьеров, препятствующих включению индейской молодежи в современную жизнь. Реальная же практика индейских университетов по формированию собственного социокультурного пространства, в рамках которой для учащихся создается благоприятная «принимающая среда», нередко приводит к усилению изоляции, создает дополнительные культурно-психологические границы, ограждающие мир латиноамериканской самобытности от современной цивилизации.

Период 1990-х годов был отмечен также масштабным оживлением низовой гражданской активности. Несмотря на то, что ключевые направления социальной политики и особенно кардинальное сокращение бедности не могли быть реализованы без приоритетного участия государства и возможностей, обеспечиваемых экономическим ростом, различные волонтерские объединения и социальные движения осуществляли многостороннюю поддержку беднейших слоев населения на низовом уровне, содействовали их включению в общественную жизнь. Показательным примером является практика участников Гуманистического движения (*El Movimiento Humanista*) в Аргентине, Чили, Бразилии, Мексике и других странах, расцвет которой пришелся на 1990-е годы.

* *Abya Yala* — «Земля в полной зрелости»; одно из индейских названий американского континента, противопоставляемое «западному» понятию «Новый Свет».

В бедных районах крупных городов (Сантьяго, Буэнос-Айреса, Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро) активисты (студенты, университетские преподаватели, сотрудники офисов) организовывали центры досуга, психологической помощи, дополнительного профессионального образования для женщин и пожилых людей, курсы подготовки в университеты для молодежи, а также детские сады и специальные центры для детей из бедных семей [15, сс. 160-166].

Важную социальную роль играла психологическая и медицинская поддержка особо дискриминируемых социальных групп (носителей СПИД, наркоманов, сексуальных меньшинств, несовершеннолетних матерей-одиночек, женщин, подвергшихся насилию). Этой деятельностью занимались студенты-психологи и молодые специалисты, входившие в ряды движения и заинтересованные в получении практического опыта. Особенно актуальной для периода 1990-х годов была просветительская и социально-психологическая работа с женщинами из неблагополучных городских районов, не имевшими представления о своих правах внутри семьи и способах защиты от домашнего насилия. Гуманисты участвовали и в традиционно существующих формах социальной практики на местах — в «прямых инициативах» жителей, стремящихся построить собственное жилье, оснастить досуговый центр, детский сад или решить какую-то иную локальную проблему [15, сс. 160-166].

Подобно другим общественным течениям и низовым христианским общинам, работающим в бедных районах, гуманисты стремились смягчить проблемы самых незащищенных групп общества, интересы которых были недостаточно представлены в правительственных программах. Характерной чертой являлось то обстоятельство, что реализация большинства социальных проектов происходила во взаимодействии с муниципальными властями, но при обязательной поддержке самих жителей. Активность и самоотверженность рядовых членов Гуманистического движения основывалась на глубокой убежденности в том, что постоянная «пошаговая» работа в неблагополучных, бедных городских кварталах неизбежно приведет к качественным социальным переменам, откроет новые жизненные возможности и перспективы.

Таким образом, на протяжении последних полутора десятилетий XX в. в развитии латиноамериканского гражданского общества усиливались тенденции, связанные с эволюцией его социальных функций, расширением их многообразия, формированием крупных НПО, представляющих различные сферы социальной жизни. Одновременно шел процесс активизации низовой гражданской практики, основанной на инициативах и добровольной работе участников новых общественных движений.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В XXI ВЕКЕ

В первые десятилетия XXI в., особенно в период высоких темпов экономического роста 2003—2013 гг. («золотого десятилетия»), латиноамериканские государства усилили свою социальную роль: начался период масштабной социальной политики, охватившей весь регион и направленной на сокращение бедности и общественного неравенства, интенсивное развитие

образования, здравоохранения, поддержку молодежи и пожилых людей. В различных государствах региона принимались целенаправленные многолетние программы, шли становление и поиск своей модели социального государства, наиболее полно отражающей специфику и экономические возможности каждой страны [25]. Эта политика привела к значительному сокращению бедности с 44% населения (221 млн человек) в 2002 г. до 28% (164 млн) в 2013 г., улучшению систем образования, здравоохранения, социальной защиты [26, р. 17]. Несмотря на усиление после 2015 г. негативных тенденций и новый виток увеличения бедности (до 30,7% населения, или 186 млн человек, уже в 2016 г.) [27, р. 92], укрепление государственных позиций в социальной сфере свидетельствовало о новом этапе взаимодействия между государством и гражданским обществом.

В XXI в. изменился социально-политический контекст, более многомерным, «относительным» стало понимание бедности, еще большую остроту приобрели проблемы неравенства и социальной исключенности, психологическое ощущение собственной неполноценности, характерное для бедных слоев. Государственная политика, традиционно ориентированная на абсолютные показатели в вопросах бедности и неравенства (на цифры и статистические данные), не могла соответствовать постоянно усложняющимся общественным ожиданиям и запросам.

Прерогативой организаций гражданского общества оставалась деятельность по дополнению социальной стратегии государства, коррекция масштабных общенациональных проектов с точки зрения «субъективного», «человеческого» измерения. Новые условия и новые настроения оказывали влияние и на подходы, формировавшиеся в его структурах и направлениях работы.

Интересен опыт созданной в 2001 г. в Перу в результате многолетнего взаимодействия региональных общественных структур и правительства НПО национального уровня — Стола согласия за борьбу против бедности (*Mesa de Concertación para la lucha contra la Pobreza*) [28]. В задачи *Mesa de Concertación* входило: повышение эффективности государственных программ; обеспечение большего участия граждан в разработке конкретных мер борьбы с бедностью; формирование «локальных карт», отражающих социальную специфику каждого региона, города и района. НПО, деятельность которой продолжается и в настоящее время, занимается организацией многочисленных общественных кампаний в поддержку пожилых людей, детей, жертв домашнего насилия, осуществляет просветительскую деятельность, готовит рекомендации и предложения для правительства по проблемам недоедания среди детей, школьного образования и трудоустройства молодежи, по ситуации в удаленных сельских районах. Активно сотрудничая с локальными структурами и профильными министерствами, *Mesa de Concertación* взаимодействует и с такими крупнейшими международными организациями, как Программа развития ООН (PNUD) и Детский фонд ООН (UNICEF). Задачей этой и других подобных НПО является оказание конкретной и реальной помощи по разработке более эффективной государственной политики, направленной на преодоление бедности.

Особенно значимой областью, реально влияющей на сокращение социального неравенства и формирование новых жизненных перспектив для молодежи из уязвимых слоев населения, оставалась сфера образования, в которой усилился процесс взаимодействия между государством и общественными организациями, шел интенсивный поиск новых форм сотрудничества с предпринимательским сообществом, создавались влиятельные региональные структуры.

В 2006 г. НПО 14 стран объединились в Латиноамериканскую сеть организаций гражданского общества за образование (*Red Latinoamericana de las Organizaciones de la Sociedad Civil por la Educación, REDUCA*) [29], стратегия которой была направлена на осуществление многоуровневого государственно-частного партнерства в сфере образования, развитие предпринимательских и общественных инициатив, создание программ и проектов, нацеленных на улучшение качества образования, повышение степени его инклюзивности. В Перу и Колумбии действовала организация «Предприниматели за образование» (*Empresarios por la Educación, EXE*); в Эквадоре — «Фонд содействия реформам и расширению возможностей» (*Fundación para el Avance de las Reformas y las Oportunidades, FARO*); в Уругвае и Колумбии — «Все за образование» (*Todos por la Educación, TPE*); в Панаме и Эквадоре — «Вместе за образование» (*Unidos por la Educación*); в Никарагуа — «Давайте обучать» (*Eduquemos*), и ряд других объединений в Мексике, Аргентине, Сальвадоре, Чили [29].

Проекты *REDUCA* отражали сосуществование и противоборство двух тенденций: стремления к инновациям и повышению качества образования молодежи, выходящей на рынок труда, и запроса на формирование, начиная со школы, более толерантной среды и соответствующей системы обучения, ориентированной на равенство, справедливость и солидарность. Если первая задача ставилась преимущественно бизнесом и частью госструктур, то вторая касалась ожиданий определенных общественных групп и организаций, работающих с бедными и маргинальными слоями.

В плане формирования инклюзивной, «принимающей» школы показательными являлись инициативы эквадорского фонда *FARO* и объединения *Unidos por la Educación*, осуществляемые в Панаме.

Фонд содействия реформам и расширению возможностей (*FARO*) при поддержке министерства образования, предпринимательского сообщества и иностранных университетов с 2004 г. участвовал в дополнении и продвижении государственной политики в области образования. Во всех регионах страны активисты организации занимались просветительской работой, на местном уровне стремились оценить эффективность и недостатки государственных программ. Характерным примером являлся развивающий проект «Учебные сообщества» (*Comunidades de Aprendizaje*), реализованный на базе нескольких государственных школ в крупных городах страны, суть которого состояла в формировании лучшей обучающей среды с помощью новых идей, предложенных самими детьми, их родителями и учителями [30].

В Панаме основными задачами движения *Unidos por la Educación* стали более активное (при участии волонтеров) привлечение местных сообществ к улучшению школьной системы, а также поощрение локальных инициа-

тив на уровне семьи, соседской общины, детских и молодежных объединений. В 2012 г. творческое применение обучающих программ «на местах» было поддержано Детским фондом ООН [31].

В первые десятилетия XXI в. начало интенсивно развиваться направление, связанное с участием бизнеса в сфере образования, заинтересованного в улучшении профессиональной подготовки молодежи. В русле этой тенденции продолжил свою деятельность Предпринимательский совет для Латинской Америки (*Consejo Empresarial de América Latina, CEAL*) [19], одной из задач которого являлось повышение качества преимущественно высшего технического и среднего специального образования. Наиболее значимые национальные проекты, в рамках которых предусматривалось оказать адресную помощь талантливой молодежи в целях получения высшего образования, были призваны удовлетворить кадровые запросы высокотехнологичных сфер современной экономики. В Мексике и Аргентине реализовывались программы по выплате стипендий, в частности, благодаря крупнейшему мексиканскому производителю молочных продуктов компании «Группа Лала» (*Grupo Lala*) и аргентинской химико-фармацевтической фирме «Лаборатории Баго» (*Laboratorios Bagó*) (для студентов, занятых в области медицинских технологий и фармацевтики). В Гватемале крупнейшее предприятие по производству цемента *Cementos Progreso* организовало собственные курсы подготовки и стажировки специалистов — инженеров и технических работников [19]. В Боливии поддержку талантливым студентам, обучающимся в сфере высшего инженерно-технического образования и управления бизнесом, оказывает финансовая компания «Коммерческий Банк Санта-Крус» (*Banco Mercantil Santa Cruz, BMSC*) [32]. *CEAL* продвигает проекты и более широкой социальной направленности, связанные с развитием школьного образования и даже детских садов в Никарагуа, Сальвадоре, Гондурасе (поставки оборудования, финансирование, повышение квалификации специалистов) [19].

В целом различные социальные инициативы под эгидой влиятельных НПО, новые формы государственно-частного партнерства в первые десятилетия XXI в. охватили многие страны региона, став неотъемлемой частью более разнообразной и сложной общественной жизни, отражая многомерное восприятие ключевых социальных проблем. Этот этап формирования своеобразных моделей взаимодействия между государством и гражданским обществом Латинской Америки был прерван беспрецедентными событиями 2020—2021 гг.

ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ В ПЕРИОД COVID-19

Следует отметить, что последствия пандемии коронавируса в Латинской Америке буквально катастрофические. Системы здравоохранения большинства стран региона, где и в благополучный период было масса проблем, оказались бессильны перед новыми, непредвиденными вызовами. Кризис охватил и сферу социальной защиты. В 2020 г. количество бедных увеличилось на 28,7 млн человек по сравнению с 2019 г. и составило 34,7% населения (214,7 млн) [33, р. 16]; эти цифры свидетельствовали о значительном отступлении во всех сферах социального развития. Точечная ад-

ресная помощь (главным образом в форме единовременных пособий), к которой прибегали правительства латиноамериканских стран, поддерживала самые уязвимые и особенно пострадавшие от пандемии и карантинных мер области: туристический сектор, мелкий бизнес, неформальных индивидуальных предпринимателей — уличных торговцев, производителей сувениров и т.д. (например, в Боливии, Перу), а также владельцев и работников небольших кафе, водителей прекратившего работу общественного транспорта (в Чили), семьи с детьми, официальных безработных, число которых возрастало с каждым днем. Эта помощь, более или менее значительная в зависимости от уровня экономического положения той или иной страны, везде представляла собой временную, ограниченную социальную компенсацию и являлась вынужденным шагом назад в области социальной политики по сравнению с предыдущим периодом. Несмотря на то, что все внимание и мирового, и латиноамериканского общественного мнения было приковано к действиям государств и правительств, их политическим решениям и способности противостоять пандемии, роль и миссия гражданского общества продолжала оставаться значительной.

Именно структуры гражданского общества, опираясь на выработанные исторически ценности солидарности и взаимопомощи, низовую активность и горизонтальные связи, оказывали нуждающимся материальную и эмоционально-психологическую поддержку. Непременным условием этой работы стала добровольная помощь волонтеров. Показательным примером явилось общественное движение «Затормози кривую» (*Frena la curva*) [34], возникшее в Испании весной 2020 г. (по инициативе правительства Арагона) и получившее распространение в 11 странах Латинской Америки (Аргентине, Чили, Уругвае, Мексике, Коста-Рике, Бразилии, Венесуэле, Гватемале, Эквадоре, Колумбии, Перу). Основной задачей движения являлась координация усилий для оказания помощи наиболее уязвимым группам населения — семьям с детьми, пожилым, работникам неформального сектора и мелкого бизнеса, жителям удаленных сельскохозяйственных районов и маргинальных кварталов городов. Особенности этой гражданской инициативы стали универсальный призыв ко всем, кто был готов проявить активность, помочь личным участием или финансированием, и быстрое создание национальных платформ (с перечнем конкретных задач, адресов и контактов).

Специфика каждой страны накладывала отпечаток на деятельность движения, добавляла конкретные варианты работы, но практически везде, особенно в период карантина, были востребованы практики укрепления социальных связей — от виртуального общения, создания дискуссионных клубов, курсов дополнительного образования, информационной помощи в налаживании дистанционного обучения и решении других жизненно важных вопросов, до шитья масок, сбора и доставки питьевой воды, продуктов питания и гигиенических товаров для пожилых людей. В движение были вовлечены молодые волонтеры, медицинские и социальные работники, сотрудники и студенты университетов, группы соседской поддержки, предприниматели. Католическая церковь также принимала в нем участие. Если, например, в Аргентине особое внимание уделялось распространению достоверной информации о положении дел, дистанционному обучению, созданию инновационных программ и курсов в условиях изоляции [35], то в

Перу при содействии церковных общин были четко организованы кампании по сбору продуктов для домов престарелых Лимы («Усынови дедушку» — «*Adopta un abuelito*»), для жителей бедных городских кварталов («Поможем помогать» — «*Ayudemos a ayudar*») и наиболее пострадавших от пандемии департаментов страны (например, «Я поддерживаю Пиуру» — «*Yo te apoyo a Piura*») [36]. В период пандемии значительную роль, особенно в наиболее пострадавших странах, играла поддержка бизнеса, вовлеченного в гражданские инициативы.

В Колумбии общественное движение «Объединенные мы страна» (*Unidos Somos Más País*), созданное при поддержке Национальной ассоциации предпринимателей (*Asociación Nacional de Empresarios, ANDI*), занималось покупкой медицинского оборудования для больниц, сбором средств для помощи мелким предпринимателям и уличным торговцам, потерявшим работу из-за карантинных ограничений [37].

В Перу Национальная конфедерация предпринимательских и частных объединений (*La Confederación Nacional de Instituciones Empresariales y Privadas, CONFIEP*) с начала пандемии занималась закупкой масок, кислородных баллонов, аппаратов ИВЛ, позднее — вакцин, осуществляла помощь в виде небольших единовременных выплат работникам неформального сектора (продавцам еды, ремесленным изделиям, открыток и т.д.) [38]. Эта деятельность, особенно актуальная для Лимы и туристических центров страны, была поддержана городскими властями.

Серьезную проблему представляло дистанционное обучение, напрямую связанное с информационной грамотностью и компьютерной оснащенностью учащихся и школ, с возможностью подключиться к сети Интернет. Социальное неравенство в этой сфере оказалось не менее драматичным, чем в экономике.

Организация *Empresarios por la Educación*, действующая в Перу и Колумбии в рамках сети *REDUCA*, до пандемии нацеленная на повышение уровня муниципального школьного образования и внедрение современных технологий, с началом карантина занималась организацией бесплатных компьютерных центров для молодежи и самозанятых взрослых, осуществляла информационную поддержку преподавателей и учащихся. Это имело особое значение для жителей отдаленных и бедных районов Перу и Колумбии [39]. Национальное радио и телевидение Колумбии (*RTVC*) участвовало в создании специальных образовательных программ (проект «Образование, которое нас объединяет» — «*La Educación que nos une*») [40]. Ресурсы телевидения и местного радио использовались для организации и проведения школьных занятий в сельских районах, для помощи учителям и родителям. Партнерами стали крупнейшие перуанские и колумбийские предприятия и фонды, телеканал *Latina*.

Описанные выше примеры не являются единичными, но связаны со спецификой каждой страны. Несмотря на то, что основную стратегию по преодолению пандемии формировало государство, а предпринимательское сообщество не везде проявляло активную социальную ответственность, практика общественной взаимопомощи и солидарности, свойственная региону в целом, имела тот смягчающий, «паллиативный» эффект, без кото-

рого ситуация в большинстве латиноамериканских стран была бы еще более трагической.

Таким образом, гражданское общество Латинской Америки является феноменом, близким по своим фундаментальным характеристикам западноевропейской политической культуре. Вместе с тем его отличают и специфические черты, обусловленные особенностями самой латиноамериканской цивилизации, становлением современных государств, трудным поиском своего пути после Войны за независимость, противоречиями между властью и обществом, усиленными гражданскими войнами и политическими диктатурами XX в. Латиноамериканское гражданское общество формировалось в значительно более драматических и жестких условиях, чем европейское или североамериканское, и это, как представляется, предопределило его бóльшую нацеленность на социальную справедливость и солидарность. Поскольку в большинстве государств Латинской Америки модель социального государства сформировалась довольно поздно и была ограниченной, гражданское общество исторически было призвано играть «стабилизирующую» роль, стать инструментом смягчения социальных проблем, дополнять и «улучшать» государственную политику как на локальном, местном, так и на национальном уровне. Его ориентация на коррекцию государственных макропроектов особенно заметна в сфере преодоления бедности, неравенства, психологического ощущения исключенности, свойственного маргинализированным группам общества, и в совершенствовании системы образования. Проявляя в определенные исторические периоды протестную политическую активность, крупные латиноамериканские НПО и небольшие движения гражданских инициатив всегда были нацелены на последовательную социальную работу, взаимопомощь, укрепление социальных связей. Эта черта проявилась и в период пандемии COVID-19; объединения гражданского общества доказали свою исключительную способность на каждом новом этапе соответствовать фундаментальным вызовам времени.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Fishman R.M. How Civil Society Matters in Democratization: Setting the Boundaries of Post-Transition Political Inclusion. *Comparative Politics*. University of New York, 2017, Vol. 49, no 3, Special Issue: Civil Society and Democracy in an Era of Inequality, pp. 391-409. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26330964> (accessed 02.12.2021).
2. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии. *Полис. Политические исследования*. М., 1996, № 5, сс. 16-27. [Shmitter F. Razmyshleniya o grazhdanskom obshchestve i konsolidacii demokratii [Reflections on civil society and the consolidation of democracy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, Moscow, 1996, N5, pp. 16-27.
3. Шапиро Й. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики. *Полис. Политические исследования*. М., 2001, № 5, сс. 54-64. [Shapiro I. Pereosmyslivaya teoriyu demokratii v svete sovremennoj politiki [Rethinking democratic theory in the face of contemporary politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, Moscow, 2001, N 5, pp. 54-64.
4. Welzel C. Why the Future Is Democratic. *Journal of Democracy*. Baltimore, JHU Press, 2021, Vol. 32, Issue 2, pp. 132-144. Available at: <https://journalofdemocracy.org/articles/why-the-future-is-democratic/> (accessed 02.12.2021).

5. Bernhard M., Fernandes T., Branco R. Civil Society and Democracy in an Era of Inequality. *Comparative Politics*. University of New York, 2017, Vol. 49, N3, Special Issue: Civil Society and Democracy in an Era of Inequality, pp. 297-309. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26330959?refreqid=excelsior%3A8804f64eb64981e91cc6889e99eaa868> (accessed 02.12.2021).
6. Соловьев А. И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество. *Полис. Политические исследования*. М., 2019, № 4, сс. 8-25. [Solov'ev A. I. Politicheskaya povestka pravitel'stva, ili zachem gosudarstvu obshchestvo [Political agenda of the Government, or why the State needs the Society]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, Moscow, 2019, N 4, pp.8-25.
7. Коваль Б.И., Кузнецова Э.Е. и др. Человек и общество в современной латиноамериканской цивилизации. *Аналитические тетради ИЛА РАН*. М., 2000, вып.10, 133 с. [Koval' B.I., Kuznetsova E.E. i dr. Chelovek i obshchestvo v sovremennoj latinoamerikanskoj civilizacii [Man and Society in the Modern Latin American Civilization]. *Analiticheskie tetradi ILA RAN*. Moscow, 2000, N 10, 133 p.
8. Кузнецова Э.Е. Процесс структурирования гражданского общества в Латинской Америке. Неправительственные организации. *Государство, гражданское общество и процесс демократизации в Латинской Америке*. М., ИЛА РАН, 1995, сс. 83-94. [Kuznetsova E.E. Process strukturirovaniya grazhdanskogo obshchestva v Latinskoj Amerike. Nepravitel'stvennye organizacii [The process of structuring civil society in Latin America. Non-governmental organizations]. *Gosudarstvo, grazhdanskoe obshchestvo i process demokratizacii v Latinskoj Amerike*. Moscow, ILA RAN, 1995, pp. 83-94.
9. Дьякова Л.В. Гуманистическое движение в Латинской Америке: мировоззрение и социально-политическая практика. *Латинская Америка*. М., 2014, № 8, сс.16-23. [Diyakova L.V. Gumanisticheskoe dvizhenie v Latinskoj Amerike: mirovozzrenie i social'no-politicheskaya praktika [The Humanist Movement in Latin America: Ideology and Socio-political practice]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2014, N 8, pp. 16-23.
10. Канунников А.А. Диалог гражданского общества стран Латинской Америки и Европейского союза. *Латинская Америка*. М., 2021, № 6, сс. 6-18. [Kanunnikov A.A. Dialog grazhdanskogo obshchestva stran Latinskoj Ameriki i Evropejskogo Soyuza [Civil society dialogue between Latin America and the European Union]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2021, N 6, pp. 6-18.
11. Щелчков А.А. Испаноамериканские просветители Симон Родригес и Андрес Бельо. *История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков*. Отв.ред. Е.А. Ларин. М., Наука, 2010, сс. 133-144. [Shelchkov A.A. Ispanoamerikanskije prosvetiteli Simón Rodríguez i Andrés Bello [Hispanic educators Simon Rodríguez and Andres Bello]. *Istoriya Latinskoj Ameriki v mirovoj istoricheskoj i obshchestvennoj mysli XVI-XIX vekov*. Ed. E.A. Larin. Moscow: Nauka, 2010, pp.133-144.
12. Эчеверрия Э. Социалистическое учение майской ассоциации. *Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX-нач. XX в.)*. М., Мысль, 1965, сс. 39-92. [Echeverría E. Socialisticheskoe uchenie majskoj associacii. [The socialist doctrine of the May Association]. *Progressivnye mysliteli Latinskoj Ameriki (XIX- nach. XX v.)*. Moscow, Mysl, 1965, pp. 39-92.
13. Щелчков А.А. Последний романтик Хосе Викторино Ластаррия. *История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков*. Отв.ред. Е.А. Ларин. М., Наука, 2010, сс. 276-281. [Shelchkov A.A. Poslednij romantik José Victorino Lastarria [The last romantic José Victorino Lastarria] *Istoriya Latinskoj Ameriki v mirovoj istoricheskoj i obshchestvennoj mysli XVI-XIX vekov*. Ed. E.A. Larin.] Moscow, Nauka, 2010, pp. 276-281.
14. Silo. Humanizar la Tierra. Madrid: Ediciones León Alado, 2013, 159 p.
15. Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. Москва, ИЛА РАН, 2013, 325 с. [Diyakova L.V. *Chilijskaya demokratiya: preemstvennost' i peremeny* [The Chilean democracy: continuity and change]. Moscow: ILA RAN, 2013, 325 p.
16. Una puerta que se abre: Los Organismos no Gubernamentales en la Cooperación al Desarrollo, Santiago, Taller de Cooperación al Desarrollo, 1989, 562 p.
17. Social Policy from the Grassroots: Nongovernmental Organizations in Chile, Boulder-San Francisco-London, UNICEF, 1989, 219 p.

18. Fundación Superación Pobreza. Available at: <http://www.superacionpobreza.cl/> (accessed 27.04.2021).
19. Educación | CEAL - Consejo Empresarial de América Latina. Available at: <http://ceal.co/acerca/educacion/> (accessed 27.03.2021).
20. Consejo de educación popular de América Latina y el Caribe (CEAAL) Available at: http://www.socioeco.org/bdf_organisme-903_fr.html (accessed 26.09.2021).
21. La Educación Popular feminista en red: 30 años de la Red de Educación Popular entre Mujeres – REPEM. Available at: <https://www.dvv-international.de/es/educacion-de-adultos-y-desarrollo/ediciones/ead-792012/trabajo-en-red/la-educacion-popular-feminista-en-red-30-anos-de-la-red-de-educacion-popular-entre-mujeres-repem> (accessed 19.08.2021).
22. Mato D. Las iniciativas de los movimientos indígenas en educación superior: un aporte para la profundización de la democracia. *Nueva Sociedad*, Buenos Aires, 2010, N227, pp. 102-119.
23. Шинкаренко А.А. Vida Verde в Западном полушарии: концепция Buen Vivir в странах Латинской Америки как фундамент обратной модернизации. *Vida Verde: Обратная модернизация как новый вектор инклюзивного роста. Аналитический доклад*. М., Научный эксперт, 2020, сс. 41-54. [Shinkarenko A.A. Vida Verde v Zapadnom polusharii: koncepciya Buen Vivir v stranah Latinskoj Ameriki kak fundament obratnoj modernizacii [Vida Verde in the Western Hemisphere: the concept of Buen Vivir in Latin America as a foundation for reverse modernization]. *Vida Verde: Obratnaya modernizaciya kak novyj vektor inklyuzivnogo rosta. Analiticheskij doklad*. Moscow, Nauchnyj ekspert, 2020, pp. 41-54.
24. Artaraz K., Calestani M., Trueba M.L. Vivir bien / Buen vivir and Post-Neoliberal Development Paths in Latin America: Scope, Strategies, and the Realities of Implementation. *Latin American Perspectives*. London, SAGE Publications Ltd., 2021, Issue 238, Vol. 48, no 3, pp.4-16. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0094582X211009461> (accessed 02.12.2021).
25. Дьякова Л.В. Социальная политика латиноамериканских стран в начале XXI в.: возможности и пределы. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2020, т.64, №10, сс.112-120. [Diyakova L.V. Social'naya politika latinoamerikanskih stran v nachale XXI v.: vozmozhnosti i predely. [Social Ppolicy in Latin American Countries in the Early 21st Century: Opportunities and Limits]. *World Economy and International Relations*, Moscow, 2020, vol. 64, N10, pp. 112-120.
26. CEPAL. Panorama social de América Latina, 2013. Santiago de Chile, 2014, 228 p. (p.17).
27. CEPAL. Panorama social de América Latina, 2018. Santiago de Chile, 2019, 227 p. (p. 92).
28. Mesa de Concertación para la Lucha Contra la Pobreza | MCLCP. Available at: <https://www.mesadeconcertacion.org.pe/> (accessed 25.09.2021).
29. Reduca – Red Latinoamericana por la Educación. Available at: <https://www.reduca-al.net/> (accessed 21.08.2021).
30. Comunidades de aprendizaje. Material audiovisual. Available at: <https://grupofaro.org/material-audiovisual/> (accessed 26.10.2020).
31. Jóvenes Unidos por la Educación hacen un llamado para que la enseñanza sea inclusiva. Available at: <https://ensegundos.com.pa/2020/03/02/jovenes-unidos-por-la-educacion-hacen-un-llamado-para-que-la-ensenanza-sea-inclusiva/> (accessed 20.10.2020).
32. BOLIVIA: El Banco Mercantil Santa Cruz impulsa una campaña para otorgar becas en beneficio de jóvenes bolivianos. Available at: <http://deltafinanciero.com/9779-El-Banco-Mercantil-Santa-Cruz-impulsa-una-campana-para-otorgar-becas-en-beneficio-de-jovenes-bolivianos> (accessed 27.05.2021).
33. CEPAL. Informe sobre impacto económico en América Latina y el Caribe de la enfermedad por coronavirus (COVID-19). Santiago de Chile: Naciones Unidas, 2020, 38 p.
34. Frena la curva – Juntos somos más fuertes. Available at: <https://frenalacurva.net/> (accessed 25.09.2021).
35. Publicaciones - Lanzamos colectivamente Frena La Curva Argentina - SUMATE a la Acción Colectiva. Available at: <http://www.accioncolectiva.net/contentFront/publicaciones-1/lanzamos-colectivamente-frena-la-curva-argentina-44.html> (accessed 25.09.2021).

Людмила Дьякова

36. Adopta un abuelito en esta cuarentena - Frena la curva - Perú. Available at: <https://frenalacurva.org.pe/llevamos-ayuda/adopta-un-abuelito-en-esta-cuarentena/> (accessed 15.09.2021).

37. ANDI - Eventos. Available at: <http://www.andi.com.co/Home/Evento/47-unidos-somos-mas-pais> (accessed 25.03.2021).

38. Cronología fondo de emergencia – CONFIEP. Available at: <https://www.confiep.org.pe/cronologia-fondo-de-emergencia/> (accessed 15.08.2021).

39. Empresarios por la Educación en Perú. Inclusión digital. Available at: <http://empresariosporlaeducacion.org.pe/inclusion-digital-3/> (accessed 20.10.2020).

40. Empresarios por la Educación en Colombia. RTVC, el nuevo aliado de La Educación que nos une. Available at: <https://fundacionexe.org.co/2020/10/15/rtvc-el-nuevo-aliado-de-la-educacion-que-nos-une/> (accessed 29.03.2021).

Liudmila V.Diakova (diakova65@mail.ru)

Doctor of Political Sciences. Leading researcher, Center of Political Studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences (ILA RAN)

Bolshaya Ordynka, 21/16, 115035 Moscow, Russian Federation

Latin American civil society facing the challenges of the time and the practice of social solidarity in the period of *COVID-19*

Abstract. The article examines the phenomenon of civil society in Latin America, examines its civilizational and ideological foundations, specific characteristics, various directions of social activity during the late XX-first decades of the XXI century. The author analyzes the activities of large NGOs in the social sphere, the implementation of multiculturalism policy, considers examples of public-private partnership, the role of local civil activism in complementing and improving the state strategy on the ground. Special attention is paid to the practice of social mutual assistance and solidarity initiated by civil society structures during the *COVID-19* pandemic.

Key words: Latin America, civil society, NGO, *COVID-19*.

DOI: 10.31857/S0044748X0018048-1

Received 07.05.2021.

Н.Ю.Кудеярова

Война Парагвая против Тройственного альянса

Историческая память и поиск основ идентичности

Война против Тройственного альянса, которая разворачивалась полтора века назад (1864—1870 гг.), стала центральным элементом национально-государственной идентичности Парагвая. Последствия конфликта оказали разрушительное воздействие на страну, превратившись в сильнейшее травматичное событие. Через 32 года после окончания войны, в 1902 г., началась активная дискуссия о ее оценке, причинах и последствиях. Спор между парагвайскими историками и публицистами Хуаном Эмилиано О’Лири и Сесилио Базсом, длившийся полгода на страницах газет, стал поворотным моментом в развитии исторического ревизионизма. Принятый после Февральской революции 1936 г. декрет о возвращении памяти маршала Франсиско Солано Лопеса завершил постепенный процесс переоценки прошлого и открыл новую страницу в политической жизни страны. Историческая концепция О’Лири, названная впоследствии «парагвайским ревизионизмом», стала идеологической основой диктатуры Альфредо Стресснера. В демократический период потребность в данной доктрине отпала, однако она продолжает существовать в качестве исторического нарратива, лежащего в основе национально-государственной идентичности. Возникшее противоречие оказывает важное влияние на характер модернизации, траектории внешней политики страны и несет в себе конфликтный потенциал для общественных дискуссий о прошлом. В то же время происходящие изменения формируют потребность в изменении нарративов идентичности.

Ключевые слова: Парагвай, идентичность, коллективная память, культурная травма, Парагвайская война.

DOI: 10.31857/S0044748X0013612-2

Статья поступила в редакцию 23.04.2021.

Надежда Юрьевна Кудеярова — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21, <https://orcid.org/0000-0002-6899-0763>, n.kudeyarova@yandex.ru).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-014-00042.

Парагвайская война, или Война против Тройственного альянса, в состав которого входили Бразилия, Аргентина и Уругвай (1864—1870 гг.) стала самым кровопролитным конфликтом в Южной Америке в XIX в. В Парагвае ее принято называть Великой войной (*Guerra Guasú**). Столкновение четырех государств отразило наличие глубоких противоречий в регионе Ла-Платы. Формальным поводом для столкновения стало решение парагвайского президента Франсиско Солано Лопеса Каррильо (1862—1870 гг.) прийти на помощь уругвайскому правительству консерваторов, находившемуся в состоянии фактической гражданской войны с либеральной партией *Colorado*. Угроза союза двух стран дала повод Бразилии в августе 1864 г. также вмешаться во внутренние дела Уругвая. Парагвай начал боевые действия в конце декабря 1864 г., вторгнувшись на территорию бразильского штата Мату-Гроссу, эскалация конфликта была продолжена объявлением в марте 1865 г. войны Аргентине. Однако уже через год, весной 1866 г., боевые действия перешли на территорию самого Парагвая. Ожесточенные столкновения сопровождались упадком экономики, истощением запасов продовольствия, ухудшением санитарной обстановки и, как следствие, голодом и болезнями. Крайне негативную роль играли репрессии против офицеров, солдат и мирных жителей, вызванные тираническим характером парагвайского диктатора Ф.С.Лопеса: в поисках заговорщиков он не щадил даже кровных родственников.

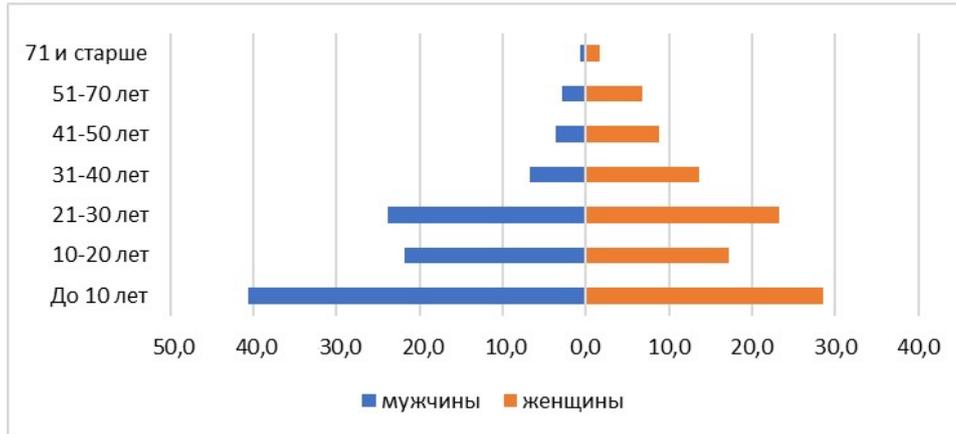
Война против Тройственного альянса завершилась для Парагвая тяжелейшим поражением. Разрушенная экономика, утрата значительной части территории, все это стало ценой, заплаченной за авантюрную политику. Вопрос о числе непосредственных жертв конфликта, прежде всего, со стороны Парагвая, остается дискуссионным. Отсутствие предвоенных статистических данных затрудняет достоверную оценку потерь. Отправной точкой считается перепись 1846 г., по результатам которой общая численность населения страны составила 248,4 тыс. человек. Консенсусная оценка к началу войны не превышала 450 тыс. Первые послевоенные данные, полученные на основе переписи 1873 г. (достоверность которой можно обсуждать), свидетельствовали о наличии 221 тыс. человек [1]. Более детальные сведения появились после переписи 1886 г., в соответствии с которой население страны составляло 282 тыс. человек [2, pp. 11-13] (см. график). Исходя из этих чисел, можно сказать, что суммарные потери парагвайского населения были катастрофическими. Значительную их часть составили мирные жители, умершие от голода и болезней.

История самой войны — объемная тема, лежащая вне рамок данного исследования. В статье ставится цель понять характер и результаты трансформации исторического дискурса в Парагвае, сформировавшегося вокруг кровопролитных событий. Милитаризация топонимики, портреты маршала Ф.С.Лопеса, повсеместно висящие в рабочих кабинетах, многочисленные стеллажи в книжных магазинах с изданиями его биографий и биографий его спутницы Элизы Линч, постоянное обращение к памяти тех давно минувших дней в разговорах с простыми парагвайцами вне зависимости от их политических предпочтений — все это отражает глубину проникновения

* *Guasú* — «большой» на языке гуарани.

дискурса о войне в современное мировоззрение. В определенном смысле конфликт, закончившийся 151 год назад, образует стержневой элемент символической памяти в Парагвае. Это стало отправной точкой для поиска методологических основ к анализу исторического материала.

ВОЗРАСТНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПАРАГВАЯ (1886 г., %)

Источник: построено по данным *La población de Paraguay*. Asunción, CPES - CICRED, 1974, p. 13.

Важным инструментом могут стать подходы, разработанные в рамках изучения исторической памяти (*memory studies*). Представляя собой широкую совокупность исследовательских подходов к современному восприятию прошлого, *memory studies* также фокусируются на механизмах конструирования национальных мифологий [3]. Один из основателей направления — французский ученый Морис Хальбвакс — отмечал ключевую роль исторической памяти в формировании идей, обеспечивающих сплоченность группы и создающих социальную солидарность [4, с. 325; 5]. В таком контексте особую важность обретают отношения истории и памяти как принципиально различных способов взаимодействия с прошлым. Память нередко противопоставляется истории, как метафора — документальным источникам. Тем не менее последствия работы «коллективной памяти» непосредственно влияют на актуальные социальные и культурные процессы. Немецкий культуролог Ян Ассман предложил отойти от разделения на объективную историю и ценностно нагруженный миф [6, с.88]. Он относил национальные мифы к категории обосновывающих историй, видя в них механизм обеспечения преемственности или идентичности. Миф — это гибкая конструкция, «история, которую рассказывают для того, чтобы уразуметь свое место в мире, истина высшего порядка, которая не просто соответствует действительности, но еще и притягивает на нормативность и обладает формирующей силой» [7, с. 81].

Немецкий историк Алейда Ассман из общего контекста культурной памяти выделила «политическую память», основанную на мифе, который она

понимала как культурную конструкцию, своеобразный взгляд на историческое событие через призму идентичности. В этом варианте миф означает *аффективное* усвоение собственной истории, поэтому он «не может быть опровергнут научными исследованиями, ибо постоянно обогащается толкованиями, которые, сохраняя для социума прошлое в настоящем, дают данному социуму ориентацию на будущее» [8, с. 39]. А.Ассман отмечала, что «в противоположность многоголосой социальной памяти, которая является памятью «снизу» и которая вновь и вновь исчезает со сменой поколений, национальная память оказывается долговременной и гораздо более унифицированной конструкцией, которая закрепляется политическими институтами, воздействуя на общество «сверху» [8, с. 35].

Рассматривая понятия нации и национализма, британский социолог Бенедикт Андерсон определял нацию как «воображенное политическое сообщество». Воображенное, «поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации ... в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [9]. Б.Андерсон подчеркивал, что для формирования нации важно не только то, что помнится, но и то, что передается забвению, то, что разъединяет индивидов, составляющих нацию. Однако такое забвение невозможно до тех пор, пока живы свидетели событий.

Для американского социолога Джеффри Александера поиск национальной идентичности видится в виде процесса культурной травмы — развития реакции общества на травмирующие исторические события. Он определил травму как процесс создания нового господствующего нарратива и трансформации смыслов [10], а также провел разграничительную линию между концепцией культурной травмы и психологическим пониманием травматизации. Для психологического подхода важны преодоление вытеснения воспоминания и возврат событий в социальное пространство (примером могут служить работы комиссий памяти и справедливости, расследовавших деятельность латиноамериканских диктатур). В истории людей и народов было немало трагических событий, но далеко не все из них обрели статус травмы: «чтобы травма возникла на уровне сообщества, социальные кризисы должны стать культурными кризисами. События — это одно дело, а репрезентация этих событий — совсем другое. Травма ... есть результат острого дискомфорта, проникающего в самую сердцевину ощущения сообществом собственной идентичности. Коллективные акторы «решают» представить социальную боль как основную угрозу их пониманию того, кто они, откуда они и куда хотят идти» [10, с. 18]. Сам разрыв между событием и его репрезентацией можно понимать как «процесс травмы». Дж.Александр выделяет в нем ключевые этапы. «Переживание травмы» начинается с «заявления», которое выражено в нарративе о «разрушительном социальном процессе» и формулирует требование «эмоциональной, институциональной и символической компенсации и восстановления». Сформулированное «заявление» выявляет «группу носителей» — коллективных действующих лиц процесса травмы. Если «заявление» имеет успех, постепенно происходит расширение аудитории до «общества в целом». Когда заявленный нарратив достигает масштаба общества, вслед за

этой стадией наступает «рутинизация травмы», предполагающая установление новой основы идентичности и канонов памяти.

«Рутинизация» травмы созвучна тому, что английский историк Эрик Хобсбаум называл «изобретением традиции» в ходе радикального преобразования общества, когда «быстро разрушались социальные формы, под которые подстраивались старые традиции, а взамен возникали такие формы, к которым эти традиции уже невозможно было приложить» [11, с. 51]. Поскольку изобретенные традиции уязвимы с точки зрения фактологической достоверности, такие социальные конструкты становятся наглядными симптомами и индикаторами, без которых исследователи «не заметили бы некоторые проблемы, не смогли бы установить и датировать некоторые изменения. Они — свидетельства» [11, с. 59].

В данной работе методологической основой становится предложенная Дж.Александром концепция культурной травмы. При этом мы признаем, что Парагвайская война была гуманитарной катастрофой и психологически чрезвычайно травматичной для переживших ее людей. С общечеловеческой точки зрения иная позиция была бы непонятна. В статье понятие «травма» рассматривается как социально-культурная концепция, связанная с реконструкцией национального единства. Анализ исторического материала с выделением этапов развития культурной травмы является новым взглядом на изучение нарратива о Великой войне.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ

Контурсы публичного пространства, в котором начала прорастать дискуссия о военном поражении, определялись действиями учрежденной в 1869 г. в Асунсьоне новой власти. Изменением политической системы занимались ориентированные на либерализацию режима люди, несогласные с политическим курсом Ф.С.Лопеса. Правительство состояло из нескольких фракций, одна из которых была связана с Парагвайским легионом — объединением изгнанных противников диктатуры Лопеса, обосновавшихся в Аргентине. Во время войны они сформировали подразделение, воевавшее под парагвайским флагом на стороне Альянса. Этот факт впоследствии породил обвинения в предательстве, с которым часть общества ассоциировала установленную власть. 19 августа 1869 г., когда отряды Лопеса отступали на север страны, правительство издало указ, в котором давалась оценка его правления. В указе говорилось: «Учитывая, что присутствие предателя Ф.С.Лопеса на парагвайской земле — это кровавый сарказм в отношении цивилизации и патриотизма парагвайцев, что Ф.С.Лопес нарушил общественный порядок и уничтожил нашу прекрасную родину, омыв ее кровью и нарушив все божественные и человеческие законы, став одним из величайших тиранов и варваров, упоминаемых историей всех времен, приказываем: статья 1. Бессердечный парагвайский предатель Ф.С.Лопес объявляется вне закона и навечно изгнанным с парагвайской земли как убийца родины и враг человечества» [12, р. 46]. Таким образом, в финале войны нормативная память о прошедших событиях была зафиксирована с позиции победившей стороны.

По прошествии года, 25 ноября 1870 г. была принята новая Конституция, текст которой в значительной степени был основан на принципах, взятых из Конституции Аргентины, а также из кодексов Испании и Бразилии. Нормативная память была зафиксирована в ст. 13: «Диктатура в Республике Парагвай аннулирована и неприемлема, и тот, кто к ней призывает, соглашается или подписывает, будет нести ответственность и наказан как позорный изменник родины» [13, р. 72]. Казалось, что оценка прошедшей войны уже дана, и ответственность сторон обозначена. Однако историческая память затрагивает более глубокие социальные пласты, осмысление войны только начиналось, а процесс развития культурной травмы находился в зачаточном состоянии.

Дискуссия осложнялась дихотомией свой/чужой, не соответствовавшей структурной сложности политических взглядов и траекториям судеб. На общественное восприятие влиял навязанный «дискурс победителей». Как следствие, навязанное «извне» обретало для национального самосознания черты негативного, а «внутренняя» трактовка, далеко не всегда объективная, воспринималась как «положительная». По мнению парагвайского историка Беатрис де Босио, Лопес действовал «не в одиночку, а в оборону страны от захватчиков было вовлечено все население. Нельзя было осудить Лопеса, не сделав того же и с тысячами людей, которые без малейшего сопротивления присоединились к армии» [14, р. 41]. Гибель Лопеса в бою при Серро-Кора героизировала его личность. Это создало противоречивый комплекс нарративов, где все участники и их мотивы связывались в цепь звеньями заведомо противоречащих друг другу установок. Важную роль в разговоре о смысле жертв и понесенных потерях, о мере ответственности и цене, заплаченной за несостоявшиеся геополитические амбиции, сыграла дискуссия, возникшая в 1902 г.

«ПОКОЛЕНИЕ 900» И ДИСКУССИЯ 1902 ГОДА

Общественной средой, в которой развивался дискурс об оценке и значении войны, стало заложившее фундамент парагвайской культуры «поколение 900». Его представители, увлеченные позитивизмом, погрузились в рефлексию болезненного прошлого страны. Характерный для той эпохи эссеистический подход к истории, сопряженный с проявлением собственной гражданской позиции, дал мощный толчок дискуссии о войне. Тот факт, что она состоялась через чуть более чем 30 лет после окончания последней, во многом поддерживает тезис о работе «травмы». Ослабевание силы воспоминаний непосредственных свидетелей тех событий создавало почву для формирования новых смысловых опор идентичности и попытки «забвения» спорных фактов.

Бурление интеллектуальной среды вышло в публичное пространство в виде спора, разразившегося на страницах газет между молодым преподавателем истории, журналистом Хуаном Эмилиано О'Лири (1879—1969 гг.) и известным адвокатом и публицистом Сесилио Базсом (1852—1941 гг.), политическим деятелем либерального направления*. Дискуссия длилась с

* Сесилио Базс — временный президент страны в 1905—1906 гг.

октября 1902 г. по февраль 1903 г. «Диалог» начался с ответа О'Лири на более ранние тексты Баэса, в которых либеральный мыслитель объяснял терпимость парагвайского народа к авторитарным диктатурам [15]. Парагвайцы, по мнению Баэса, «это — народ, кретинизированный светским деспотизмом и деморализованный тридцатилетним плохим правлением» [16, pp. 71, 79]. Эта «переписка» была первой публичной дискуссией, связанной с определением причин войны и ответственности за нее, и отразила важные черты трансформации оценки исторического прошлого, когда поколение непосредственных активных участников конфликта уже постепенно уходило со сцены. Спор стал полем формирования новых смыслов, отражающим симптомы нового этапа развития общества.

В дискуссии столкнулись два подхода к травматичному опыту — критически-рациональный и эмоциональный. Начало было положено публикациями в издании *La Patria*, принадлежавшем Энрике Солано Лопесу, сыну президента Лопеса и Элизы Линч. О'Лири, писавший тогда под псевдонимом Помпео Гонсалес, опубликовал серию из 26 статей под общим названием «Воспоминания о славе». Основным мотивом было героическое и славное прошлое, в котором «довоенное парагвайское общество процветало и жило счастливо до тех пор, пока ряд внешних, экзогенных причин не обрел его на «нынешнюю прострацию» [17].

Со страниц газеты *El Cívico* Баэс говорил с читателями о событиях 30-летней давности с позиции радио. Он отмечал, что война стала результатом «системы тирании», которая брала начало еще в колониальной эпохе и окрепла во время правления Хосе Гаспара Родригеса де Франсии (1814—1840 гг.), Карлоса Антонио Лопеса (1842—1862 гг.) и Франсиско Солано Лопеса. В своих первых статьях Баэс давал критическую оценку диктаторам: «Что плохого в том, чтобы сказать, что деспотизм преследовал парагвайский народ, сводя на нет его моральный дух и политическое сознание?» [18, p. 99]. Выход из сложившейся ситуации он видел в признании этой истины и в развитии образования. Позицию Баэса отражали такие слова: «Война привела Парагвай к истреблению не только из-за действий Альянса, но и из-за поступков самого Лопеса. Деспоты всегда хотят казаться исполнителями национальной воли или служить интересам нации. Любой здравомыслящий человек поймет, что Лопес не должен был вмешиваться в уругвайско-бразильский конфликт или тем более провоцировать войну. Такова была развязка парагвайской тирании. Это была жертва целого народа. Страна была разорена и расчленена. Новое поколение должно исправить утраченное с помощью образования, трудом, через практику свободы, в конкуренции с иностранными силами, но прежде всего — через образование, чтобы человеческое стадо было заменено народом, осознающим свои права, что сделало бы невозможным возвращение всеобъемлющих и жестоких диктатур» [17].

В ответ О'Лири апеллировал к униженной гордости побежденных. Он обращался к эмоциям читателей, предлагая им героизированную версию прошлого и переключение ответственности на враждебные внешние силы. Обладая ярким литературным талантом, будущий «певец национальной славы» писал: «Шестьсот тысяч погибших в этой кровавой бойне парагвайцев оставили то, что переживает триумф победителей. То, что при сохранении культа родины и чувства человеческого достоинства, заставит

мир открыться Парагваю. Поднимем же дух поколений на примере прошлого, увенчанного лаврами... Пусть дети знают, что нашему народу и тем, кто пал в Ятаи и трижды победил в Мбутуи, залил багряной кровью воды лагуны Йибера, удушил гордость *портеньо* в Курупайты, сражался в Бельяко, умер в Туюти, тем, кто победил в Саусе, кто, как лев бился в Корумба и погиб с мечом в руке в Серро-Кора, всем им ни в коей мере не были присущи нравственный апокалипсис, гражданская слабость и патриотическая холодность» [17]. В статьях, посвященных каждому ключевому эпизоду войны, О'Лири доказывал тезис о том, что именно действие внешних сил погрузило процветающее парагвайское общество в протрацию. По мнению аргентинского историка Лилианы Бреззо, детально изучавшей печатное наследие О'Лири, «поражали эффективные риторические навыки молодого историка, способного представить поражения как незыблемую национальную славу» [17].

Объясняя свои мотивы, О'Лири отмечал желание вернуть родине утраченную гордость. Это требовало возвеличивания людей, которые подверглись критике либералов и, прежде всего, президента Лопеса. Однако в то время героизация диктатора не находила поддержку читателей. Благодаря относительной хронологической близости конфликта непосредственные участники и свидетели еще могли помнить о тех событиях, что затрудняло манипуляции. Спротивляясь внешней (прежде всего аргентинской версии войны как борьбы цивилизации с тиранией), О'Лири создавал миф о процветающей стране и счастливой нации, которые были разрушены из-за неподчинения «британским интересам». Впоследствии идея о том, что Парагвай был одним из самых передовых государств континента, неоднократно повторялась ревизионистскими авторами. В поисках истоков процветающей нации, О'Лири и его сторонники превозносили фигуры трех диктаторов.

Итоги дискуссии были оценены по-разному. Часть читателей полагала, что она завершилась технической ничьей, другая отдавала первенство молодому журналисту. По мнению парагвайского историка Гидо Родригеса Алкала, сегодня «мы склонны рассматривать эти дебаты как противостояние фанатичного *лописта* и столь же фанатичного *антилописта*, что неверно. В то время ни один из двух оппонентов не установил, кто для него герой, а кто — антигерой. О'Лири считал Франсию тираном и не утверждал, что Лопес им не был... В то же самое время для Баэса Франсия был не большим диктатором, чем его латиноамериканские современники, но именно ему страна обязана своей независимостью. Для него безоговорочным тираном был Ф.С.Лопес. Однако О'Лири отвечал Баэсу, что, слишком много критикуя Лопеса, тот игнорировал главные преступления, совершенные императором Бразилии (1831—1899 гг.) Педру II* и президентом Аргентины Митре**. По мнению же Баэса, разрушителей было не два, а три: Педру II, Митре и Лопес» [19]. Однако героическая гибель людей несовместима в сознании с низкими целями правителей. И рациональный подход Баэса, признававший ответственность третьей стороны — Лопеса, а, следовательно, Парагвая, мог поставить вопрос о смысле страданий и

* Педру II (1825—1891 гг.) — император Бразилии в 1831—1889 гг.

** Бартоломе Митре (1821—1906 гг.) — аргентинский политик-унитарий, президент Аргентины в 1862—1868 гг.

жертв. «Если в своих статьях Баэс изложил ряд тем и идеологем, которые были навязаны уже в послевоенном поколении, то в случае с О'Лири, напротив, можно было наблюдать, скорее, реакцию на диктат победителей, доминировавших в парагвайской интеллектуальной элите. Реакцию, которая, в свою очередь, приведет к националистическому ревизионизму», — отмечала аргентинский исследователь Карла Бениш [16, p. 94].

С позиции методологии культурной травмы мы видим, что в 1902—1903 гг. были сделаны «заявления» о травме. Спор более рельефно выделил «группы носителей» в виде поколения, выросшего после войны, а также востребованность именно мифа как способа обращения к прошлому.

Общественный отклик на мифологический нарратив О'Лири набирал силу. Парадоксально, что на тот момент оба участника дискуссии принадлежали к общему либеральному направлению. Время и внутривнутриполитическая динамика способствовали упрощению аргументации, что, в некотором смысле, благоприятствовало О'Лири. Отойдя от либеральных позиций, он перешел в стан консервативной партии *Colorado (Asociación Nacional Republicana — Partido Colorado, ANR-PC)*, под флагом которой объединялись сторонники Ф.С.Лопеса. «Быть лопистом — значит быть патриотом, а быть антилопистом — значит быть легионером», — писал он [19]. Постепенно образ маршала утверждался в качестве символа национального сопротивления внешним силам. Литературная эволюция вела к фактическому обожествлению образа маршала. В ключевом тексте *Apostolado patriótico* (1930 г.), венчавшем многолетние труды, О'Лири выступал за пересмотр оценок. Он отождествил Лопеса с «парагвайством» (*paraguayidad*) — специфической формой государственного национализма, характерного для латиноамериканских стран в XIX — начала XX вв. В его трактовке ассоциативный ряд выстраивался в показательную цепь утверждений: любовь к матери подобна любви к стране, а любовь к стране — это любовь к маршалу. В той далекой войне Парагвай был воплощен в одном человеке: «До и после войны Лопес был и остается Парагваем», — констатировал писатель [19].

Пересмотр оценок роли Парагвая в войне против Тройственного альянса в 1902—1936 гг. отразил происходившее в обществе преодоление смыслового сдвига, возникшего после 1870 г. Это был сдвиг в сторону мифологизации войны и вытеснения внутренних причин кризиса. Дискуссия 1902 г. была не спором ученых-историков, опиравшихся в ходе анализа на источники и документы, а являлась попыткой отразить исторический контекст через выборочную интерпретацию общих фактов, помноженных на опыт личных страданий и идеологические предпочтения. Эмоциональная составляющая оказалась сильнее, реальные факты, которые ложились в основу исторических исследований, были отодвинуты в сторону. Ввиду последующей общественной значимости спор сам стал историческим источником о процессе создания национального мифа. С этого периода разговор о последствиях Великой войны перешел в идеологическую плоскость.

ЧАКСКАЯ ВОЙНА И ПЕРЕСМОТР ИСТОРИЧЕСКИХ ОЦЕНОК

Несмотря на длительный период правления либералов (1904—1936 гг.), попытки пересмотра оценок войны против Тройственного альянса и правления Ф.С.Лопеса, которые были даны в 1869 г., не прекращались. Однако ни публикация биографии маршала в 1920 г. в ознаменование 50-летней годовщины его гибели, ни внесение в 1926 г. в конгресс законопроекта об отмене законов, закреплявших оценку действий Лопеса, не имели успеха. Катализатором развития ревизионистского дискурса стала Чакская война (1932—1935 гг.). Победа Парагвая в самом кровопролитном противостоянии в Южной Америке в XX в. была достигнута ценой гигантского напряжения сил и благодаря личному мужеству участвовавших в нем людей. События, последовавшие за этой войной, открыли новый этап внутривнутриполитического развития, для которого было характерно радикальное изменение роли военных. Триумф добавил новое звено в цепь исторической преемственности, в которой Парагвай смог отстоять свой суверенитет, а солдаты оказались достойными своих героических предков. В памяти остались образы героев Чако — пехотинцев в окопах в полупустынной саванне и шоферов, везущих воду на фронт. Но самоотверженный подвиг народа не стал новой отправной точкой для консолидации национальной идентичности.

Изменения, которые произошли в стране после войны в Чако, усилили разногласия между частью молодых боевых офицеров и либеральным правительством Эусебио Айялы (1932—1936 гг.). В результате вооруженного восстания 17 февраля 1936 г. к власти пришел полковник Рафаэль Франко (1936—1937 гг.) — один из героев прошедшей войны. Февральская революция обозначила дебют парагвайской армии на политической арене в качестве самостоятельного субъекта. Милитаризм был основан на моральной легитимности, которую армия присвоила себе после военного триумфа над Боливией, а победившие «вооруженные силы стали считать себя образцовой моделью социальной организации» [20].

Впоследствии идеолог революционного движения фебреристов Хуан Стефанич отмечал, что «идеологически восстание опиралось на три ведущие фигуры нации — Гаспара Родригеса де Франсия, Карлоса Анотнио Лопеса и Франсиско Солано Лопеса» [21, р. 248]. Заняв пост министра иностранных дел в правительстве Р.Франко, Х.Стефанич стал одним из инициаторов восстановления памяти маршала. В своей работе «Историческое восстановление Парагвая» он перечислял действия, предпринятые правительством: «1 марта 1936 г., в годовщину эпической смерти маршала Солано Лопеса, революционное правительство подписало столь давно назревший декрет об освобождении, которым отменялись все положения, продиктованные его врагами в попытке разломать железную солидарность между парагвайским народом и наиболее выдающимися защитниками его независимости» [21, р. 250]. Во второй статье указа маршал был объявлен «беспримерным национальным героем» (*Héroe Nacional sin ejemplar*). 14 сентября 1936 г. правительственным декретом все три диктатора XIX в. были объявлены «достойными прародителями нации». Тем же декретом церковь Пресвятой Богородицы, строительство которой было начато еще Ф.С.Лопесом, была переименована в Национальный пантеон героев.

Останки маршала были найдены на полях Серро-Кора и с почестями внесены в Пантеон, ставший, по словам Стефанича, «храмом отечества» [21, р. 250]. Таким образом, в 1936 г. формирование нарратива, мифологизировавшего трех диктаторов и период их правления, было завершено, а оценка деятельности Лопеса, зафиксированная в документах 1869—1870 гг., денонсирована. Процесс развития культурной травмы вышел на новый этап — «рутинизации» нового смыслового наполнения мемориальных практик.

Февральская революция положила начало долгому периоду милитаризации страны. Череда авторитарных режимов, начавшаяся в 1936 г., завершилась военным переворотом 1954 г. и установлением самой продолжительной в истории Парагвая диктатуры Альфредо Стресснера (1954—1989 гг.). Миф о президенте Лопесе был успешно вписан в идеологическую канву авторитарного режима.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ НАРРАТИВА И УСИЛЕНИЕ АВТОРИТАРНОГО РЕЖИМА

С 1936 г. в Парагвае начала закрепляться новая трактовка официальной истории Великой войны. Она основывалась как на возвеличивании военных героев, так и на забвении периода либеральных правительств. Авторитарный национализм выделял двух врагов: либерализм и коммунизм, превращая их в исторических врагов нации [22, р. 179]. В 1942 г. диктатор Ихинио Мориниго (1940—1948 гг.) объявил своим указом Либеральную партию вне закона.

После этапа конструирования новых смыслов начался период, названный Дж.Александром «рутинизацией травмы». Репрезентации травмы начали постепенно закрепляться в памятниках и ритуалах [10, с. 34]. Официальная реабилитация маршала Лопеса постепенно набирала силу: в 1941 г. в Асунсьоне проспект Колумбии был переименован в проспект маршала Лопеса, изображения последнего начали появляться на почтовых марках, а в 1948 г. впервые официально была отмечена годовщина со дня его рождения, и по этому случаю состоялась «неделя маршала Лопеса» [17].

Закрепление нового исторического подхода проходило и в системе образования. В школах вводились правила, предотвращающие инакомыслие и критику истории. В 1947 г., после гражданской войны, правительство Мориниго провело чистку учителей, уволив тех, кто был связан с франкизмом (февбризмом), коммунизмом и либерализмом, и заменило их учителями — последователями партии *ANR-PC*. В системе образования говорили о «дератизации» («изведении крыс» — «освобождении» от либеральной идеологии) [23]. Впоследствии в 1978 г. А.Стресснер заявил перед Национальным конгрессом, что «школы и коллежи стали храмами, где молодежь обретает элементы дисциплины, знаний и, прежде всего, любви к родине и ее героям, с помощью которых должно строиться счастливое будущее нации» [23]. Отход от этих постулатов в сфере образования начался лишь в демократический период с постепенной отменой норм, принятых при авторитарных правительствах.

Герой общественной дискуссии 1902 г. Х.О'Лири в конце 40-х годов стал одним из самых влиятельных идеологических деятелей страны. Его

усилия были оценены властью. В 1955 г. после официального вступления А.Стресснера в должность президента в Асунсьоне открыли бюст О'Лири. На этом мероприятии сам увековеченный герой отметил, что он «выполнил великую социальную миссию историка, ответственного за оправдание возмущенного народа. Ибо победители мистифицировали историю, будто было недостаточно унижения побежденного, чтобы оправдать себя» [17]. Предлагаемые концепции того времени уже имели мало общего с реальными историческими исследованиями и антропологической фиксацией воспоминаний о прошлом. В идеологической конструкции О'Лири ключевые правители страны были наделены титулами: Г.Родригес де Франсия стал «основателем» (*fundador*) родины, К.А.Лопес — «строителем» (*constructor*) современной страны, маршал Ф.С.Лопес назван «величайшим героем» (*máximo héroe*) государства, генерал Бернардино Кабальеро* стал «возродителем» (*reconstructor*) разрушенной войной родины. Цепочка заканчивалась генералом А.Стресснером, который становился «вторым возродителем» (*segundo reconstructor*) родины, разрушенной предшествующими анархическими либеральными правительствами [24]. Символический статус Стресснера был дополнен определением «единственный лидер» (*único líder*). Продолжительная диктатура позволила закрепить этот образ. В 1950-х годах О'Лири расширил хронологическую протяженность своей концепции, где Стресснер становился преемником силы морального духа Лопеса. В открытом письме, адресованном диктатору и опубликованном в асунсьонской газете *El País*, он призвал почитать «Отца, Сына и Святого Духа нашей патриотической Троицы: доктора Франсию, патриарха нашего прогресса [К.А.Лопеса] и мученика нашего суверенитета [маршал Лопеса]». Обращаясь к своему современнику, он добавил: «Вы были и являетесь продолжением конструктивной работы трех великих, которые выковали вчерашний Парагвай» [19]. Так, в пределах одной страны «стресснеризм» обрел мессианское измерение, став продолжением дела диктаторов XIX в., прерванного либеральным «легионаризмом», — констатировал парагвайский историк Давид Веласкес [23].

В историческом нарративе, оформившемся в 1936 г., Парагвай выступал в роли жертвы внешних сил. Поражение в войне обрело формы ressentiment, зависимости от ценностного сравнения с доминирующим внешним субъектом [25, с. 26]. Во время диктатуры А.Стресснера эта линия была доведена до логического конца, когда именно верховный руководитель позиционировался как единственный защитник народа от внешних угроз, подчеркивая преемственность трем диктаторам прошлого.

СОВРЕМЕННЫЙ ОЛИРИЗМ. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Пройдя все этапы развития культурной травмы, нарратив о Великой войне стал объединяющей конструкцией «воображаемого сообщества». Это сыграло свою роль в сохранении политической преемственности партии *ANR-PC* в процессе демократизации режима [26]. В настоящее время в

* Бернардино Кабальеро (1832—1912 гг.) — парагвайский военный и политический деятель, президент страны в 1880—1882, 1882—1886 гг., основатель *ANR-PC*.

Парагвае происходят процессы демократической трансформации, под воздействием которой постепенно ослабевает связь исторического мифа с идеологическими потребностями. Тем не менее, как отмечали современные парагвайские историки, система образования продолжает воспроизводить в школе версию О'Лири. Вопрос о переходе к научно обоснованному анализу событий полуторавековой давности звучит все чаще. Однако попытки вести критический разговор о личности Ф.С.Лопеса вызывают яростное отторжение части общества. Показателен пример театральной постановки пьесы Анунсио Галеано «Безумия маршала» (*Las Locuras del Mariscal*) в Асунсьоне в 2019 г. Эта пьеса — о персонаже, дававшем уличные представления на одном из проспектов Асунсьона. Он «всегда был одет в военную форму и использовал клоунаду, чтобы показать безумие войн» [27]. Тем не менее «в социальных сетях была проведена яростная патриотическая кампания, которая привела к приостановке премьеры», режиссеру угрожали смертью. «Возмущенный патриот написал в *Facebook*, что он побил бы любого, оскорбившего его мать, и поступит так же с тем, кто оскорбляет маршала Лопеса. Это — олиризм наших дней», — отмечал Г.Родригес Алкала [19]. Данный пример иллюстрирует и механизм воспроизводства текстовых элементов исторического мифа, и взрывоопасность вопроса. Речь идет не столько о нежелании говорить об объективных фактах языком современного искусства, сколько о страхе разрушить привычную картину мира и устоявшиеся оценки.

Проведенный анализ показал, что методология *memory studies* обогащает исследовательский инструментарий и позволяет найти новые грани анализа исторической и политической реальности. Использование методологии изучения культурной травмы позволило рассматривать сложившееся в Парагвае представление о войне против Тройственного альянса как процесс формирования национальной мифологии, а также снять споры о достоверности исторических фактов и сфокусировать взгляд на социальной роли укоренившихся оценок. Кроме того, благодаря выбранной методологии удалось выделить этапы формирования нарратива — от заявления о противоречиях в социальной реальности до «рутинизации» новых смысловых конструктов. Это дало возможность по-новому посмотреть на феномен «парагвайского ревизионизма» — не столько с позиции соответствия объективному научному знанию, а как на механизм работы культурной травмы. Сформировавшийся с 1936 г. нарратив лег в основу идеологического обоснования правления авторитарных режимов, однако за три десятилетия демократического развития концепция постепенно утрачивает актуальность. Важным итогом исследования является констатация сложности прямого демонтажа сложившейся идеологической конструкции, который может привести к разрушению устоявшихся представлений и картины мира.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Telesca I. La población en Paraguay tras la guerra. *Última Hora*, 31.10.2015. Available at: <https://www.ultimahora.com/la-poblacion-paraguay-la-guerra-n943084.html> (accessed 17.08.2020).

2. *La población de Paraguay*. Asunción, CPES - CICRED, 1974, 198 p.
3. Ле Гофф Ж. *История и память*. М., Российская политическая энциклопедия, 2013, 303 с. [Le Goff J. *Istoriya i pamyat'* [History and memory]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2013, 303 p. (In Russ.).]
4. Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти*. М., Новое издательство, 2007, 348 с. [Halbwachs M. *Social'nye ramki pamyati* [The social frameworks of memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2007, 348 p. (In Russ.).]
5. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память, *Неприкосновенный запас*, М., 2005, № 2, сс. 8-27 [Halbwachs M. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamiat'* [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyj zapas*, Moscow, 2005, N 2, pp. 8–27. (In Russ.).]
6. Сафронова Ю.А. *Историческая память: введение*. СПб., Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020, 224 с. [Safronova Yu.A. *Istoricheskaya pamyat': vvedenie* [Historical Memory: Introduction]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020, 202 p. (In Russ.).]
7. Ассман Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М., Языки славянской культуры, 2004, 368 с. [Assmann J. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory and Political Identity in the Early Advanced Cultures]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury, 2004, 368 p. (In Russ.).]
8. Ассман А. *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. М., Новое литературное обозрение, 2014, 328 с. [A.Assmann. *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past. Memorial culture and historical policy]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 328 p. (In Russ.).]
9. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. М., Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001, 286 с. [Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined Communities]. Moscow, Kanon-Press-C, Kuchkovo pole, 2001, 286 p. (In Russ.).]
10. Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность, *Социологический журнал*, М., 2012, № 3, сс. 6-40 [Alexander J.C. *Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost'* [Cultural Trauma and Collective Identity], *Sociologicheskij zhurnal*, Moscow, 2012, № 3, pp. 6-40. (In Russ.).]
11. Хобсбаум Э. Изобретение традиций. *Вестник Евразии*, М., 2000, №1, сс. 47-62 [Hobsbawm E. *Izobretenie tradicij* [The Invention of Tradition]. *Vestnik Evrazii*, M., 2000, N 1, pp. 47-62 (In Russ.).]
12. Pusineri A. Las luchas politico-democraticas atraves de la prensa y la convencion nacional constituyente de 1870, *Diálogos - Revista do Departamento de História e do Programa de Pós-Graduação em História*, Maringá, 2005, vol. 9, N 2, pp. 37-65. Available at: <https://www.redalyc.org/pdf/3055/305526442002.pdf> (accessed 17.08.2020).
13. Mariñaz Otero L. Las constituciones del Paraguay. Madrid, Ediciones Cultura Hispánica del Centro Iberoamericano de cooperación, 1978, 280 p.
14. González de Bosio B. La Legión Paraguaya. Asunción, 2014, 149 p. Available at: http://www.corredordelasideas.org/docs/ppt/legion_paraguaya.pdf (accessed 19.02.2021).
15. Báez C., O'Leary J.E. *Polémica sobre la Historia del Paraguay*. Asunción, Tiempo de Historia, 2011, 472 p.
16. Benisz C.D. El campo intelectual del post-stronismo: las polémicas entre Augusto Roa Bastos y la intelectualidad liberal. Rosario, Universidad Nacional de Rosario, 2016, 343 p.
17. Brezzo L.M. El historiador y el general: imposiciones y disensos en torno a la interpretación pública de la historia en Paraguay. *Nuevo Mundo Mundos Nuevos*, Paris, 2014. Available at: <https://journals.openedition.org/nuevomundo/67479> (accessed 19.02.2021).
18. Langa Pizarro M.M. Guido Rodríguez Alcalá en el contexto de la narrativa histórica paraguaya. Alicante, Universidad de Alicante, 2001, 445 p.
19. Rodríguez Alcalá G. La sombra de O'Leary. ABC Color, 19.06. 2019.
20. Velázquez Seiferheld D. La herencia autoritaria en la educación paraguaya. *La Nación*. 02.02.2020. Available at: <https://www.lanacion.com.py/gran-diario-domingo/2020/02/02/la-herencia-autoritaria-en-la-educacion-paraguaya/?fbclid=IwAR1lqxXDEXUdZvuFbk5w6cmBcNjJGdtDOh5YErGayBvb7bYHLVdKxVFivQ> (accessed 22.02.2021).
21. Caballero Campos H. El nacionalismo en el Paraguay. La labor historiográfica de Juan Stefanich. *Actas digitales del XXXII Encuentro de Geo historia Regional*, Resistencia, IIGHI,

2013, pp. 243-258. Available at: http://repositorio.unne.edu.ar/bitstream/handle/123456789/925/IIGHI_EGHR_2012_32.pdf?sequence=1&isAllowed=y. (accessed 23.12.2020).

22. Jeifets V., Jeifets L. The Comintern and the Communist Party of Paraguay, a Permanent Disagreement, *Izquierdas*, 2019, t. 45, pp. 160-184.

23. Velázquez D. Educación, memoria y autoritarismo – Historia y memoria del Stronismo en la educación paraguaya (1989–2019). *Nuevo Mundo Mundos Nuevos*, 24.02.2020. Available at: <https://journals.openedition.org/nuevomundo/79615> (accessed 17.08.2020).

24. Acosta Garbarino A. Las herencias de Stroessner. *Ultima Hora*, 04.05.2014. Available at: <https://www.ultimahora.com/las-herencias-stroessner-n791685.html> (accessed 17.08.2020).

25. Шелер М. *Ресентимент в структуре моралей*. СПб., Наука, Университетская книга, 1999. 233 с. [M.Scheler. *Resentiment v strukture moralej* [Ressentiment in the structure of morals]. SPb., Nauka, Universitetskaya kniga, 1999, 233 p. (In Russ.).

26. Кудеярлова Н.Ю. Парагвай: демократический транзит без передачи власти. *Латиноамериканский исторический альманах*, 2019, № 24, с. 188-210 [N.Yu. Kudeyarova. Paraguay: demokraticheskiy tranzit bez peredachi vlasti [Paraguay: democratic transit without power transfer]. *Latinoamerikanskiy istoricheskiy almanah*, Moscow, No 24, 188-201 pp. (In Russ.).

27. Polémica por la obra de teatro “Las Locuras del Mariscal”. *La Nación*, 14.06.2019. Available at: https://www.lanacion.com.py/espectaculo_edicionimpresa/2019/06/14/polemica-por-la-obra-de-teatro-las-locuras-del-mariscal/ (accessed 18.08.2020).

Nadezhda Kudeyarova (n.kudeyarova@yandex.ru)

Ph.D. (History), Lead Research Scientist, Center of Political Studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences (ILA RAS)

B.Ordynka Street, 21/16, 115035 Moscow, Russian Federation

The War of Paraguay against the Triple Alliance. Historical memory and search for the identity foundations

Abstract. The war of Paraguay against the Triple alliance is the national-state identity central element. The war fought a century and a half ago had catastrophically devastated the country thus being the most powerful traumatic event for Paraguayan society. The six months long dispute on the Paraguayan war causes and consequences between J. O’Leary and C. Baez in 1902 constitutes the turning point in the historical revisionism development. The rehabilitation of Marshal F.S. Lopez after the 1936 February Revolution had finished the gradual process of reassessing the past and opened a new page in the country's political life. Throughout the entire authoritarian period, historical concept by J.O’Leary, later called as the "Paraguayan revisionism", served as the ideological basis for authoritarian power and for the A.Stroessner dictatorship reinforcement. This doctrine is no longer relevant to the current democratic period ideology. However, it still persists as a historical narrative underlying national-state identity. The resulting contradiction has an important impact on the nature of modernization, the foreign policy trajectory and has a conflict potential for public discussions about the past. At the same time, the ongoing changes are shaping the need to identity narratives change.

Key words: Paraguay, identity, collective memory, cultural trauma, Paraguayan war.

DOI: 10.31857/S0044748X0013612-2

Received 23.04.2021.

А.А.Болтаевский, С.А.Агуреев

«Никогда прежде не бывали в колониях, где негры обладают такой смелостью»

Голландский колониальный этос на Кюрасао

Предметом исследования является начальный этап голландской колонизации одного из Малых Антильских островов, Кюрасао, который сегодня является субъектом федерации в Королевстве Нидерланды. В отечественной историографии практически не раскрыта роль Кюрасао как крупнейшего центра контрабандной торговли XVIII столетия. В статье рассмотрены события XVII—XVIII вв. с учетом Нидерландского исторического канона, описаны особенности голландского колониального этоса в условиях неплантационной системы хозяйствования. Проанализированы такие аспекты, как становление острова в качестве центра транзитной трансатлантической торговли, а также роль рабов в его экономическом развитии острова. Работа основана на принципах историзма, системности и объективности. Методологической базой исследования является историко-генетический метод, позволяющий показать рассматриваемую реальность в ее историческом развитии. Несмотря на довольно мягкие условия эксплуатации рабов на Кюрасао, известны многочисленные случаи бегства и волнений невольников. Характерной чертой Кюрасао являлось наличие во всех экономических сферах свободных негров и мулатов, что было обусловлено преимущественно городским хозяйством.

Ключевые слова: колониализм, Нидерланды, карибский регион, Кюрасао, порто-франко, транзитный центр, городская экономика, плантационное хозяйство, колониальный этос.

DOI: 10.31857/S0044748X0018049-2

Статья поступила в редакцию 01.04.2021.

Андрей Андреевич Болтаевский — кандидат исторических наук, доцент **Российского университета кооперации** (РФ, 141014 Мытищи, ул. Веры Волошиной 12/30, <https://orcid.org/0000-0002-7866-0063>, boltaev83@mail.ru); **Станислав Александрович Агуреев** — кандидат исторических наук, доцент **кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России** (РФ, 119021 Москва, ул. Остоженка 53/2, <https://orcid.org/0000-0002-7543-8272>, stas.agureev@mail.ru).

В последние годы в Нидерландах ведутся активные дебаты вокруг колониального прошлого, что связано с различными юбилеями и круглыми датами. Так, в 2013 г. отмечалось 150-летие отмены рабства в голландских колониях, совсем недолго осталось до 400-летия Голландской Вест-Индской компании (ГВИК). Еще в 2001 г. на конференции против расизма в Дурбане министр по вопросам интеграции Р. ван Бокстел принес извинения за колониальное прошлое страны: «Мы выражаем глубокое раскаяние по поводу порабощения и работорговли, которые имели место. Но этого, конечно, недостаточно, и это раскаяние нельзя использовать в качестве оправдания того, чтобы не предпринимать никаких действий в настоящем. Важно принять структурные меры, которые оказывают влияние на потомков бывших рабов и следующие поколения» [1]. Разумеется, существуют и противоположные точки зрения. Голландский историк П.К.Эммер подчеркивает: «В колониальные времена мы положили конец рабству в Азии и Африке, а также грабежам и мародерству, которые часто происходили в этих районах. Мы модернизировали здравоохранение, сельское хозяйство, образование и администрацию. Мы построили канализацию, водопровод, автомобильные и железные дороги, установили телефонную связь. Сегодня не принято так говорить, но колониализм создал современную цивилизацию» [2]. В стране, где на данный момент проживает 179 наций, приоритетным является критическое отношение к эпохе колониализма. Во многом это определяется влиятельной карибской общиной: в метрополии сегодня проживают около 140 тыс. выходцев с Нидерландских Антильских островов и 360 тыс. из Суринама; для сравнения: в самом Суринаме живут около 475 тыс. человек [3, p. 10].

Сегодня тема «Рабство» входит в Нидерландский исторический канон* под номером 23 (он был составлен в 2006 г. из 50 тем, и основная цель его создания заключалась в том, чтобы представить основополагающие сведения по истории и культуре страны). В 2013 г. на экраны вышел фильм режиссера Й. Лейндерса «Тула: Восстание», посвященный событиям, произошедшим на Кюрасао в 1795 г. Отдельной темой являются репарации за колониальное прошлое. Согласно оценке суринамского исследователя А.Зандера, сумма ущерба Суринаму по состоянию на 2006 г. составляла 65,3 млрд евро [4, p. 164]. В настоящее время в стране, как и в ряде других западноевропейских государств, происходит активное низвержение прошлого, когда представители части общества стремятся проецировать нынешние ценности на события многовековой давности: раздаются требования демонтировать памятники колонизаторам, переименовать улицы, названные в их честь.

Нидерландскую рабовладельческую систему принято считать самой суровой в Западном полушарии (во многом это объяснялось особенностями религиозного сознания, присущего именно протестантам, представлениям об избранности тех или иных народов). Отметим, что говорить о гуманности любой формы рабства нам представляется неверным. Но в то же время необходимо учитывать целый комплекс таких разноплановых факторов, как конфессиональный и природно-климатический, и хозяйственные условия, определявшиеся этими факторами. Посланник Пруссии в Нидерландах

* Canon van Nederland, 2006. Available at: <https://www.entoen.nu>

писал Фридриху Великому: «Голландских поселенцев в Суринаме, Бербисе и Эссекибо, а также на реке Померун справедливо обвиняют в более варварском отношении к рабам, чем на Антилах» [5, р. 7]. Напротив, голландский очевидец в 1878 г. написал: «Наказания в Британской Гвиане в целом более строгие, чем в Суринаме. За кражу фруктов на плантации назначается 30 ударов кошкой-девятихвосткой» [6, р. 43]. На Антилах положение невольников было также неоднозначным: значительно хуже дело обстояло на Сан-Доминго, на Кубе и Ямайке, где царил «король-сахар», нежели на Тортуге или Кюрасао, где преобладало городское рабство. Испанский хронист Б. Лас Касас отмечал: «В былые времена, когда у нас на острове [Гаити. — *А.Б., С.А.*] еще не было сахарных плантаций, все были убеждены в том, что если негра в один прекрасный день не повесить, он вообще никогда не умрет, так как мы ни разу не видели, чтобы негр умер своей смертью от какой-то болезни ... но после того как негров отправили работать на плантации, они познали смерть и болезни от тяжелых трудов ... они ежедневно они умирают в большом количестве» [7, pp. 432-433].

Представляет интерес и изучение особенностей нидерландского колониального этоса на Подветренных островах, где, в отличие от Нидерландской Гвианы, в силу природно-климатических условий крупное плантационное хозяйство не сложилось. Кюрасао, относящийся к группе Малых Антильских островов, расположен в 80 км от побережья Венесуэлы и известен как архитектурными достопримечательностями, так и природой (национальный парк Кристоффел). Температурные колебания в течение года тут незначительны: от 25 до 33°.

Авторы рассматривают нидерландский колониальный этос как составную часть культуры и ценностей, присущих укладу жизни населения острова с учетом специфики нидерландской колониальной системы. Используя историко-сравнительный метод, авторы выявляют особенности нидерландской колониальной системы на Кюрасао.

Открытый в 1499 г. испанским мореплавателем Алонсо де Охедой, первоначально Кюрасао получил название Острова Гигантов — в честь высокорослых индейцев, которых встретили путешественники. Что касается этимологии современного названия острова, то оно, как и во многих других случаях, не имеет однозначной трактовки. Согласно легенде, испанцы неоднократно с помощью местной флоры лечились здесь от цинги, что привело к новому закрепившемуся названию Кюрасао (от исп. *cura* — лечение); в то же время в испанском языке слово *el corazón* означает «сердце». Исследователь Й.Хартог обращает внимание на то, что на северном побережье Венесуэлы имеется целый ряд географических объектов, происходящих от слова *cura* — Кураригуа, Курагуа и т.д. [8, р. 42]. Известно, что количество туземцев, которых в 1515 г. было около 2 тыс. человек, к 1528 г. сократилось до 400. Это объяснялось, в первую очередь, рейдами испанцев, отправлявших обращенных в рабство индейцев на Эспаньолу (историческое название Гаити) [9, р. 57]. Этот остров, на котором не было никаких серьезных природных ресурсов, долгое время не привлекал особого внимания европейцев: испанцы фактически превратили его в огромное ранчо, основав небольшое поселение в заливе Санта-Ана; нет никаких свидетельств об использовании труда африканских невольников в

годы испанского владычества [10, pp. 326-337]. Венесуэльский историк К.Ф.Кардот описывает Кюрасао в те годы как «неприветливое место с небольшим населением» [11, p. 389]. Положение постепенно начало меняться в первой половине XVII в., когда соперничество между испанцами и голландцами в ходе Восьмидесятилетней войны коснулось Карибского моря.

В 1634 г. голландцы обратили внимание на Кюрасао из-за выгодного географического положения. Экспедиция голландского путешественника Й. ван Валбейка изгнала немногочисленных испанцев с оставшимися верными индейцами в Венесуэлу. На острове был построен форпост Голландской Вест-Индской компании, откуда совершались рейды на побережье, в том числе на Маракайбо. Статус военно-морской базы обуславливал состав населения: в 1635 г. здесь проживали 50 туземцев и 412 служащих ГВИК, в подавляющем большинстве военных (из 462 человек лишь 6 были женщинами) [8, p. 96].

Несмотря на то, что планы по колонизации Кюрасао были предложены в Амстердамскую палату уже в 1635 г., конкретные меры в этом направлении стали предприниматься только ближе к 1650 г. Голландцы не слишком торопились покинуть свою родину: в отличие от испанцев, португальцев и англичан им нигде в Новом Свете не удалось основать по-настоящему крупных поселений. К примеру, в нидерландском Суринаме к 1830 г. из 2500 европейцев насчитывалось не более 600 голландцев [12, p. 5]. Это объяснялось, во-первых, тем, что голландцы воспринимали колонии как торговые фактории, во-вторых, благоприятными экономическими условиями в стране: во второй половине XVII в. доходы ремесленников в западных Нидерландах в два раза превышали доходы коллег из южной Англии [13, p. 55]. Мюнстерский мир 1648 г., по которому Соединенные провинции официально признавались независимыми, привел к установлению тесных торговых связей как с испанскими континентальными колониями, так и с французскими островными владениями в Карибском море. Однако череда неудач (потеря Бразилии и африканских крепостей) в сочетании с громоздкой системой управления привели к банкротству первой ГВИК. Значимым успехом второй ГВИК стало полученное от генуэзских банкиров право на асиенто — монопольный ввоз рабов в испанские владения в Новом Свете (нелегальные поставки рабов имели место, по крайней мере, в 1657 г.) [14, pp. 109-110].

КЮРАСАО — ЖЕМЧУЖИНА ГОЛЛАНДСКИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ В КАРИБСКОМ МОРЕ

С этого времени Кюрасао, объявленный порто-франко (зоной с правом беспошлинного ввоза и вывоза товара), превратился в крупнейший международный центр работорговли, который стал связующим звеном между Западной Африкой и Иbero-Америкой. Менее чем за столетие, с 1634 по 1730 г., ГВИК поставила на небольшой тропический остров до 90 тыс. рабов [15, p. 52]. Достигнув пика в ходе войны за Испанское наследство, с 1713 г., когда, согласно Утрехтскому миру право на асиенто было передано Великобритании, транзитная работорговля на Кюрасао постепенно приходит в упадок. Предприимчивые голландцы, по праву называемые торговой нацией, не смирились с этим, наладив контрабандный канал с венесуэльским побережьем.

Между 1701 и 1728 г. торговцы Кюрасао перевозили от 25 до 62% всего венесуэльского какао. С первой четверти XVIII в. Кюрасао превращается в центр транзита мулов из Новой Гранады во французские островные владения, особенно в Сан-Доминго и на Ямайку: с течением времени по мере снижения доходов от работоторговли контрабанда мулов стала основой экономики острова. Мулы, гибрид осла и кобылы, в отличие от лошадей, жили дольше и отличали большей выносливостью и неприхотливостью, поэтому использовались в качестве тягловых животных на сахарных плантациях. Поскольку гибриды были неспособны к размножению, они были объектом постоянного спроса и вовлекали в коммерческие отношения различные группы населения. Посетивший эти края в конце XVIII в. известный путешественник А.Гумбольдт красочно описывал погрузку этих животных: «Накинув петлю, их валят и затем поднимают на борт судна с помощью приспособления, похожего на колодезный журавль. Выстроенные в два ряда мулы с трудом держатся на ногах во время боковой и килевой качки. Чтобы утешить их ... днем и ночью почти непрерывно бьют в барабан» [16, с. 74]. Контрабандная торговля не только обусловила тесные связи между Мэйном, Кюрасао и другими карибскими островами, но и стала важным фактором развития ориентированного на экспорт сельского хозяйства региона. Тесные торговые отношения связывали остров с Соединенными провинциями, куда привозили табак, кофе, какао, соль, лес, шкуры: в первой половине XVIII в. между Кюрасао и Нидерландами ежегодно курсировало 14-15 кораблей [17, р. 46]. В официальном правительственном отчете Кюрасао в конце XVIII в. был описан как «единственный безопасный порт, который наше государство имеет в Вест-Индии, в котором свыше 300 кораблей самого большого размера могут быть укрыты от ветра и моря и где они всегда могут быть подвергнуты килеванию и отремонтированы» [18, р. 58]. Неслучайно современник называл Кюрасао «маленьким раем земного изобилия» [19, р. 59]. Экономический рост сопровождался увеличением числа жителей. В 1660-е годы население острова составляло 600 человек [20, р. 59], и его ресурсы были столь малы, что прибытие даже одного невольничьего корабля могло привести к трудностям в снабжении. К началу XVIII в. относится строительство Виллемстада, ставшего центром островной экономики и вошедшего со временем в десятку самых крупных городов Антиль (см. таблицу ниже). Согласно переписи 1789 г., в нем проживало 11398 человека: 2001 голландец, 1423 еврея-сефарда, 2615 свободных мулатов и 5359 рабов. Население же всего острова в этот год составило 20988 человек, что наглядно показывало преимущественно городской характер жизни: самыми влиятельными были не плантаторы, а торговцы.

Сухой климат препятствовал созданию крупного, ориентированного на экспорт плантационного хозяйства. Вплоть до отмены в 1863 г. рабство носило, скорее, «домашний характер»: подавляющее большинство собственников имело не более пяти рабов (кучера, садовники, повара). Только на редких земледельческих плантациях работали по несколько десятков рабов, в исключительных случаях — более сотни. В 1735 г. самый крупный рабовладелец владел всего 120 рабами [23, р. 60]. Первые плантации на Кюрасао относятся к 1660 г.: в течение всего XVIII в. они находились в собственности как ГВИК, так и частных владельцев. Определяющим фак-

тором для местоположения плантаций была доступность источников воды. Лучшей водой, предназначавшейся для господ, считалась дождевая, собиравшаяся в специальные цистерны; для хозяйственных нужд, в том числе для стирки, использовалась морская вода [24, р. 19].

КРУПНЕЙШИЕ ГОРОДА ОСТРОВОВ КАРИБСКОГО МОРЯ В КОНЦЕ XVIII в.

Город	Численность населения	Дата
Гавана	40737	1778
Кингстон	26478	1788
Сен-Пьер	20000 (оценка)	1788
Кап Франсэ	15696	1788
Бриджтаун	14000 (оценка)	1773
Виллемтсад	11398	1789
Сантьяго-де-Куба	10734	1774
Санто-Доминго	10702	1782—1783
Порт-о-Пренс	6200	1789
Сан-Хуан	6005	1771

Источник: составлено авторами по: [20, р. 46], [21, р. 45, 82], [22, с. 1577].

Основной земледельческой культурой на острове было сорго, служившее основой рациона невольников, выращивались также арахис и бобы, индиго. Главным источником дохода плантаторов было животноводство. Администрация стремилась контролировать динамичный рост поголовья домашнего скота, впрочем, без особого успеха. По данным на 1789 г., на острове было 1183 лошади, 1193 осла, 116 мулов, свыше 31 тыс. овец [8, р. 372]. Господский дом располагался на самом возвышенном месте, что обеспечивало хороший обзор окрестностей. Неподалеку находились немногочисленные хозяйственные постройки, соломенные хижины рабов и кораль (загон для скота). Самые напряженные полевые работы велись с сентября по декабрь, а также в марте, когда собирали урожай [18, pp. 29-31]. Из-за ограниченности островной территории плантации чаще всего были рядом, что облегчало контакты между рабами.

В отличие от Ямайки или Суринама, небольшая площадь Кюрасао не способствовала формированию каких-либо устойчивых объединений маронов (беглых невольников). Единственный путь к свободе проходил через море: на похищенных лодках рабы добирались до побережья Венесуэлы, где они могли быть признаны свободными при формальном переходе в католицизм [25, р. 92] (деятельность испанских миссионеров была разрешена среди рабов, подлежащих отправке на континент, вероятно, по просьбам самих испанских властей). Источники сообщают о вызванной голодом неудачной попытке бегства в венесуэльский Коро 140 рабов в 1774 г. [26, р. 68]. К концу XVIII в. в Коро возникла настоящая колония из 400 бывших невольников с Кюрасао [27]. Часто моряки бежали с кораблей во время торговых рейсов и оставались в колонии. [28, р. 364].

Случаи бегства с материка на Кюрасао были редкими. Самой известной является история Андреса Лопеса дель Росарио, более известного под именем Андресоте, самбо по рождению (потомки от смешанных браков индейцев и африканцев). В начале 1730-х годов вместе с группой других контрабандистов он поднял мятеж против Королевской компании Гипускоа, пытавшейся монополизировать торговлю. Андресоте поддержали не только голландские и британские торговцы, но и местные жители. После первых неудач испанцы выставили против восставших отряд под командованием губернатора С.Г. де ла Торре, вынудив Андресоте и часть его приверженцев укрыться на Кюрасао [29, р. 29].

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОВ НА КЮРАСАО И ПРОБЛЕМА КОЛОНИАЛЬНОГО ЭТОСА

По наблюдениям современников, отношение к невольникам в Кюрасао было более мягким, чем в Нидерландской Гвиане. Это объясняется отсутствием крупного плантационного хозяйства в целом и, в частности, больших сахарных плантаций, на которых рабов эксплуатировали очень жестко [3]. К примеру, современник утверждал, что в начале XVIII в. на сахарных плантациях Суринама ежегодно погибали не менее тысячи рабов: «импорт едва восполняет потери из-за смертности и побегов» [30, р. 383]. Фертильность рабов на Кюрасао в два раза превышала подобные показатели в Суринаме [31, р. 93]. В крупном торговом центре невольники активно привлекались на портовые работы наравне со свободными, что объясняло и более мягкое отношение. Так, в 1741 г. 2/3 матросов были либо рабами, либо свободными неграми и мулатами [20, р. 44]. Поскольку из-за высокого уровня смертности и дезертирства количество людей, служивших в гарнизоне острова, практически никогда не соответствовало нормативам [32, р. 86], свободные негры и мулаты были важной опорой для ополчения: они участвовали в подавлении восстаний рабов 1750 и 1795 гг. [33, р. 84].

Отношения между гарнизоном и ополчением, в массе своей состоявшим из мулатов, не всегда были гладкими: к примеру, в голландском Суринаме в ноябре 1819 г. в результате конфликта между данными группами было введено чрезвычайное положение [34, р. 61]. В то же время расовая сегрегация обуславливала формальное наличие больших прав у мулатов: как указывает исследовательница Р.М.Аллен, «цвет кожи стал решающим фактором социальной мобильности» [35, р. 73]. К 1740 г. количество свободных мулатов на острове стало столь значительным, что побудило местные власти издать серию запретительных законов. Так, указ от 1741 г. запрещал им собираться числом более шести человек, включая свадьбы и похороны. Постановление 1745 г. предписывало мулатам не появляться после 9 вечера на городских улицах без фонаря [36, р. 406].

В свою очередь мулаты, осознававшие свое численное превосходство, к концу XVIII в. стали вести себя столь независимо, что европейцы в тот момент воспринимали это как дерзость. В отчете голландских комиссаров за 1789 г. есть слова о том, что они «никогда прежде не бывали в колониях, где негры обладают такой смелостью, как на Кюрасао» [37, р. 37]. Положение мало изменилось и спустя четыре десятилетия: очевидец писал, что на

острове «мулаты в основном грязные, ленивые, необычайно жестокие пьяницы, так что разумно их избегать» [38, р. 165]. Несмотря на довольно сносные условия жизни, восстания невольников на Кюрасао происходили в течение всего XVIII в. В первом документально известном выступлении 1716 г. участвовали всего несколько десятков рабов, не имевших никакого четкого плана, но стремившихся к свободе.

ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНИЙ РАБОВ НА КЮРАСАО

Мятеж 1750 г., в котором участвовали около 100 рабов, был подавлен за один день: восставшие убили 59 других рабов и одного белого. Современники полагали, что это выступление отражало лишь противоречия внутри негритянской массы, а являлось борьбой против белых [39, р. 7]. Рассматривая историческую панораму восстания 1795 г., стоит отметить, что последнее десятилетие XVIII в. стало временем массовых волнений рабов во всем карибском регионе, во многом обусловленных событиями во Франции. В 1791 г. вспыхнул мятеж на Сан-Доминго, а в 1793 г. произошло восстание рабов на Мартинике.

4 апреля 1794 г. Национальный конвент Французской Республики провозгласил отмену рабства. Влияние внешних факторов, в первую очередь успеха восстания на Гаити под предводительством Туссена Лювертюра, на волнения среди рабов в карибском регионе отмечают многие современные исследователи [39], [40]. Известно, что с середины XVIII в. в Кюрасао существовала французская община, численность которой к 1790 г. достигала 400 человек. В 1791—1793 гг. на остров также проникали беженцы из Сан-Доминго, в основном плантаторы. В начале 1795 г. территория Нидерландов была занята французскими войсками, при поддержке которых противники оранжистов провозгласили Батавскую Республику. Политическая нестабильность в метрополии не могла не сказаться и на карибских владениях: в мае 1795 г. эти новости были официально опубликованы в Кюрасао. Это крайне усложняло отношения между мультиэтничным сообществом белых поселенцев и приводило к падению их авторитета. Среди невольников в Иbero-Америке в конце XVIII в. активно распространялись слухи о предположительной отмене рабства Мадридом, скрываемой колониальными властями. В мае 1795 г. вспыхнуло восстание в Коро, в котором приняли участие как свободные негры, так и рабы. Как и в более поздних волнениях рабов в испанских владениях, повстанцы выступали против местной администрации, но защищали монархию [41, р. 44]. Сегодня мы не можем с полной уверенностью определить причины восстания на Кюрасао в августе 1795 г. На поведение рабов могли повлиять как возможные перебои с продовольствием, так и заключенное в 1791 г. соглашение между голландскими и испанскими властями о взаимной выдаче беглых рабов [39, р. 8].

Местные власти усматривали связь между восстаниями в Коро и Кюрасао: этот вопрос и сегодня является предметом дискуссий в историографии. Один из лидеров восстания в Коро был бежавшим с Кюрасао рабом, другой вел контрабандную торговлю с островом, имея связи и с Сан-Доминго. Исследователь Л.Руперт справедливо указывает, что, хотя Кора и Кюрасао относились к двум разным колониальным империям, они были тесно связаны контрабандой, миграцией и другими формами обмена: как

свободные негры, так и невольники в течение 100 лет создавали развитые сети экономических, религиозных и правовых отношений [28, pp. 92-93]. Планировавшееся на протяжении нескольких недель восстание вспыхнуло 17 августа 1795 г. Поводом к нему послужили, по всей вероятности, какие-то изменения в привычном распорядке дня рабов [36, p. 407].

Собравшиеся утром на плантации К. ван Уйтрехта несколько десятков невольников под предводительством бывшего африканского вождя Тулы двинулись на соседние плантации, где к ним присоединялись местные рабы. Рабовладельцы бежали в Виллемстад, а на плантациях временно воцарился хаос. Повстанцы больше месяца скитались по острову, отравляя колодцы и периодически нападая на плантации в поисках пищи. 19 сентября Тула и его ближайшие сподвижники были выданы предателем, что привело к быстрому поражению восстания. Хотя 3 октября Тула был казнен, однако до нас дошли некоторые его взгляды, описанные католическим священником. По всей видимости, Тула был осведомлен о революциях во Франции и Гаити: «К нам очень долго относились крайне плохо, мы не хотим никому причинить вред, но мы стремимся к нашей свободе, французским [карибским] неграм предоставлена свобода, Голландия была захвачена французами, поэтому мы тоже должны быть свободными» [37, p. 9]. Тула в определенной степени был знаком с христианским вероучением: он заявил священнику, что у всех людей одни и те же прародители — Адам и Ева. Заметим, что католическая церковь, приверженцами которой, как было описано выше, являлось подавляющее большинство рабов, традиционно была гораздо нетерпимее к другим конфессиям, нежели к расам.

Не все рабы присоединились к восставшим, часть из них даже участвовала в подавлении мятежа. Это было обусловлено непростыми отношениями внутри рабской среды: противоречия между домашними и плантационными невольниками, между выходцами из разных районов Африки, между креолами и ново-прибывшими рабами. Не идеализируя самих восставших, следует сказать, что их жестокость была ответной реакцией на насаждавшийся культ силы и страха перед плантаторами. Несмотря на то, что за все время восстания погибли только два белых, поверженные повстанцы были серьезно наказаны: свыше 100 рабов подверглись пыткам и последующим казням посредством колесования [39, p. 10]. Голова Тулы с табличкой «главарь убийц, грабителей и поджигателей» была помещена на кол, а тело брошено в море.

Жестокая расправа над восставшими резко контрастирует с провозглашенными в это время в Старом Свете идеалами свободы, равенства и братства. На наш взгляд, подобное варварство объясняется крайне неустойчивым положением практически во всем карибском регионе в этот период и, соответственно, стремлением рабовладельцев создать атмосферу страха в негритянской среде.

Эти события вызвали серьезную обеспокоенность островных властей: провозглашенные в далекой Франции равноправие белых и свободных негров, не говоря уже об отмене рабства, стали рассматриваться как несовместимые с порядком и безопасностью. Внутриполитические противоречия обуславливались и противостоянием между патриотами и оранжистами. Администрация призвала на помощь британские силы, после чего все несогласные, в том числе свободные негры, бежали на принадлежавший Дании остров Святого Фомы [17, p. 266].

Восстания рабов в карибском регионе были намного масштабнее, чем в соседних США: именно беспокойное поведение невольников и увеличение расходов на обеспечение безопасности плантаций стало одной из важных причин эмансипации. В Британской Гвиане одним из самых мощных стал мятеж 1823 г., в котором приняли участие 75% рабов в Демераре (Восстание Восточного побережья); его зачинщиком был белый миссионер Джон Смит. Гибель в тюрьме Дж.Смита, по меткому определению британского политика Д.О.Тревелльяна, стала такой же фатальной для рабства в Вест-Индии, каким явилась для североамериканского рабовладения казнь Джона Брауна [42, р. 73].

В голландских колониях рабство было отменено только в 1863 г. — позже, чем в Англии, Франции, Дании, Швеции, также имевших колонии в карибском регионе. Сегодня в поисках гражданской идентичности малые островные страны Карибского бассейна все чаще обращаются к эпохе рабовладения. Во многом это определяется краткосрочной коллективной памятью: аборигены не только исчезли, но и не оставили после себя никаких следов материальной культуры. А.Гумбольдт отмечал, что «в Китае и Японии изобретения, известные всего две тысячи лет, считаются недавними; в европейских колониях событие кажется исключительно древним, если оно произошло три столетия назад, в эпоху открытия Америки» [16, с. 239]. Имя Тулы стало частью истории Кюрасао, и жители острова с уважением относятся к его памяти: «Тула был не безмолвным рабом, а лидером, борцом за свободу. Для нас он — учитель» [43].

Наполеоновские войны, завершение века меркантилизма, преследование работорговли британскими властями привели к кризису Кюрасао как порто-франко. Эмансипация рабов в 1863 г. окончательно подорвала экономику не только Кюрасао, но и всех голландских владений в Западном полушарии, получивших в конце позапрошлого столетия название «несчастных». Анализируя их положение, голландский исследователь писал в 1901 г.: «Для того, чтобы сохранить честь Нидерландов, надо, чтобы наши вест-индские острова не погибли» [44, р. 39]. Однако обнаружение нефти на венесуэльском шельфе и строительство нефтеперерабатывающего завода на Кюрасао открыло «второе дыхание» экономике небольшого острова. Несмотря на все перипетии последующих событий (в том числе конфликт Голландии и Венесуэлы [45, 46]), остров остался частью Голландии. Он получил статус субъекта федерации в Королевстве Нидерланды 10 октября 2010 г. (10/10/10, как кратко именуют голландцы это событие).

Обладавший скудными ресурсами пресной воды Кюрасао вначале рассматривался голландцами в качестве военно-морской базы для нападений на венесуэльское побережье. Мюнстерский мир не только закрепил остров в составе Соединенных провинций, но и превратил его в крупнейший торговый центр Нового Света. Контрабандная торговля определила развитие сельского хозяйства на побережье Мэйна. В силу природно-климатических условий ведение плантационного хозяйства на острове было малоприбыльным, а иногда и вовсе убыточным, что привело к преобладанию городского рабства. Положение рабов, свободных негров и мулатов, занятых в порту и домашнем хозяйстве, было намного более комфортным, чем на плантациях. Информация о характере волнений в рабской среде позволяет говорить о том, что выступления невольников происходили на плантациях, а в их подав-

лении участвовали как городские рабы, так и свободные негры и мулаты. Особенность острова заключалась в том, что свободные негры и мулаты играли там довольно важную роль, будучи занятыми во всех секторах экономики — от сельского хозяйства до торговли. Отличительными чертами колониального этоса были свободолюбие местного населения, его желание сохранить собственную культуру. В условиях поиска национальной идеи современные власти Кюрасао все чаще обращаются к истории восстаний рабов, героизируя их лидеров.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Boxtel, Roger van. Speech by Boxtel. World Conference Against Racism, 2010. Available at: <http://www.un.org/WCAR/statements/netherE.htm> (accessed 16.03.19).
2. Visscher M. Historicus Piet Emmer: «Zij die over ons slavernijverleden het hoogste woord voeren, weten sterk te overdrijven. Volkskrant, 6 januari 2018. Available at: <https://www.volkskrant.nl/cultuur-media/historicus-piet-emmer-zij-die-over-ons-slavernijverleden-het-hoogste-woord-voeren-weten-sterkteoverdrijven~b749e1ce/?hash=9709790bdae67f35b908bf85209b6735046a0f02&referer=https://www.nieuwwij.nl/actueel/piet-emmer-kolonialisme-bracht-moderne-beschaving/> (accessed 17.03.2019).
3. Bosma U. (Ed.) Post-colonial immigrants and identity formations in the Netherlands. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010, 244 p.
4. Zunder A. A new look on the economic history of Suriname. Including a methodology to calculate reparations for damage caused by Dutch colonial rule. *Academic Journal of Suriname*, 2011 (2), pp. 150–167.
5. Shahabuddeen, M. Slavery and Historiographical Rectification. Georgetown: Guyana Commemoration Commission, 1984, 22 p.
6. Heemskerck A. Reisindrukken uit West-Indie. Amsterdam, 1878, A. van Oosterzee, 47 p.
7. Casas de las B. Historia de las Indias. T. II. Mexico: Editora Nacional, 1951, 543 p.
8. Hartog J. Curaçao. Van kolonie tot autonomie Aruba D. J. Witt, D. I-II, 1961, 1156 p.
9. Havisier J.B. Amerindian cultural geography on Curaçao. Leiden, 1987, 212 p.
10. Havisier J., Decorse C. African-Caribbean Interaction: A Research Plan for Curacao Creole Culture. Proceedings of the Thirteenth International Congress for Caribbean Archaeology. Curacao, Netherlands Antilles, 1991, Part I, pp. 326-337.
11. Cardot F.C. Curazao hispanico. Antagonismo Flamenco-Espanol Caracas: Ediciones de la Presidencia de la Republica, 1982, 552 p.
12. Teenstra M.D. De neger-slaven in de kolonie Suriname. Dordrecht: H. Lagerweij, 1842, 380 p.
13. Klooster W. Illicit Riches: Dutch Trade in the Caribbean, 1648-1795. Leiden: KITLV Press, 1998, 283 p.
14. Gehring Charles T. (Ed), Curacao Papers. 1640-1655: A Publication of the New Netherland Research Center and the New Netherland Institute, 2011, 236 p.
15. Smeulders V. Slavery in perspective. Globalization and heritage in Suriname, Ghana, South Africa and Curaçao. Rotterdam: Erasmus Universiteit, 2012, 237 p.
16. Гумбольдт А. Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799-1804 гг. Плавание по Ориноко. М., Мысль, 1964, 655 с. [Gumboldt A. Puteshestvie v ravnodenstvennyye oblasti Novogo Sveta v 1799-1804 gg. Plavanye po Orinoko [Travel to the equinox regions of the New World in 1799-1804. Swimming in the Orinoco]. Moscow, Mysl, 1964, 655 p. (In Russ.).
17. Joordan H. Slavernij en vrijheid op Curaçao. De dynamiek van een achttiende-eeuws Atlantisch handelsknooppunt. Proefschrift. Ter verkrijging vande graad van Doctor aan de Universiteit Leiden, 2013, 320 p. Available at: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/19083> (accessed 14.03.2019).
18. Grovenstein van en W.C. NL-HaNA, Verspreide West-Indische Stukken, 1.05.06, inv.nr. 972. Copie-rapport over Curacao door de commissarissen W.A.J Boey uitgebracht aan prins Willem V. 11 februari 1791. Available at: <http://www.gahetna.nl/en/collec-tie/archief/inventaris/gahetnas-cans/cadid/1.05.2006/aan-tal/20/inventarisnr/972/level/file> (accessed 14.03.2019).
19. Hering J.H. Beschryving van het eiland Curaçao, en de daar onder hoorende eilanden, Bon-Aire, Oroba en Klein Curaçao, benevens een kort bericht, wegens hetgesprongen schip AlphenAmsterdam: V. Selm, 1779, 89 p.

20. Klooster W. Curaçao as a Transit Center to the Spanish Main and the French West Indies. *Dutch Atlantic Connections, 1680-1800*. Ed. Gert Oostindie and Jessica V. Roitman. Leiden – Boston: Brill, 2014, pp. 25-51.
21. Marley D.F. *Historic Cities of the Americas. An Illustrated Encyclopedia*. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2005, 1009 p.
22. Котилья М.О., Кордоба Р.Д. Землетрясение в Сантьяго-де-Куба 20 августа 1852 года. *Геология и геофизика*. Новосибирск, т. 51, (11), 2010, сс. 1576-1599. [Kotilya M.O., Kordoba R.D. Zemletryaseny v Santyago de Cuba 20 avgusta 1852 goda [Earthquake in Santiago de Cuba on August 20, 1852]. *Geologiya i geofizika*. Novosibirsk, Vol. 51. (11), 2010, pp. 1576-1599. (In Russ.).
23. Roe E.A. *The Sound of Silent: Ideology of National Identity and Racial Inequality in Contemporary Curaçao*. Electronic Theses and Dissertations. Miami: Florida International University, 383. Available at: <https://digitalcommons.fiu.edu/etd/2590> (accessed 08.03.2019). DOI: 10.25148/etd.FIDC000734
24. Debrot A.O. Cultural ties to the land in an arid plantation setting in Curacao. Final report submitted to Commission of the Island Territory of Curaçao. Curacao: CARMABI Foundation, 2009, 61 p.
25. Lampe A. El catolicismo político en Curazao 1936-1962. *Revista Mexicana del Caribe*, 2016, N 21, pp. 90-117.
26. Klooster, W. The rising expectations of free and enslaved blacks in the greater Caribbean. *Curaçao in the Age of Revolutions, 1795-1800*. Leiden: KITLV, 2011, pp. 57-74.
27. Aizpurua R. En torno a la aparición de un pueblo de esclavos fugidos de Curazao en la Sierra de Coro en el siglo XVIII. *Boletín de la Academia Nacional de la Historia*. Caracas. V. 87 (345), 2004, pp. 109-128.
28. Rupert M.L. Inter-colonial networks and revolutionary ferment in eighteenth-century Curaçao and Tierra Firme. *Curaçao in the Age of Revolutions, 1795-1800*. Leiden: KITLV Press, 2011, pp. 75-96.
29. Baro M.G. *Venezuela en el tiempo. Cronología desde la fundación de la República*. Caracas: Los Libros de El Nacional, 2009, 82 p.
30. Postma J. *The Dutch in the Atlantic Slave Trade*. New York: Cambridge University Press, 1990, 444 p.
31. Lamur H.E. Demographic performance of two slave populations in the Dutch speaking Caribbean. *Boletín de Estudios Latinoamericanos y del Caribe*, 1981, (30), pp. 87-102.
32. Kappler A. *Zes jaren in Suriname. Schetsen en tafereelen uit het maatschappelijke en militaire leven in deze kolonie*. Utrecht: W.F. Dannenfelser, 1854, 1183 p.
33. Joordan H. Free Blacks and Coloreds, and the Administration of Justice in Eighteenth-Century Curaçao. *New West Indian Guide*, 2010, (1-2), pp. 63–86.
34. Teenstra M.D. *De landbouw in de kolonie Suriname: voorafgegaan door eene geschiedenis-natuurkundige beschouwing dier kolonie*. Deel. I. Groningen: H. Eekhoff, 1835, 434 p.
35. Allen R.M. *Di ki manera? A Social History of Afro-Curaçaoans, 1863-1917*. Proefschrift. Utrecht: [s.n.], 2007, 304 p.
36. Roitman J.V. «A mass of mestiezen, castiezen, and mulatten»: Contending with color in the Netherlands Antilles, 1750–1850. *Atlantic Studies*, 2007, (3), pp. 399-417. DOI: <https://doi.org/10.1080/14788810.2017.1318022>
37. Goslinga Ch. *Emancipatie en emancipator: De geschiedenis van de Slavernij of de Benedenwindse Eilanden en van het werk der Bevrijding*. Academisch proefshrift. Assen: Van Gorcum, 1956, 187 p.
38. Teenstra M.D. *De Nederlandsche West-Indische Eilanden*. Deel. I. Amsterdam: Sulpke, 1836, 351 p.
39. Oostindie G. Slave resistance, colour lines, and the impact of the French and Haitian revolutions in Curaçao. *Curaçao in the Age of Revolutions, 1795-1800*. Leiden: KITLV Press, 2011, pp. 1-23.
40. Murgueitio M. La revolución negra en Saint Domingue y sus efectos en la guerra racial de las Antillas y Tierra Firme, 1789 – 1797. *Historia y espacio*, 2009, V. 5 (33), pp. 172-206.
41. Borucki A. Trans-imperial History in the Making of the Slave Trade to Venezuela, 1526-1811. *Itinerario*, 2012, V. 36 (2), pp. 29-54.
42. Trevelyan G.O. *The Life and Letters of Lord Macaulay*. Leipsic (USA): Lemmermon, 1876. 2 vol. in 1. V. 1. (307), 311 p.
43. Tula: een vrijheidstrijder voor alle generaties Succesvolle NiNsee herdenking Slavenopstand op Curaçao 1795. Available at: <http://marlondikorsou.blogspot.com/2010/09/tula-een-vrijheidstrijder-voor-alle.html> (accessed 19.03.2019).

Андрей Болтаевский, Станислав Агуреев

44. Kol van H. Een Noodlijdende Kolonie. Amsterdam-Rotterdam: Gedrukt bij Masereeuw @ Bouters, 1901, 39 p.

45. Blink M.J. van den. Olie op de golven. De betrekkingen tussen Nederland. Curaçao en Venezuela gedurende de eerste helft van de twintigste eeuw. Amsterdam: De Bataafsche Leeuw, 1998, 128 p.

46. Brandon P. Sociale mobiliteit en raciale scheidslijnen op Curaçao. *Tijdschrift voor Geschiedenis*, 2014, V. 127. (3), pp. 523-525.

Andrey A. Boltaevskiy (boltaev83@mail.ru)

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian University of Cooperation

Very Voloshinoy street 12/30, 141014 Mytishchi, Russian Federation

Stanislav A. Agureev (stas.agureev@mail.ru)

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

Ostozhenka 53/2, Moscow, 119021 Russian Federation

"Never visited a colony where negroes had such courage". Dutch colonial ethos in Curaçao

Abstract. The subject of this research is the initial stage of the Dutch colonization of one of the Lesser Antilles, Curacao, which is today a subject of the Federation in the Kingdom of the Netherlands. In Russian historiography, the role of Curacao as the largest smuggling center of the eighteenth century is practically not disclosed. The article examines the events of the 17th – 18th centuries. Taking into account the Dutch historical canon, the features of the Dutch colonial ethos in the context of a non-plantation economic system are described. The authors consider such aspects of the topic as the formation of the island as a transit center for transatlantic trade, as well as the role of slaves in its economic development.

The work is based on the principles of historicism, consistency, objectivity. The methodological basis of the research is the historical-genetic method, which allows to show the considered reality in its historical development. Despite the milder conditions of exploitation of slaves, numerous cases of escape and unrest of slaves are known. A characteristic feature of Curacao was the presence in all economic spheres of free blacks and mulattoes, mainly due to the urban economy.

Key words: colonialism, the Netherlands, the Caribbean region, Curacao, porto-franco, transit center, urban economy, plantation economy, colonial ethos.

DOI: 10.31857/S0044748X0018049-2

Received 01.04.2021.

Д.А.Правдюк

Фактор

«ВНУТРИКОНТИНЕНТАЛЬНОСТИ»

в повестке устойчивого

развития

На примере Боливии в XXI в.

В данной статье автор предпринимает попытку обобщить наиболее актуальные данные и выводы об экономике стран, не имеющих выхода к морю, оценить влияние этого фактора на современную экономику Боливии, а также ответить на вопрос, насколько внутриконтинентальное положение Боливии препятствует ее движению к достижению Целей устойчивого развития ООН (ЦУР). Внутриконтинентальное положение Боливии является одним из ключевых факторов, определяющих ее экономическое и политическое развитие. Однако структурные недостатки боливийской экономики нельзя объяснять исключительно этим обстоятельством. Осознавая уязвимое положение своих стран, власти развивающихся государств, не имеющие выхода к морю, должны прикладывать двойные усилия для принятия взвешенных и инклюзивных решений, стремиться найти баланс между достижением различных ЦУР совместно со всеми заинтересованными сторонами. В условиях низкой прозрачности планов правительства и отсутствия процесса общественных консультаций политика Боливии по обеспечению устойчивого роста выглядит недостаточно последовательной.

Ключевые слова: Боливия, экономика, внутриконтинентальные страны, цели устойчивого развития.

DOI: 10.31857/S0044748X0018051-5

Статья поступила в редакцию 09.10.2021

Дарья Антоновна Правдюк — руководитель регионального направления по работе со странами Латинской Америки, Фонд Росконгресс (РФ, 199106 Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 88 лит. А, <https://orcid.org/0000-0002-3728-2115>, dariapravdiuk@gmail.com).

Статья заняла первое место в конкурсе молодых исследователей, состоявшемся в рамках пятого международного форума «Россия и Иbero-Америка в глобализирующемся мире: история и современность», который прошел в Санкт-Петербурге в октябре 2021 г.

Давние споры о положении Боливии, не имеющей выхода к морю, восходят к XIX в. Они стали камнем преткновения в чилийско-боливийских отношениях, вызывая рост напряженности между странами на протяжении XX в. и до настоящего времени. В XXI в. президент Боливии Эво Моралес Айма (2006—2019 гг.) сделал морские претензии центральным элементом внешней политики Боливии по отношению к соседу, заявив, что Чили уклонилась от своих обязательств по переговорам о доступе Боливии к Тихому океану [1]. Одним из самых расхожих аргументов в пользу исторических притязаний Боливии является утверждение о том, что чилийская агрессия во Второй тихоокеанской войне 1879—1884 гг., в результате которой Боливия стала внутриконтинентальным государством, нанесла непоправимый ущерб экономическому положению Боливии: потеря прибрежных территорий, богатых природными ресурсами и критически важных для внешней торговли, как утверждается, стала основной причиной того, что Боливия сегодня является одной из беднейших стран Латинской Америки [2].

Чтобы оценить это заявление, следует сосредоточиться на отличительных характеристиках, связанных с отсутствием выхода к морю, которые актуальны для уязвимых групп государств — развивающихся и наименее развитых. Эти характеристики будут рассмотрены в соответствии с подходом и оценками специалистов Управления высокого представителя по наименее развитым странам, развивающимся государствам, не имеющим выхода к морю, и малым островным развивающимся государствам (*Office of the High Representative for the Least Developed Countries, Landlocked Developing Countries and Small Island Developing States, OHRLLS*).

ЭКОНОМИКА «ВНУТРИКОНТИНЕНТАЛЬНОСТИ»

В 2013 г. эксперты *OHRLLS* представили отчет, посвященный анализу общей макроэкономической картине стран, не имеющих выхода к морю, — «Экономика развития без выхода к морю: понимание затрат на развитие, связанных с отсутствием выхода к морю» [3]. Согласно этому документу, развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю (РСНВМ), действительно значительно отстают от прибрежных развивающихся стран и развивающихся государств транзита с точки зрения общего экономического развития. Имеются некоторые свидетельства улучшения макроэкономической базы РСНВМ после запуска Алматинского плана действий (2003 г.), но эта тенденция во многом зависит от последовательности экономической политики той или иной страны.

Что касается торговли и структурной диверсификации, то следует отметить, что структура экспорта РСНВМ в целом узкая и менее разнообразная: эти страны, как правило, больше зависят от экспорта сырьевых товаров, чем любая другая группа государств. Очевидно, что в целом в РСНВМ осуществлять международную торговлю намного сложнее, чем в любой другой группе. Затраты на экспорт и импорт РСНВМ в среднем более чем вдвое превышают затраты на экспорт и импорт развивающихся стран транзита. Более того, в РСНВМ эти расходы растут быстрее, чем в других группах. Задержки

при экспорте из РСНВМ также более продолжительные, логистические показатели также хуже [3].

Другой типичной проблемой РСНВМ, актуальной и для Боливии, является недостаток прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Первые два десятилетия в Латинской Америке в среднем только Гайана и Суринам получали меньше инвестиций, чем Боливия и Парагвай, а начиная с 2018 г., благодаря гайанскому «нефтяному буму», приток ПИИ в Гайану выше показателей Парагвая и Боливии, вместе взятых. Ситуация в Боливии является беспрецедентной: по данным Конференции ООН по торговле и развитию (*United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD*), в 2019 г. был зафиксирован отрицательный показатель ПИИ (-217 млн долл.), а по итогам 2020 г. вывод капитала составил 1048 млн долл., что в обоих случаях является худшим показателем в регионе [4]. Одним из основных механизмов компенсации недостаточных иностранных инвестиций является Официальная помощь в целях развития (ОПР), но за последние пять лет ее поток был довольно неравномерным: так, например, при общем уменьшении объема ОПР с 2017 по 2018 г. на 4% объем помощи РСНВМ за тот же период упал на 9% [5].

Замкнутый круг, образовавшийся в сфере логистики, приводящий к наиболее значительным потерям, рассматривается в докладе группы экспертов Всемирного банка «Цена отсутствия выхода к морю» (2010 г.). Опуская расчеты, можно отметить, что по сравнению с прибрежными странами, во внутриконтинентальных государствах объем торговли в среднем на 30% меньше, рост экономики как минимум на 1,5% ниже, транспортные расходы примерно на 50% выше, а реэкспортную модель чрезвычайно сложно реализовать [6].

Когда в 2006 г. к власти в Боливии пришел Э.Моралес, в Национальном плане развития (2007 г.) был изложен новый правительственный проект, в котором сочетались черты неодевелопментализма и социализма XXI в. [7]. Как видно из полного названия — «Национальный план развития: достойная, суверенная, производительная и демократическая Боливия для хорошей жизни. Стратегические направления на 2006—2011 гг.» — в нем отражен широкий круг вопросов, связанных с благополучием боливийской нации, что является основной целью концепции *Vivir Bien* («Жить хорошо»).

В 2006 г. мир стал свидетелем очередного сдвига в экономической политике Боливии, когда произошла национализация углеводородов. Следующим шагом должна была стать полноценная трансформация структуры развития. Раздел «Производительность» Национального плана развития обеспечил нормативную основу для этого этапа, разделив боливийское производство на две основные и две второстепенные оси [8]. Обосновывая необходимость государственного контроля над основными осями экономики (теми, которые генерируют профицит, и теми, которые создают рабочие места и доходы), правительство Моралеса планировало дать импульс модернизации экономики Боливии.

Анализируя результаты президентства Моралеса, можно отметить, что его правительству удалось добиться впечатляющих успехов в деле улучшения социально-экономического положения Боливии: уровень бедности

сократился вдвое [9], ВВП вырос почти в четыре раза (с 11,4 млрд долл. в 2006 г. до 40,8 млрд долл. в 2019 г.), в то время как ВВП по ППС вырос в два раза [10]. Но еще важнее тот факт, что наблюдается устойчивая тенденция к большей диверсификации боливийского экспорта. Помимо основного сырья, производимого на экспорт (природный газ, цинк и серебро), перспективными представляются еще две категории — соевые продукты и литий [11].

СТРУКТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ НА ПУТИ К ЦУР ООН

Несмотря на определенные успехи, Боливия все еще далека от стабильного курса на достижение Целей устойчивого развития (ЦУР): системные вызовы развитию остаются или даже усугубляются, в то время как интеграция в мировую экономику все еще незначительна. Правительственный протекционизм, препятствующий развитию рыночной конкуренции, слабая правовая база для бизнеса, особенно для иностранного предпринимательства, и общая зависимость от мировых цен на сырье делают экономику Боливии менее конкурентоспособной и более уязвимой.

В одном из самых всеобъемлющих исследований по данной теме — отчете Всемирного банка «Ведение бизнеса в странах, не имеющих выхода к морю» (2016 г.) — утверждается, что Боливию нельзя назвать благоприятной страной для бизнеса. Так, она заняла худшее место среди РСНВМ по количеству процедур открытия бизнеса — 15 (среднее число по региону — 6,6) и времени на осуществление экспорта — 216 часов на таможенные формальности, а также 189-е место в мире по уплате налогов (более 1025 часов в год на все налоговые процедуры). В целом по состоянию на 2016 г. Боливия занимала 157-е место в глобальном рейтинге ведения бизнеса, что является шестым худшим результатом среди стран, не имеющих выхода к морю [12]. К 2020 г. она смогла подняться только до 150 строчки [13].

Можно ли считать эти факты результатом отсутствия у Боливии выхода к морю? Обобщив официальный боливийский дискурс, можно сказать, что Ла-Пас стремится переложить ответственность за свои экономические проблемы на отсутствие выхода к морю и, в частности, на Чили. Но при внимательном рассмотрении существующих соглашений между Чили и Боливией становится очевидно, что Чили действительно прилагает усилия для облегчения положения Боливии (начиная с права свободного транзита, гарантированного Конвенцией ООН по морскому праву, заканчивая многочисленными тарифными льготами) [14].

Тем не менее добрая воля Чили как страны транзита бесспорно должна быть дополнена рядом определенных шагов со стороны самой Боливии. Существуют как общие, так и конкретные рекомендации для развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, разработанные специалистами различных учреждений, — от ООН до Всемирного банка. Предложения *OHRLLS* включают в себя меры по усилению торговой интеграции с остальным миром, проведение институциональных реформ, направленных на снижение затрат на развитие в связи с отсутствием выхода к морю, и новые формы мобилизации ресурсов для финансирования инвестиций в

инфраструктуру [3]. Стоит упомянуть еще один тезис: с точки зрения уменьшения негативного воздействия на торговлю развитие логистики важнее инвестиций в инфраструктуру. По данным Всемирного банка высокая эффективность логистики является результатом не столько хорошей инфраструктуры, сколько правильно составленных логистических цепочек поставок, конкурентного рынка грузовых перевозок и надлежащего государственного регулирования [6].

За последнее десятилетие правительство Боливии приняло некоторые меры, совпадающие с описанными рекомендациями, в основном в рамках Плана экономического и социального развития на 2016—2020 гг. В 2015 г. в Боливии вступил в силу закон о поощрении инвестиций в разведку и разработку углеводородов [15], который предусматривает, что часть доходов от прямого налога на углеводороды будет депонироваться в фонд для финансирования производственных стимулов, призванных способствовать большему притоку инвестиций и увеличению запасов и добычи углеводородов в стране. К сожалению, политическая турбулентность 2019—2020 гг., как и пандемия коронавируса, свели на нет многие позитивные начинания, связанные с улучшением делового климата Боливии.

Кроме того, если не переосмыслить и не изменить экономическую и энергетическую модели, то экономика, настолько зависящая от масштабной добычи ископаемых и экспорта углеводородов, неизбежно столкнется с трудностями при соблюдении стандартов устойчивости. В странах, не имеющих выхода к морю, как правило, менее диверсифицированная экономика, а также менее развитая инфраструктура, что препятствует переходу этих государств к «Индустрии 4.0» и энергопереходу.

Новая парадигма, предложенная Моралесом еще в 2007 г., изначально была направлена на изменение всей структуры развития страны, а не только экономической модели. Структура развития это — способ организации и функционирования факторов производства для достижения экономического роста, тогда как экономическая модель — это, скорее, в основном система управления этими факторами (традиционная, рыночная модели). Хотя боливийская экономическая модель менялась несколько раз на протяжении своей истории, структура ее развития оставалась прежней. Спустя десять лет после вступления в должность Моралеса боливийский экономист Джордж Грей Молина описал эту экономическую модель как «монопроизводство, построенное вокруг эксплуатации небольшого количества первичных природных ресурсов» [16].

Говоря о приверженности Боливии принципам устойчивого развития, стоит отметить, что хотя в рамках правовой базы (а именно — Рамочного закона Матери-Земли и комплексного развития для благополучия жизни 2012 г.) четко определены основные экологические и социальные ценности, на пути соблюдения стандартов возникают серьезные препятствия. Один из самых важных моментов — это тяжелый выбор между развитием инфраструктуры, имеющей решающее значение для обеспечения основных потребностей населения, и сохранением природы на благо будущих поколений [17]. В качестве яркого примера можно назвать конфликт, связанный с территорией коренных

народов и национальным парком *Isiboro Sécure* (известным как *TIPNIS*). Уникальный парк с большим биоразнообразием, к тому же имеющий особое значение для коренного населения Боливии, разрушается из-за строительства шоссе, которое должно связать две удаленные территории [18]. Другое решение — Верховный указ № 2366 (2015 г.), разрешающий нефтегазовые разработки на «охраняемых территориях», — как утверждается, призвано «сократить бедность и способствовать развитию Боливии» [19], но оно фактически поощряет экономическую активность иностранных компаний, наносящую огромный ущерб как окружающей среде, так и благополучию нации.

Боливийскому неоэкстрактивизму, поддерживаемому истеблишментом и промышленным лобби, со второго десятилетия XXI в. противопоставлено растущее городское движение экологических активистов. Ретроспектива их попыток быть услышанными властями, проведенная шведским исследователем Андерсом Бурманом, [20] показывает, что основным инструментом артикуляции их позиции является социальный протест, так как полномасштабные общественные консультации по чувствительным вопросам сохранения окружающей среды при согласовании новых промышленных / горнодобывающих / инфраструктурных проектов практически не проводятся. Иными словами, неотъемлемые составляющие проведения устойчивых структурных преобразований — активное участие гражданского общества в общенациональном диалоге о приоритетах страны, а также неукоснительное соблюдение уже согласованных принципов — пока не ставятся боливийскими властями «во главу угла».

Обобщенные экономические тренды, рассмотренные выше, однозначно указывают на существование негативного паттерна «отсутствие выхода к морю — отставание в экономическом развитии», под влиянием которого находится и Боливия в том числе. Уязвимость РСНВМ не подвергается сомнению и является предметом пристального внимания международных институтов, призванных оказывать прямую или опосредованную помощь — финансовую, технологическую, аналитическую. Однако решающую роль в нивелировании отрицательного эффекта внутриконтинентального положения Боливии играет последовательность и безальтернативность ее собственной внутренней политики, направленной на обеспечение устойчивого роста. Тем не менее, гораздо более стабильным фокусом боливийского официального дискурса, включая и текущее правительство Л.Арсе (2020 — н/в), выглядит возвращение суверенного выхода к морю, несмотря на решение Международного суда ООН в 2018 г. отвергнуть притязания Боливии к Чили [21].

Высокий уровень бюрократии и коррупции, низкая диверсификация экспортной структуры, наличие серьезных рисков для иностранного бизнеса и инвестиций — все это системные недостатки, над устранением которых, в отличие от отсутствия выхода к морю, боливийские власти могут планомерно работать, привлекая как собственные, так и внешние ресурсы. Но пока Боливия только ищет баланс между достижением долгосрочных ЦУР и сиюминутной выгодой, методом проб и ошибок продвигаясь по собственному пути к «хорошей жизни».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Dunkelberg A. Obligation to Negotiate Access to the Pacific Ocean (Bolivia v. Chile). *American Journal of International Law*. 2019. Vol. 113, issue 2, pp. 347-353.
2. Macroeconomic Developments and Prospects in Low Income Developing Countries, IMF, 2016.
3. The Development Economics of Landlockedness: Understanding the development costs of being landlocked, UN, OHRRLLS, 2013.
4. World Investment Report, UNCTAD, 2021.
5. Financing for Sustainable Development Report 2020, UN, 2020.
6. The Cost of Being Landlocked, The World Bank, 2010.
7. Cunha Filho C.M., Goncalves R.S. The National Development Plan as a Political Economic Strategy in Evo Morales's Bolivia: Accomplishments and Limitations. *Latin American Perspectives*. 2010, Vol. 37, N 4, pp. 177-196.
8. Plan Nacional de Desarrollo "Bolivia Digna, Soberana, Productiva y Democratica, para Vivir Bien", 2007, Available at: [//www.planificacion.umsa.bo/documents/1778193302/0/boliviaplan_desarrollo_nac_ds_29272+12+sep+2007.pdf](http://www.planificacion.umsa.bo/documents/1778193302/0/boliviaplan_desarrollo_nac_ds_29272+12+sep+2007.pdf) (accessed 12.06.2021)
9. Bolivia. Poverty & Equity Brief. World Bank, October 2019. Available at: https://databank.worldbank.org/data/download/poverty/33EF03BB-9722-4AE2-ABC7-AA2972D68AFE/FM2019/Global_POVEQ_BOL.pdf (accessed 10.06.2021).
10. CEPALSTAT, Bases de Datos y Publicaciones Estadísticas. Comisión Económica para América Latina y el Caribe, Estado Plurinacional de Bolivia, Perfil nacional económico. Available at: <https://statistics.cepal.org/portal/cepalstat/perfil-nacional.html?theme=2&country=bol&lang=es> (accessed 14.06.2021).
11. Катона В. Основные драйверы развития экономики Боливии. Латинская Америка. 2016, № 11, сс. 43-57. [Katona V. Osnovnye draivery razvitiya ekonomiki Bolivi. [The main development drivers of Bolivia's economy]. *Latinskaya Amerika*, 2016, N 11, pp. 43-57. (In Russ.)
12. Doing Business in landlocked economies – 2016, The World Bank Group.
13. Doing Business – 2020, The World Bank Group.
14. Correa L. Free transit from Bolivia through Chile: disputes and Chilean economic expenditure. 2005-2011. *Si Somos Americanos-Revista De Estudios Transfronterizos*, 2019, 19 (1), pp. 111-138.
15. Ley de Promoción para Inversión en Exploración y Explotación Hidrocarburífera. Available at <https://www.cedib.org/wp-content/uploads/2016/03/07-Ley767-Promoción-de-inversiones-en-actividades-de-exploración-y-explotación-de-hidrocarburos.pdf> (accessed 14.06.2021).
16. Gray Molina G. La economía boliviana 'mas alla del gas'. *América Latina Hoy*. 2016, N 43, pp. 63-85.
17. Laing A. F. Re-producing territory: Between resource nationalism and indigenous self-determination in Bolivia. *Geoforum*, 2020, 108, pp. 28–38. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2019.11.015>
18. Hope J. Globalising sustainable development: Decolonial disruptions and environmental justice in Bolivia. *AREA*, June 2020.
19. Hill D. Bolivia opens up national parks to oil and gas firms. *The Guardian*, 05.06.2015. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/andes-to-the-amazon/2015/jun/05/bolivia-national-parks-oil-gas> (accessed 22.06.2021).
20. Burman A. A taste for ecology: class, coloniality, and the rise of a Bolivian urban environmental movement. *Latin American and Caribbean Ethnic Studies*, April 2021. DOI: 10.1080/17442222.2021.1918841
21. Jeifets V., Pravdiuk D. El papel de la Corte Internacional de Justicia en la solución de controversias territoriales en los países de América Latina y el Caribe en el siglo XXI. *Iberoamerica*, M., 2019, N 3, pp. 125-148.

Дарья Правдюк

Daria A.Pravdiuk (dariapravdiuk@gmail.com)
Regional Director for Latin America, Roscongress Foundation

Sredny prospekt, V.O., 88A, 199106 Saint Petersburg, Russian Federation

Factor of landlocked position in pursuing sustainable development. Case of Bolivia in XXI century

Abstract. In the article the author attempts to 1) summarize the most relevant data and conclusions about the economy of landlocked countries, 2) assess the impact of the landlocked factor on the modern economy of Bolivia, and 3) answer the question: to what extent Bolivia's landlocked position hinders its progress towards the achievement of the UN Sustainable Development Goals (SDGs). Bolivia's landlocked position is one of the key determinants of the country's economy and development, but it seems unlikely that the structural weaknesses of the Bolivian economy can be attributed solely to it. Recognizing their vulnerability, landlocked developing countries must make a double effort to ensure informed and inclusive decision-making, balancing the achievement of the various SDGs together with all stakeholders. With little transparency in government plans and a lack of visible public consultation process, Bolivia's policies for sustainable growth appear to be lacking in coherence.

Key words: Bolivia, economy, inland countries, sustainable development goals.

DOI: 10.31857/S0044748X0018051-5

Received 09.10.2021

Н.П.Марчук

Влияние транснационального наркобизнеса на экономику и безопасность Мексики

В статье рассматривается влияние транснационального наркотрафика на экономику и безопасность Мексики на примерах деятельности нескольких местных наркокартелей, действующих в разных частях страны. Рассмотрены такие современные черты наркопреступности, как фрагментация, диверсификация и конкуренция между субъектами. Автор приходит к выводу о том, что политика федерального правительства по борьбе с транснациональной преступностью лишь обострила проблему, что, соответственно, привело к дальнейшему упадку экономического развития Мексики и ослаблению внутренней безопасности.

Ключевые слова: наркокартели, незаконный оборот наркотиков, уровень насилия, безопасность, война с наркотиками.

DOI: 10.31857/S0044748X0018052-6

Статья поступила в редакцию 09.10.2021

Мексика играет важную роль в современной системе международной наркоторговли. Можно выделить две основные причины процветания такого вида незаконного бизнеса в этой стране. Во-первых, Мексика является государством-транзитером: через его территорию поставляется значительная часть наркотиков, произведенных во всей Латинской Америке, в такие богатые страны — потребители наркотиков, как США и государства Евросоюза. Во-вторых, непосредственно в самой Мексике также производятся наркотики — от марихуаны и синтетических веществ до героина [1]. В данной работе рассмотрены различные аспекты деятельности мексиканских наркокартелей с целью определить их влияние на внутреннюю безо-

Николай Петрович Марчук — студент 4 курса НИУ ВШЭ, образовательная программа «Международные отношения» (РФ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20, <https://orcid.org/0000-0001-8124-4362>, kolechka.marchuk@inbox.ru).

Статья заняла второе место в конкурсе молодых исследователей, состоявшемся в рамках пятого международного форума «Россия и Иbero-Америка в глобализирующемся мире: история и современность», который прошел в Санкт-Петербурге в октябре 2021 г.

пасность страны и ее экономическое развитие. Будут описаны как частные случаи, связанные с деятельностью отдельных наркокартелей, так и общее воздействие наркопреступности на ситуацию в Мексике.

Проблема наркобизнеса в Мексике стоит очень остро. В докладе Комитета по контролю над наркотиками за 2017 г. отмечается, что производство метамфетамина в стране выросло: масса изъята за 2016 г. увеличилась на 25% по сравнению с предыдущим годом [1]. А в аналогичном докладе за 2019 г. подтверждалось, что Мексика до сих остается ключевым поставщиком героина в США [2].

Мексиканские картели специализируются далеко не только на торговле наркотиками как таковой. Так, в 1970—1990-е годы организованные преступные группы (ОПГ), сегодня превратившиеся в картели, оказывали услуги по перевозке нелегальных мигрантов как из самой Мексики, так и из стран Центральной Америки [3, с. 123]. Эта деятельность продолжается и в настоящее время: картели организуют перевозки больших групп нелегальных мигрантов через охраняемую границу в США, и на данный момент эту сферу черного рынка контролируют только картели [4, с. 33]. Помимо этого, они занимаются рэкетом, кражами информации в сети Интернет, вымогательствами, похищениями богатых людей и представителей политических элит, заказными убийствами, осуществляют контроль над проституцией и т. д. Постепенно активность картелей распространилась с севера федерации на южные штаты [5, с. 185].

Мексиканские наркокартели имеют сильное влияние на представителей государственной власти за счет осуществления коррупционных схем и вовлечения в них многих политиков страны — от рядовых членов, например, Институциональной революционной партии (*Partido Revolucionario Institucional, PRI*) до крупных политиков и глав городов, в частности, мэра г. Игуала-де-ла-Индепенденсия, где боевики одного из картелей в 2014 г. убили 43 студента, участвовавших в акции протеста против коррупции [6, с. 236; 7].

На момент прихода к власти в Мексики Фелипе Кальдерона (2006—2012 гг.) в стране было четыре крупных наркокартеля [8, с. 15]. В 2006 г. Ф.Кальдерон пошел на радикальный шаг и объявил войну наркотикам. Поэтому в течение следующих десяти лет крупные мексиканские наркокартели, существовавшие в первые годы правления Кальдерона, начали распадаться и фрагментироваться. Сегодня в Мексике известно о девяти крупных картелях: «Синалоа» (*Sinaloa*), «Зетас» (*Los Zetas*), «Тихуана» (*Tijuana*), «Хуарес» (*Ciudad Juarez*), картель «Залив» (*Golfo*), «Семья Мичоакана» (*La Familia Michiokan*), «Рыцари Тамплиеры» (*Los Caballeros Templarios*), «Новое поколение Халиско» (*Cartel Jalisco Nuevo Generación, CJNG*), «Организация Бельтрана Левия» (*Beltran Leyva Organization*) [8, с. 16]. В последнее десятилетие фрагментация повлекла за собой гораздо больше преступных деяний, при этом она сопровождалась диверсификацией, т.е. расширением круга преступной деятельности, в частности, рэкетом. Есть предположения о том, что в Мексике функционирует до 20 крупных наркокартелей и более 200 мелких преступных группировок, вовлеченных в наркоторговлю [9]. По утверждению бывшего Генерального прокурора Мексики Х.М.Карамы, существует около 80 наркокартелей [10]. В рамках

данной работы будет подробнее рассмотрена деятельность двух наркокартелей, осуществляющих преступную деятельность в различных частях Мексики, — картеля «Хуарес», действующего на севере страны, на границе с США, и «Семья Мичоакана» — на юге.

Картель «Хуарес», также известный как «Организация Каррильо Фуэнтеса», контролировал коридоры контрабанды между городами Хуарес и Эль-Пасо в 1980-х и 1990-х годах [11]. Есть предположения, что в начале 2000-х годов более половины всех транспортировок наркотиков в США осуществлялись именно под контролем этого картеля [11]. Долгое время он не был полностью самостоятельной организацией, а находился в подчинении у картеля «Синалоа» [11]. В 2008 г. отношения между ними накалились из-за попыток «Синалоа» самостоятельно контролировать маршруты контрабанды наркотиков в США, принадлежащие картелю «Хуарес». Из-за этого между картелями развернулась серьезная борьба за сферы влияния, в первую очередь, в городе Хуаресе. Эта война длилась с 2008 по 2012 г. и привела к гибели около 10 тыс. человек [12]. Так, если до ее начала за год в городе фиксировалось 300 убийств, то в 2010 г. было 3500 убитых [12]. Примечательно, что, потеряв в ходе войны некоторые из основных источников дохода, наиболее отчаявшиеся члены картеля «Хуарес» стали активнее участвовать в таких преступных акциях, как похищения и вымогательства. Это приводило к еще большему беззаконию и наносило сильный ущерб экономике страны, так как, в числе прочего преступники занимались жестоким грабежом местных бизнесменов и предприятий [12]. Кроме того, существовала и другая опасность, которую повлекла за собой война с наркотиками: картели стали более «диверсифицированными» и усилили свое присутствие в тех сферах жизни, которые касаются местных жителей напрямую, в отличие от транзита наркотиков. Это подтверждается возросшим количеством убийств в г. Хуарес. На данный момент он является вторым городом в Мексике по числу убийств: 1326 человек в 2019 г. [13].

Картель «Семья Мичоакана», который действовал на юге страны, тоже демонстрировал способность к диверсификации: помимо незаконного оборота наркотиков он занимался разного рода вымогательствами. Согласно оценкам некоммерческой журналистской и следственной организации *In-sight Crime*, до 85% легальных предприятий в Мичоакане регулярно платили картелю своего рода «налоги» ради сохранения безопасности своего бизнеса [14]. Вместе с тем долгое время члены картеля осуществляли непосредственный контроль над отдельными территориями штата Мичоакан.

Деятельность картеля показывает масштабы взаимодействия наркопреступности с государственными институтами Мексики. Госслужащие являлись важными элементами структуры этого картеля. Например, полиция штата Мичоакан защищала членов «Семья Мичоакана». Кроме того, в частности, имела место ситуация, когда директор отдела по проведению полевых операций в Государственной превентивной полиции, пользуясь своим служебным положением, предоставлял патрульные машины для облегчения побега преступников [15, с. 204]. Ряд свидетелей также подтверждали, что официальные транспортные средства Генеральной прокуратуры штата Мичоакан использовались для перевозки наркотиков [15, с. 205].

Когда власти стали активно приниматься меры против картеля, выяснилось, что органам безопасности придется иметь дело, в первую очередь, с коррумпированными госслужащими. Так, в ходе известного федерального уголовного процесса «*El Michiokanzo*», возбужденного Генеральной прокуратурой против чиновников штата Мичоакан, были арестованы 35 мэров, которых обвиняли в связях с картелем. Однако после вынесения приговоров большинство политиков в течение двух были выпущены на свободу [16].

Следует выделить несколько проявлений влияния деятельности наркокартелей на экономику Мексики. С одной стороны, как ни странно, они формируют собственный рынок труда. Наркобизнес обеспечивает работой более 500 тыс. человек [17, с. 15]. Большинство из них занято в сельском хозяйстве — примерно 300 тыс. человек к началу 2000-х годов [17, с. 16]. Для них производство сырья для героина представляется наиболее выгодным источником существования. После либерализации торговли и заключения Североамериканского соглашения о свободной торговле (*North American Free Trade Agreement, NAFTA*) из-за поставок большого количества кукурузы из США у местных сельхозпроизводителей исчез стимул выращивать кукурузу [18, с. 37]. Вместе с тем из-за плохой инфраструктуры в сельской местности им невыгодно производить экзотические культуры, например, авокадо, которые, скорее всего, быстрее сгниют, чем будут проданы. Поэтому количество мелких фермеров, выращивающих наркосырье, за последние десятилетия возросло [17, с. 16].

Согласно исследованию ученых Стэнфордского университета Г.Роблеса, Б.Магалони и Г.Кальдерона, существуют и другие проявления влияния деятельности наркопреступности на экономику Мексики, в частности, падение внутреннего потребления [19]. Расчеты ученых показывают, что в течение первого и второго года после начала войны с наркотиками исследуемые муниципалитеты потребляли в среднем соответственно на 4,2 и 7,4% меньше электроэнергии, чем муниципалитеты, которых нарковойны на тот момент не коснулись [19, с. 7]. Убытки мексиканской государственной нефтяной компании *Petróleos Mexicanos* от контрабанды к 2015 г. составили примерно 3 млрд долл. [20]. Контрабанда нефтью осуществляется разными способами: картели подключаются к трубопроводам с нефтепродуктами или захватывают автоцистерны, а затем продают как оптом, так и в розницу [21, с. 9]. Так, по подсчетам эксперта в области международного права и пресечения транснациональной преступности Яна Ралби, в 2017 г. другой картель, *Los Zetas*, контролировал около 40% рынка контрабандной нефти [21, с. 9].

Высокий уровень насилия оказал большое влияние на мексиканскую экономику. Согласно отчету экспертов немецкой компании *Statista*, специализирующейся на рыночных и потребительских данных, по статистике затраты на предотвращение и сдерживание насилия на душу населения в пять раз превышают среднюю заработную плату мексиканского рабочего [22]. Таким образом, государство вынуждено выделять существенные средства на борьбу с организованной преступностью, в то время как эти деньги могли бы быть направлены, например, на развитие инфраструктуры. Важно учитывать, что наркокартели создают экономические выгоды, но почти исключительно для себя и подчиненных им коррумпированных

госслужащих, которые часто работают на картели ради увеличения своего дохода [17, с. 17]. В связи с этим многие регионы страны остаются постоянной ареной насилия, спровоцированной конфликтами, разгорающимися по вине картелей.

Согласно исследованиям сотрудников Института экономики и мира (*Institute for Economics and Peace*), ежегодные экономические издержки от насилия в Мексике, спровоцированного наркокартелями, составляют 249 млрд долл. [23]. Еще более 50 млрд долл. идут на борьбу с коррупцией, связанной с наркопреступностью, поэтому в совокупности издержки составляют более 300 млрд долл. [17, с. 16]. Нельзя игнорировать и проблему употребления наркотиков внутри самой Мексики. Так, опрос об употреблении наркотиков в Мексике, проведенный Национальным институтом здравоохранения в 2017 г., показал, что 9,9% населения хотя бы раз в жизни пробовали наркотики [24]. В свою очередь употребление наркотиков и наркомания в целом приводят к усугублению негативных экономических последствий, поскольку они влекут за собой существенное увеличение расходов на здравоохранение [24]. Даже если мексиканские наркокартели инвестировали бы все свои доходы обратно в мексиканскую экономику, негативные последствия для экономики все равно превысили бы выгоды [17, с. 17].

В последние годы деятельность организованной преступности в Мексике сталкивается с новыми вызовами, меняющейся рыночной динамикой и давлением со стороны государства. В связи с этим можно выделить такие тренды, как фрагментация, жесткая конкуренция и диверсификация. Вместе с тем, повышение профессионализма в криминальной среде, информационный обмен между преступными группировками способствуют налаживанию более четкой работы наркокартелей [25, с. 69]. Это усложняет борьбу с организованной преступностью, так как ее становится еще сложнее контролировать, отслеживать и нейтрализовывать. Кроме того, часто крайне сложно точно определить, с кем приходится иметь дело, потому что подобные структуры достаточно быстро образуются и распадаются [26]. Согласно данным Всемирного банка, в Мексике количество преднамеренных убийств увеличилось с 9,7 на 100 тыс. человек в 2006 г. до 29 в 2018 г. [27]. При этом, если включить в расчеты только мужское население страны за аналогичный период времени, то получится, что уровень убийств повысился с 17,4 в 2006 г. до 53,3 на 100 тыс. человек в 2018 г. [28]. Согласно Дж.Бейттел, эксперту Исследовательской службы конгресса (*Congressional Research Service*), с 2006 по 2020 гг. война с наркобизнесом в Мексике привела к гибели более 150 тыс. человек [8, с. 6]. С другой стороны, эксперты Х.Л.Пардо Вейрас и И.Арредондо считают, что за период с 2006 г. по уже 2021 г. погибли более 350 тысяч [29]. Эти данные показывают, что правительство после объявления войны наркоторговле в 2006 г. оказалось фактически не в состоянии обеспечить безопасность своего населения и остановить наркоторговлю. Более того, несмотря на значительное ослабление или даже уничтожение старых крупных картелей, начался процесс усиления мексиканской наркопреступности в целом, которая несет ответственность за высокий уровень насилия.

Следует особо подчеркнуть, что, во-первых, наркокартели занимаются не только продажей наркотиков, но активно вовлечены и в другие сферы

криминального бизнеса, особенно в те периоды, когда картель ослаблен и вытеснен с наркорынка, что чревато еще и ростом насилия. Во-вторых, мексиканские картели пользуются слабостью государственных институтов для обеспечения собственной безопасности и более стабильного ведения нелегального бизнеса, что влечет за собой усиление коррупции среди госслужащих. В-третьих, деятельность наркокартелей негативно влияет на экономику Мексики как напрямую, так и опосредованно. С одной стороны, наркобизнес обеспечивает работой более полумиллиона человек. А с другой — его деятельность приводит к огромным экономическим издержкам, которые выражаются в увеличении затрат на борьбу с организованной преступностью и коррупцией, а также на нужды здравоохранения. Наркопреступность напрямую влияет на рост насилия, особенно когда картели начинают бороться между собой. Это сказывается на общем снижении уровня безопасности, из-за чего государство вынуждено тратить еще больше ресурсов на борьбу с организованной преступностью, причем, как показывает практика, крайне неэффективно.

Организованная наркопреступность является одной из важнейших проблем современной Мексики и соседних стран, в первую очередь, США. Чтобы ее решить, необходимы не только силовые меры, которые применяются активно с 2006 г., но и целый комплекс мероприятий: реформирование государственных органов, в том числе местной и федеральной полиции, пенитенциарной системы, антинаркотического законодательства, здравоохранения, а также развитие инфраструктуры. В настоящее время администрация президента А.М.Лопеса Обрадора (2018 — н/в) пытается выстроить свою политику в данном направлении. Так, правительство осуществляет несколько программ, касающихся населения штатов Мичоакан и Герреро, занятого в сельском хозяйстве. Основная цель этих программ — стимулировать крестьян выращивать альтернативные маку культуры, в частности, кукурузу [30]. Однако проблемы, вызванные пандемией коронавируса, неспособностью государства в целом обеспечить безопасность местного населения, доступ к земле и стабильные права собственности на землю, а также слабость локальной инфраструктуры препятствуют практической реализации этих программ [30].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2017 год (E/INCB/2017/1). [Doklad Mezhdunarodnogo komiteta po kontrolju nad narkotikami za 2017 god [Report of the International Narcotics Control Board for 2017] (E/INCB/2017/1). International Narcotics Control Board. Available at: https://www.unodc.org/wdr2018/prelaunch/WDR18_ExSum_Russian.pdf (accessed 17.02.2021) (In Russ.).
2. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2019 год (E/INCB/2019/1). [Doklad Mezhdunarodnogo komiteta po kontrolju nad narkotikami za 2019 god [Report of the International Narcotics Control Board for 2019] (E/INCB/2019/1). International Narcotics Control Board. Available at: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2019/Annual_Report/Russian_ebook_AR2019.pdf (accessed 17.02.2021) (In Russ.).
3. Мексика: эволюция криминальных кланов. *Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского Бассейна. Коллективная монография.* Отв. ред. Мартынов Б. Ф. Москва, Весь Мир, 2017, сс. 122–141. [Meksika: jevoljucija kriminal'nyh klanov. [Mexico: the evolution of criminal clans]. *Sovremennaja organizovannaja prestupnost' v Latinskoj Amerike i stranah*

Karibskogo Bassejna. Kolektivnaja monografija. [Modern organized crime in Latin America and the Caribbean]. Moscow, Ves' Mir, 2017, pp. 122-141 (In Russ.).

4. Morris E.K. Think Again: Mexican Drug Cartels. *Foreign Policy*. Special Issue: The 100 Leading Global Thinkers Of 2013, 2013, N 203, pp. 31-33. Available at: <https://www.jstor.org/stable/i24575985> (accessed: 13.04.2021)
5. Martynov B.F., Moloeznik M.P. Mexico on A Criminal Traffic Scenario. *Bulletin of MGIMO University*, 2017, N 2(53), pp. 184-194.
6. Stuart S. Yeh (2012), "Is an International Treaty Needed to Fight Corruption and the Narco-Insurgency in Mexico?", *International Criminal Justice Review*, 22:3, pp. 233-257.
7. Former Iguala, Mexico, mayor captured in case of 43 missing students. Available at: <https://www.cbc.ca/news/world/former-iguala-mexico-mayor-captured-in-case-of-43-missing-students-1.2822927> (accessed: 15.06.2021)
8. Beitel J.S. Mexico: Organized Crime and Drug Trafficking Organizations. *Congressional Research Service*, R415676, 2020, 34 p. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/R41576.pdf> (accessed: 15.04.2021).
9. Sheridan M. B. Violent Criminal Groups Are Eroding Mexico's Authority and Claiming More Territory. *The Washington Post*, 29.10.2020. Available at: <https://www.washingtonpost.com/graphics/2020/world/mexico-losing-control/mexico-violence-drug-cartels-zacatecas/> (accessed: 15.06.2021).
10. Corcoran P. Mexico Has 80 Drug Cartels: Attorney General. *Insight Crime*, 20.12.2012. Available at: <https://insightcrime.org/news/analysis/mexico-has-80-drug-cartels-attorney-general/> (accessed: 23.04.2021).
11. Juárez Cartel Profile. *Insight Crime*. Available at: <https://insightcrime.org/mexico-organized-crime-news/juarez-cartel-profile/> (accessed: 24.06.2021)
12. Dudely S. How Juarez's Police, Politicians Picked Winners of Gang War. *Insight Crime*, 13.02.2013. Available at: <https://insightcrime.org/investigations/juarez-police-politicians-picked-winners-gang-war/> (accessed: 15.06.2021).
13. Mexico cities with most homicide rate. Available at: <https://www.statista.com/statistics/317036/mexico-number-homicides-municipality/> (accessed: 13.04.2021).
14. Familia Michoacana. Profile. *Insight Crime*. Available at: <https://insightcrime.org/mexico-organized-crime-news/familia-michoacana-mexico-profile/> (accessed: 15.04.2021).
15. Garay L.J., Salcedo-Albaram E. Drug trafficking, Corruption and States. How Illicit Networks Shaped Institutions in Colombia, Guatemala, and Mexico. Bloomington: iUniverse, 2015, 372 p.
16. Ferreyra G. The Michoacanazo: A Case-Study of Wrongdoing in the Mexican Federal Judiciary. *Mexican Law Overview*, 2015, vol. 8, N 1, pp. 3-31.
17. Hartmeier P. The Economic Impact of Drug Trafficking in Mexico. Research Paper, Brugg-Windisch, 2018, 25 p. Available at: https://www.researchgate.net/publication/330468273_The_Economic_Impact_of_Drug_Trafficking_in_Mexico (accessed 24.04.2021).
18. Гришина А.Е. Американская стратегия борьбы с наркотрафиком из Мексики. *Актуальные проблемы современных международных отношений*. М. 2017, № 10, сс. 33–40. [Grishina A.E. Amerikanskaja strategija bor'by s narkotrafikom iz Meksiki. [American strategy to combat drug trafficking from Mexico]. *Aktual'nye problemy sovremennyh mezhdnarodnyh otноshenij*. Moscow, 2017, N 10, pp. 33-40 (In Russ.).
19. Robles G., Calderon G., Magaloni B. The Economic Consequences of Drug Trafficking Violence in Mexico, August 2015, 36 p. Available at: https://fsi-live.s3.us-west-1.amazonaws.com/s3fspublic/cddrl_robles_calderon_and_magaloni_2015_economic_consequence_s_drug_trafficking_violence_mexico.pdf (accessed: 15.07.2021).
20. Lohmuller M. Will Pemex's Plan to Fight Mexico Oil Thieves Work? *Insight Crime*, 18.12.2015. Available at: <https://insightcrime.org/news/brief/pemex-oil-pipelines-theft-mexico/> (accessed: 15.06.2021)
21. Ralby I.M. Downstream Oil Theft: Global Modalities, Trends, and Remedies. Atlantic Council Global Energy Center, 2017, 112 p. Available at: <https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/AC-Downstream%20Oil%20Theft.pdf> (accessed: 15.04.2021).
22. Homicide in Latin America and the Caribbean - Statistics & Facts. Available at: <https://www.statista.com/topics/5388/homicide-in-latin-america-and-caribbean/> (accessed: 16.04.2021).
23. Mexico Peace Index 2018: The Results in Three Charts. Available at: <https://www.visionofhumanity.org/charts/> (accessed: 16.04.2021)

Николай Марчук

24. Drug Consumption: Global Prevalence, Tendencies and Variety in States, 2017. Available at: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/234856/CONSUMO_DE_DROGAS.pdf (accessed: 10.07.2021).
25. Жбанков В. А., Табаков А.В. Транснациональная организованная наркопреступность как ее составляющая: современное состояние и тренды. Москва, РИО Российской Таможенной Академии, 2017, 180 с. [Transnacional'naja organizovannaja narkoprestupnost' kak ee sostavl'jajushhaja: sovremennoe sostojanie i trendy. [Transnational organized drug crime as its component: current state and trends]. Moscow, RIO Russian Customs Academy, 2017, 180 p. (In Russ.).
26. Muggah R. The Pandemic Has Triggered Dramatic Shifts in the Global Criminal Underworld. *Foreign policy*, 2020. Available at: <https://foreignpolicy.com/2020/05/08/coronavirus-drug-cartels-violence-smuggling/> (accessed: 15.04.2021).
27. Intentional homicides, per-100,000 – Mexico. The World Bank. Available at: https://data.worldbank.org/indicator/VC.IHR.PSRC.P5?end=2018&locations=MX&most_recent_value_desc=false&start=2005&view=chart (accessed: 16.04.2021)
28. Intentional homicides, male (per 100,000 male) – Mexico. The World Bank. Available at: https://data.worldbank.org/indicator/VC.IHR.PSRC.MA.P5?end=2018&locations=MX&most_recent_value_desc=false&start=2005&view=chart (accessed: 16.04.2021).
29. Pardo-Veiras J.L., Arrendondo I. Una guerra inventada y 350,000 muertos en México. *Washington Post*, 14.06.2021. Available at: <https://www.washingtonpost.com/es/post-opinion/2021/06/14/mexico-guerra-narcotrafico-calderon-homicidios-desaparecidos/> (accessed: 15.07.2021).
30. Felbab-Brown V. Poppy, eradication, and alternative livelihoods in Mexico. The Brookings Institution, 18.08.2020. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/08/18/poppy-eradication-and-alternative-livelihoods-in-mexico/> (accessed: 15.07.2021).

Nikolay P. Marchuk (kolechka.marchuk@inbox.ru)

4th year student at the Higher School of Economics, Educational Program "International Relations"

Myasnikskaya str., 20, 101000 Moscow, Russian Federation

Influence of transnational drug trafficking on the economy and security of Mexico

Abstract. The article examines the impact of transnational drug trafficking on the economy and security of Mexico on the examples of the activities of several Mexican drug cartels operating in different parts of the country. The article analyzes the overall impact of drug crime on the economy and security of the country. Modern trends of drug crime are considered: fragmentation, diversification and competition between the subjects of drug crime. The conclusion of the study is that the federal government's ongoing policy to combat transnational crime only exacerbated the problem, leading to a further decline in the Mexican economy and internal security.

Key words: drug cartels, drug trafficking, level of violence, security, war on drugs.

DOI: 10.31857/S0044748X0018052-6

Received 09.10.2021

М.В.Илевич

Роль католической церкви в регулировании внутреннего вооруженного конфликта в Колумбии

Внутренний вооруженный конфликт в Колумбии законсервировал феномен насилия как структурный элемент общества. Колумбия остается одной из наиболее религиозных стран континента, где католическая конфессия превалирует, а католическая церковь является институтом, пользующимся наибольшим доверием населения, что позволяет ей влиять на политический ландшафт. Она выступает в роли социального регулятора и морального проводника нации, продвигая «культуру мира» в противовес насилию, которое является следствием внутреннего вооруженного конфликта. В рамках институционального подхода в статье исследуется роль католической церкви, ее программа и деятельность в ходе внутреннего вооруженного конфликта в стране. Определяются этапы миротворческой деятельности церкви.

Ключевые слова: католическая церковь, Колумбия, *FARC*, *ELN*, регулирование конфликта, посредничество.

DOI: 10.31857/S0044748X0018053-7

Статья поступила в редакцию 09.10.2021.

Гражданская война в Колумбии вот уже более полувека оказывает негативное влияние на политическую систему страны. Начиная еще с 40-х годов XX в. в этом вооруженном противостоянии прослеживаются явный след политического католицизма, различная степень вовлеченности церкви в процессе регулирования конфликта на разных его этапах. Католическая церковь на ранней стадии войны занимала неоднозначную позицию по отношению к так называемым герильерос, или партизанам левого толка, од-

Илевич Михаил Владимирович — студент магистратуры Факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова (РФ, 119991 Москва, ул. Колмогорова, 1, <https://orcid.org/0000-0002-9028-5294>, michael.ilev@mail.ru).

Статья заняла третье место в конкурсе молодых исследователей, состоявшемся в рамках пятого международного форума «Россия и Иbero-Америка в глобализирующемся мире: история и современность», который прошел в Санкт-Петербурге в октябре 2021 г.

нако в дальнейшем ее приверженность мирному урегулированию конфликта и участие в переговорном процессе, безусловно, сделали церковь одним из гарантов политической стабилизации страны.

Важно отметить, что католическая церковь как в период «Эры насилия» (*La Violencia*) (1948—1958 гг.), так и в конфликте между правительством и повстанческими группировками была одной из сторон конфликта. Церковь представляла собой в социальном, политическом и мировоззренческом плане неоднородную структуру, являясь и одним из катализаторов конфликта, и консолидирующим элементом во время мирного процесса, призывая конфликтующие стороны к переговорам и нередко предлагая свои посреднические услуги. Поэтому данного актора можно описать, опираясь на мнение выдающегося американского социолога и конфликтолога XX в. Кеннета Болдуинга, как «бихевиоральную» единицу, — организацию, способную подвергаться качественным изменениям и сохраняющую при этом свою идентичность [1], в данном конкретном случае — конфессиональную.

Исследования, касающиеся роли католической церкви в колумбийском миростроительстве и ее противодействии политическому насилию, стали появляться в 90-е годы XX в. Первопроходцем в данном предметном поле стал колумбийский историк Рикардо Ариас Трухильо. В своей статье 1993 г. «Колумбийская церковная иерархия и мирный процесс Белисарио Бетанкура (1982—1986)» [2] он впервые попытался проанализировать деятельность церковного института времен президентства Б.Бетанкура в переговорном процессе между правительством и левыми боевиками Революционных вооруженных сил Колумбии (*Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, FARC*). Р.Ариас подчеркивал бинарность католической церкви и неоднородность ее позиции в отношении переговоров с повстанцами. Для заполнения «научного вакуума» в изучении данной проблематики в 1993 г. был создан Колумбийский институт изучения религий (*Instituto Colombiano para el Estudio de las Religiones*), представлявший собой научно-исследовательский центр по исследованию феномена религии в колумбийском обществе в качестве фактора развития государства и общества, а также субъекта межрелигиозного диалога между обществом, государством, религиозными группами и научным сообществом.

Увеличивающееся количество работ по изучению участия церкви в конфликте вызвано растущей ролью самой католической церкви в мирном процессе. Однако зададимся вопросом: каким образом данный институт сумел стать одним из главных участников конфликта, медиатором в переговорах и одним из гарантов миростроительства? Для начала необходимо выделить и проанализировать четыре главных этапа миротворческой деятельности церкви (1986—1994, 1994—2002, 2002—2010, 2010—2016 гг.), в ходе которых последняя действует различными методами и с разной степенью вовлеченности в процесс.

1986—1994 ГОДЫ. ЦЕРКОВЬ — СТОРОНА, ЗАИНТЕРЕСОВАННАЯ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТА

В конце 70-х годов XX в. стала очевидна невозможность достижения мира силовым путем, к тому же возросшая активность *FARC* и других партизанских групп требовала от правительства больших ресурсов для

борьбы с вооруженными группировками. В период президентства Беласио Бетанкура (1982—1986 гг.) проводилась правительственная кампания, целью которой был поиск мирных путей разрешения конфликта. В мае 1984 г. правительство заключило с *FARC* соглашение о прекращении огня. Условиями, которые сделали перемирие возможным, стали создание левой партии Патриотический союз (*Unión Patriótica*), в которую вошли сторонники партизан, и объявление амнистии за политические преступления членам *FARC*. Позиция католической церкви по вопросам переговоров с повстанцами была неоднозначной. Традиционно консервативно настроенные иерархи церкви посчитали мирные переговоры при Б.Бетанкуре капитуляцией гражданской власти перед партизанами, следовавшими марксистско-ленинским принципам. Вполне очевидным стал последующий отказ Епископальной конференции Колумбии от диалога с Комиссией мира, образованной в 1981 г. по инициативе колумбийского кардинала Марио Револьо Браво с целью создать инфраструктуру для переговорного процесса. Наиболее консервативные епископы сделали вывод, что причиной социально-политического кризиса в стране стало «отсутствие моральных принципов, которое привело к углублению безнравственности, охватившей все слои общества» [3].

Коренной перелом произошел в 1986 г. и был связан с визитом папы Иоанна Павла II в Колумбию. В речи, озаглавленной «С миром Христовым на дорогах Колумбии», папа напомнил о важности сохранения миссионерской деятельности церкви, социального равенства, евангелизации в духе социальной доктрины католицизма и поиска мира в стране [4]. Слова понтифика побудили епископат переосмыслить роль и место церкви в вооруженном конфликте. Вскоре после визита папы Епископальная конференция учредила Комиссию за жизнь, справедливость и мир. С приходом к власти президента Вирхилио Барко (1986—1990 гг.) на 48-м собрании Епископальной конференции 1987 г. католическая церковь официально заявила о готовности быть посредником на мирных переговорах: «Мы подтверждаем нашу готовность к диалогу... мы предлагаем свои посреднические умения» [5].

1994—2002 ГОДЫ. ЦЕРКОВЬ — КЛЮЧЕВОЙ МЕДИАТОР — АКСЕЛЕРАТОР МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

Начиная с 1990-х годов церковь усиливала свою посредническую роль в конфликте и выстраивала инфраструктуру для дальнейшего миростроительства. Она выступала в качестве альтернативы, когда процесс переговоров затормаживался, и было необходимо его форсировать, так происходило и при администрации Сесара Гавирии (1990—1994 гг.). Однако периодом, когда церковь фактически превратилась в главного инициатора диалога между сторонами конфликта, стали годы президентства Эрнесто Сампера (1994—1998 гг.).

На этом этапе католическая церковь в рамках программы «План пастырства на пути к миру», принятой Епископальной конференцией в 1994 г., предприняла попытку институционализации мирных переговоров. 4 августа 1995 г. Епископальная конференция под председательством епископа Педро Рубиано учредила Комиссию национального примирения (*Comisión*

de Conciliación Nacional, CCN). Комиссия была создана как автономная и независимая организация, сформированная из представителей различных слоев общества, деятельность которых была направлена на выстраивание диалога с участниками конфликта. *CCN* стремилась последовательно подчеркивать свою автономность и независимость от правительственного курса. Важное значение имело официальное признание правительством этой организации в качестве наблюдателя и медиатора в переговорном процессе, а также широкий состав комиссии, куда вошли представители гражданского населения, до этого изолированного от диалога с партизанами и незаконными военизированными группировками [6].

Помимо приобщения различных социальных групп к мирному процессу католическая церковь и *CCN* стремились к интернационализации колумбийского конфликта, к привлечению международных акторов. В конце деятельности администрации Сампера, в феврале 1998 г., были инициированы мирные переговоры с леворадикальными партизанами Армии национального освобождения (*Ejército de Liberación Nacional, ELN*), которые продолжились при новой администрации Андреса Пастраны (1998—2002 гг.). В 1998 г. в немецких городах Вюрцбург и Майнц были организованы встречи делегатов *ELN*, Национального совета мира (*Consejo Nacional de Paz*) и членов *CCN*. Встреча стала возможной благодаря кооперации колумбийской и немецкой конференций епископов, которые также принимали участие в этих переговорах. В дальнейшем, в феврале 2001 г., Епископальная конференция создаст Специальную комиссию (*Comisión Especial*), которая будет отслеживать статус продвижения переговоров с *ELN*. Позже в комиссию войдут епископы епархий Барранкабермеха, Сонсона, Риохачи и Арауки, а главной целью станет выстраивание контактов как с *ELN*, так и с ультраправыми боевиками Сил самообороны Колумбии (от исп. *Autodefensas Unidas de Colombia, AUC*).

2002—2010 ГОДЫ. ЦЕРКОВЬ — УМЕРЕННЫЙ ПОСРЕДНИК, АКТИВНЫЙ МИРОТВОРЕЦ

Новый этап посредничества католической церкви начинается с приходом к власти президента Альваро Урибе (2002—2010 гг.). Администрация А.Урибе избрала новый курс для решения вооруженного конфликта, используя стратегию «жесткой руки» для борьбы с повстанцами.

Тем не менее церковь продолжала выстраивать диалог с боевиками и в начале декабря 2002 г. ультраправые *AUC* объявили о готовности к переговорам и прекращению огня. А.Урибе и незаконные вооруженные формирования парамилитарес изъявили обоюдное желание видеть церковь в качестве арбитра на переговорах. 15 июля 2003 г. представители церкви выступили наблюдателями при подписании между правительством и группами парамилитарес договора Санта-Фе-де-Ралито, который предполагал демобилизацию 32 тыс. боевиков к 31 декабря 2005 г. В договоре подчеркивалась особая роль католической церкви. Так, 8 пункт гласит: «Благодарим католическую церковь за участие в этом мирном процессе и предлагаем ей продолжать сопровождать его в качестве гаранта прозрачности и приверженности сторон миру в Колумбии» [7].

Несмотря на разнообразие позиций внутри церкви, абсолютное большинство религиозных деятелей ратовало за умиротворение участников конфликта, за установление мира в стране. Епископы стали уделять больше внимания социальным проблемам. В 2003 г. на 75-й конференции епископов Колумбии обсуждались пути решения вооруженного конфликта, подогреваемого аграрным кризисом, неспособностью правительства бороться с бедностью, присутствием и ростом незаконных вооруженных формирований в сельской местности, незаконным оборотом наркотиков и выращиванием запрещенных сельскохозяйственных культур.

Таким образом, поскольку консервативное правительство было крайне мало заинтересовано в переговорах с левыми повстанцами, католическая церковь диверсифицировала свою деятельность в сфере миротворчества, начав развивать собственные гуманитарные программы, уделять большее внимание мирным инициативам и мероприятиям на субнациональном, национальном и региональном уровнях. Согласно сведениям, почерпнутым из базы данных коллективных действий за мир (*DATAPAZ*), с 1978 по 2006 г. католическая церковь была актором, выдвинувшим наибольшее количество инициатив за мир, — около 95,5% всех мирных акций со стороны религиозных институтов было предложено именно католической церковью [8].

В период президентства А.Урибе католическая церковь перенаправила свои административный и экономический ресурсы для продвижения мобилизационных инструментов в виде гуманитарных миссий и миротворческих акций, привлекая гражданское население к миростроительству и, тем самым, избегая излишней политизации.

2010—2016 ГОДЫ. ЦЕРКОВЬ — ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНСОЛИДАТОР И/ЛИ ПОЛЯРИЗАТОР

Победу на выборах в 2010 г. одержал Хуан Мануэль Сантос, который запустил новый и вместе с тем исторический раунд переговоров. Стало известно, что церковь приветствует действия нового президента и будет содействовать налаживанию диалога между *FARC* и правительством. В 2010 г. колумбийский архиепископ Рубен Салазар встретился с представителями Ватикана с целью консультаций. Итогом встречи стало официальное согласие Святого Престола при необходимости вмешаться в переговорный процесс [9].

В 2012 г. прошла эпохальная встреча представителей *FARC* и членов правительства Колумбии в Осло (Норвегия), которая определила повестку дня и состав переговорных групп на предстоящем диалоге в Гаване. Процесс мирных переговоров, длившийся четыре года при содействии Колумбийской епископальной конференции и Ватикана [8], завершился 24 ноября 2016 г. подписанием «окончательного соглашения о прекращении конфликта и построении стабильного и прочного мира» с *FARC*. Католическая церковь Колумбии и Ватикан одобрили инициативу сторон, однако, не видя необходимости прямого вмешательства, выполняли в ходе диалога вспомогательную функцию. Тем не менее в последующих событиях, происходивших в Гаване, важное значение будет иметь участие в них папы Франциска. В 2015 г. папа заявил о своем пастырском визите на Кубу в

сентябре с целью содействия мирному диалогу. Одним из ключевых факторов, сыгравших роль акселератора в мирном урегулировании конфликта, стал приезд понтифика в Колумбию, который должен был состояться при условии, что мирные переговоры с *FARC* будут успешными [10].

Для администрации Сантоса было очевидно, что мирное соглашение будет подписано, однако итог плебисцита 2 октября 2016 г. об одобрении заключения мирного договора с *FARC* стал «черным лебедем» для президентской команды и поставил под удар все усилия по мирному урегулированию: 50,2% проголосовавших высказались против мирного соглашения, в то время как лишь 49,8% — за. Подобные итоги голосования свидетельствовали о высоком уровне поляризации колумбийского общества [11]. В чем же причина таких результатов, и какова роль христиан и католической церкви в том, что колумбийские граждане проголосовали именно так.

Незадолго до плебисцита стало окончательно ясно, что, несмотря на пастырские наставления Франциска, колумбийская католическая церковь крайне неоднородна. Кампания «За» была представлена христианским меньшинством: меннонитами, пресвитерианами, лютеранами, православными, Гваделупской католической церковью, христианским базовыми общинами и отдельными католиками во главе с архиепископом Кали Дарио де Хесусом Монсальве, поддерживавшим президента Сантоса и жившим преимущественно на сельской периферии, где война и насилие стали частью привычной жизни, в отличие от крупных городов. Кампанию «Против»/«Нет» проводили сторонники Урибе во главе с самим бывшим президентом, нынешним президентом Колумбии Иваном Дуке Маркесом и бывшим генеральным прокурором страны Александром Ордоньесом — ультракатоликом, связанным с консервативными орденами, такими, как *Opus Dei*, ультрамонтанистским Священническим братством св. Пия X, а также крайне правым Орденом запрещенной легитимности [12]. Они смогли мобилизовать большее количество католиков, которые традиционно были аффилированы с консервативными силами, а также консолидировали евангелистов-фундаменталистов, выступавших против изначального варианта мирного договора, подрывавшего, с их точки зрения, основы традиционного института семьи [13].

Несмотря на неочевидные результаты плебисцита, модифицированный вариант мирного соглашения был подписан и вступил в силу 29 ноября 2016 г. Так завершился многолетний конфликт с одной из ведущих партизанских группировок — *FARC*. Католическая церковь восторженно встретила наступление мира, однако «плебисцитный синдром» и евангелистский фактор в нем, направленный против мирного соглашения, заставили церковь действовать на опережение. После заключения договора, в декабре 2016 г., папа Франциск встретился с лидерами кампании «За» — Х.М.Сантосом и «Против» — А.Урибе в Ватикане с целью сохранить хрупкий мир и достичь компромисса [14].

Папский визит в сентябре 2017 г., по-видимому, сыграл определенную консолидирующую роль в рядах духовенства, хотя и не избавил от глубинного раскола. Определенные круги католической церкви и мирян Колумбии также стремились переосмыслить неоднозначное отношение церкви к конфликту, которое привело к ее внутреннему расколу [15]. Крайне важ-

ной с точки зрения национального примирения стала кампания 2017 г. «Тысяча подписей за прощение» [16]. Она была инициирована представителями церкви, христианских общин, орденами и верующими, которые просили прощения за проступки католической церкви в годы войны.

Таким образом, католическая церковь на протяжении всего конфликта играла неоднозначную роль. Она представляет собой уникальный, весьма неоднородный, социально-политический институт, способный действовать крайне полярно, одновременно являясь радикализирующим и миротворческим компонентом. О колумбийской католической церкви нельзя говорить как о едином целом, в ней существуют различные течения, порой противоположные. Однако эволюционное развитие социальной доктрины церкви привело ее к принятию своей новой роли — посредника между конфликтующими сторонами и одного из гарантов процесса умиротворения. Несмотря на весьма широкий идеологический спектр, существующий внутри данного института, он продолжает выполнять функцию посредника и миростроителя, морального воспитателя и носителя новой «культуры мира», противостоящего насилию, бедности и глубокому социально-экономическому расслоению, негативным последствиям действующей экономической модели, кризису институтов, которые разлагают колумбийское общество изнутри. Церковь продолжает оставаться институтом, который пользуется наибольшим доверием населения в деле достижения мира, переживающем очередной кризисный этап.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Boulding K.E. Conflict and defence: A general theory. NY, Harper&Row, 1963, 376 p.
2. Arias T.R. La jerarquía eclesiástica colombiana y el proceso de paz de Belisario Betancur 1982-1986. *Historia Crítica*, 1993, N 8, pp. 52-65. Available at: https://www.researchgate.net/publication/26498408_La_jerarquia_eclesiastica_colombiana_y_el_proceso_de_paz_de_Belisario_Betancor_1982-1986 (accessed 20.06.2021).
3. Conferencia Episcopal de Colombia XLVIII Asamblea Plenaria del Episcopado. Available at: https://www.cec.org.co/sites/default/files/WEB_CEC/Documentos/Asamblea-Plenaria/1987/XLVIII%20Asamblea%20plenaria%20del%20Episcopado%20Mensaje%20pastoral%20-%20Comisión%20de%20los%20Derechos%20Humanos%20-%201987.pdf. (accessed 21.06.2021).
4. Bonilla R.L. Entre altares y mesas de diálogo. El episcopado colombiano en acercamientos de paz con grupos armados ilegales (1994-2006). Bogotá, Biblioteca IEPRI, 2015. 415 p.
5. Con la paz de Cristo por los caminos de Colombia. Conferencia Episcopal Colombiano. Available at: https://www.cec.org.co/sites/default/files/WEB_CEC/Documentos/Asamblea-Plenaria/1986/XLV%20Asamblea%20Plenaria%20del%20Episcopado%20Mensaje%20Pastoral%20con%20ocasión%20de%20la%20visitaapostolica%20del%20Santo%20Padre%20-%20JUAN%20PABLO%20II%20-%201986.pdf (accessed 20.06.2021).
6. Acuerdo de Santa Fe de Ralito. *UN Peacemaker*. Available at: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CO_030715_Acuerdo%20de%20Santa%20Fe%20de%20Ralito.pdf (accessed 21.06.2021).
7. Iglesia y Farc se reúnen para hablar sobre ajustes al acuerdo de paz. *RCN Radio*. 01.11.2016. Available at: <https://www.rcnradio.com/colombia/iglesia-farc-se-reunen-hablar-ajustes-al-acuerdo-paz> (accessed 23.06.2021).
8. Colombian church and Vatican discuss peace road map. *Colombia Report*. 05.08.2010. Available at: <https://colombiareports.com/colombian-church-and-vatican-discuss-peace-road-map/> (accessed 23.06.2021).
9. Fr. García-Durán M. Peace Mobilization in Colombia and the Role of the Roman Catholic Church. Available at: https://cpn.nd.edu/assets/243411/2008_mauricio_gar

В.Е.Баглай

Археология Мехико: новые исследования в изучении истории древних ацтеков

В статье представлен обзор археологических открытий в г. Мехико за последние несколько лет. Исследования, которые проводят, прежде всего, мексиканские ученые, опираются как на традиционные методы археологии, так и на достижения современной науки, в частности, электрорезистивной томографии и геофизики. В статье приводятся первичные данные; их включение в историю археологических исследований г. Мехико еще впереди. Несмотря на предварительный характер оценок этих археологических данных, они позволяют не только конкретизировать и дополнить устоявшиеся представления ученых, основанные на многолетнем опыте работы, но и использовать их при дальнейшем изучении прошлого ацтеков и их столицы Мехико-Теночтитлана. В работе представлены материалы последних раскопок в районе Главного Храма (собственно Мехико) и Большого Мехико (древняя территория вокруг озера Тескоко). В центре Мехико археологи открыли остатки помещения, в котором находились испанцы, впервые оказавшиеся в ацтекской столице, фрагменты доиспанских каменных барельефов, а также Большой (Великий) Тцомпантль (традиционное сооружение из черепов). Примечательными можно считать раскопки Великого Куаушикалько как части ритуального и сакрального пространства и связанных с ним древних объектов. В районе Большого Мехико ведутся работы по изучению искусственного туннеля (символа входа в мир мертвых), находящегося внутри знаменитой пирамиды Луны в г.Теотиуакане. Здесь же на территории древней долины Мехико продолжается исследование Доклассического периода ее истории (археологические изыскания в Сакатенко и Тлалпане с древнейшими погребениями необычной конусообразной формой могил и намеренным спиральным расположением тел). Знания ученых о постклассическом периоде (эпоха ацтеков) обогащены раскопками мест соледобычи и пр. В статье отмечается, что новые археологические данные в целом подтверждают известные черты ацтекского общества, не оправдывая, но и не принижая его значения в мировой истории и культуре.

Валентина Ефимовна Баглай — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения Кубанского государственного университета (РФ, 350040 Краснодар, ул. Ставропольская, 149, <https://orcid.org/0000-0002-6305-5880>, baglayvalent@yandex.ru).

Валентина Баглай

Ключевые слова: археология Мехико, Большой Храм, Великое Куаушикалько, Великое Тцомпантли.

DOI: 10.31857/S0044748X0018054-8

Статья поступила в редакцию 14.05.2021.

Археология — наука, как говорится, непрерывная, и в этом утверждении нет ничего нового. Археологические исследования определенных регионов и культур, как правило, длятся довольно долго и позволяют не только подтверждать устоявшиеся представления, но и формировать новые подходы в решении исторических загадок. Разумеется, это касается и древних ацтеков (мешиков), изучение которых в настоящее время, как и ранее, опирается на использование новых археологических данных. При этом письменные свидетельства также важны, хотя трудно ожидать, что мы получим новые сведения из ранее неизвестных раннеколониальных источников, учитывая значительные масштабы и направления исследований архивов и публикаций их данных в течение предыдущих столетий. В подобной ситуации основная надежда возлагается именно на археологические исследования. И несмотря на то, что в настоящее время составлена довольно полная картина этой доколониальной культуры, есть возможность продолжить изучение ее традиционными средствами, используемыми в ходе археологических раскопок, которые в Мексике идут непрерывно. В наши дни, как и прежде, они ведутся по двум направлениям:

— центр ацтекского государства — древняя территория ацтеков на островах и по берегам озера Тескоко, представленная столицей г. Мехико-Теночтитланом, а также ближайшими районами (в наши дни современный Большой Мехико);

— провинциальные территории (с учетом разной степени связей с центром).

Условия и потенциальные результаты археологических исследований в двух указанных регионах будут разными в том, что касается выявления ацтекского присутствия. Одно дело области, находящиеся ближе к г. Мехико-Теночтитлану, и другое — более отдаленные. Если учесть общекультурные показатели, характерные для этих территорий (порожденные, в том числе, природными особенностями, влиянием одних древних обществ на другие, силу общественных связей, традиционности, военное давление, рыхлость самой структуры древнеацтекского государства и т.п.), то следует отметить, что, чем дальше эти районы находились от г. Мехико-Теночтитлана, тем цивилизационное присутствие ацтеков там было меньше.

По указанным причинам в провинции средствами археологии не всегда возможно определить именно ацтекский культурный и исторический горизонт, который определенно прослеживается только в центре. Вместе с тем сами по себе раскопки в ацтекской провинции расширяют возможности изучения древних региональных культур*.

* О находках только 2012 г. в штатах Оахака, Наярит, Чолула и др. см.: 1; 2, pp. 24-34; перечень наиболее важных публикаций по археологии региональной тематики см.: 2, pp. 24-34].

Как бы то ни было, по всей Мексике ведутся археологические исследования. Однако, учитывая значительные масштабы раскопок, а также их первостепенную важность для изучения древнеацтекской культуры, мы ограничимся наиболее интересными с нашей точки зрения данными по г. Мехико и его окрестностям за последние несколько лет.

Особенность археологических раскопок в Мехико заключается, в частности, в том, что места, где они ведутся, как правило, затрагивают современную инфраструктуру (сложная сеть подземных городских коммуникаций, расположение линий метро и т.п.). Хотя это обстоятельство затрудняет профессиональную деятельность археологов и требуют значительных финансовых затрат, раскопки являются источником получения ценных научных знаний [3; 4].

Парадоксально, но иногда успеху археологических исследований в Мексике способствуют стихийные бедствия, в частности, довольно частые и сильные землетрясения. Из относительно недавних подобных ситуаций следует отметить землетрясения 19 сентября 1985 г. и 19 сентября 2017 г., а также 21 января 2016 г. и 23 июня 2020 г. На момент написания данной статьи в ночь на 8 сентября 2021 г. в 300 км от Мехико, в Акапулько, произошло землетрясение силой 7,1 баллов, оставившее столицу без света. Примечательно, что раскопки в районе знаменитого археологического объекта, а именно, Главного (Великого) Храма (Темпло Майор, двойной храм, где на одной пирамиде возведены храмы, посвященные богу войны Уитсилопочтли и дождя Тлалоку) активно и на постоянной основе проводятся особенно после землетрясений 1978 г., 1985 г., благодаря чему были открыты многие знаменитые памятники. Особенность самой археологической зоны состоит в том, что пространство Главного Храма — это также пирамиды с алтарями бога-творца мира и одновременно разрушителя Тескатлипоки, бога плодородия и отчасти легендарной личности Кетцалькоатля, а также значительное число иных сооружений, связанных с обслуживанием сакрального пространства.

Главный Храм как религиозный центр древней империи ацтеков был открыт сравнительно недавно. 21 февраля 1978 г. рабочие-электрики, проводившие подземные работы, обнаружили в двух кварталах от Сокало, центральной площади города, его руины [5]. Они также открыли здесь своеобразную скульптуру богини Койолшаушки (ассоциирующейся с луной), представленную в соответствии со сложным и важным богоборческим мифом в расчлененном виде.

В том же году был запущен связанный с Главным Храмом специальный археологический проект во главе с Эдуардо Матосом Моктесумой. Под руководством этого известного мексиканского исследователя раскопки проводились в течение четырех десятилетий. Был создан и Музей Главного Храма. Раскопки в г. Мехико (как и в целом по стране) проводятся под наблюдением Национального института антропологии и истории в рамках специальной программы по городской археологии [6; 7]. Для популяризации результатов раскопок также осуществляется общемексиканская программа «С тобой на расстоянии» министерства культуры страны*.

* Специальная программа пропаганды культуры Мексики. С помощью аудио, видео и иных интерактивных средств дистанционно обеспечивается доступ к разнообразному культурному наследию, включая языки коренных народов, а также сотрудничество с художниками, ремесленниками и т.п. [8].

Раскопки в Мехико и их результаты — всегда событие [3; 9]. Здесь были реализованы грандиозные археологические проекты, ставшие знаменитыми именно из-за достигнутых их научных результатов. Благодаря этому появляется возможность сопоставить археологические и письменные данные. Причем, это касается не только европейских, но и месоамериканских документов, в частности, пиктографики. Мехико-Теночтитлан в свое время произвел своей многолюдностью большее впечатление на испанцев, знакомых с большими городами Старого Света не понаслышке. В частности, можно сослаться на воспоминания одного из участников его завоевания — Берналя Диаса дель Кастильо. Он писал, что улицы города были заполнены людьми, а шум его главной площади, полной кричащих торговцев и ремесленников, предлагающих все — от продуктов питания до изделий ремесла, был слышен на многие мили [10, сс. 76-78]. Пятьсот с лишним лет спустя главная площадь Мехико, ныне известная Сокало, все так же многолюдна, заполнена туристами, уличными торговцами и покупателями. И совсем близко от нее археологи находят следы древнего города, который так поразили испанских завоевателей [3; 9].

АРХЕОЛОГИЯ ГЛАВНОГО ХРАМА

Среди археологических исследований последних двух-трех лет в Мехико можно отметить несколько наиболее значимых. К примеру, раскопки под руководством археологов Рауля Барреры Родригеса и Хосе Марии Гарсии под этажами здания, известного под старинным названием Национальный Ломбард (*Nacional Monte de Piedad*), в нескольких шагах от площади Сокало и столичного кафедрального собора. Это строение, расположенное в историческом центре, является одним из самых старых в градостроительном плане раннеколониального Мехико. При проведении реставрационных работ и обязательных при этом раскопках, археологами были выявлены признаки строительства разного времени, начиная с доколониальной эпохи. Объект был открыт еще в феврале 2020 г., однако археологи не объявляли о нем до тех пор, пока не получили значимые результаты [6; 7].

Здесь на расстоянии около двух метров друг от друга были сделаны 12 раскопов (колодцев), где сначала обнаружили остатки стены раннеколониального периода (1,5 м в высоту и 1,25 м в длину), которая служила фундаментом здания, построенного в середине XVIII в. [4; 6; 7]. Потом на глубине 3 м был раскрыт пол. С учетом наличия известной древней топографии Мехико-Теночтитлана и исторических свидетельств эпохи завоевания археологи предположили, что раскрытое историческое пространство может иметь отношение к резиденции правителя (тлатоани) Ашайакатля (1469—1481 гг.), отца последнего правителя ацтеков Моктесумы II Младшего (1502—1520 гг.) [6; 7; 11].

В ходе дальнейших раскопок было определено помещение размером 5x4 м, возведенное из базальтовых плит доиспанского происхождения. Известно, что после падения Мехико-Теночтитлана и начала христианизации ацтеки были вынуждены собственными руками разрушать уцелевшие храмы и иные сооружения как языческие и строить новый город из тех же доиспанских материалов. Именно поэтому в стене этого помещения колони-

альной эпохи были обнаружены фрагменты двух доиспанских каменных барельефов с изображениями головного убора из перьев и орла (длина 1,7 м) (рис.1). Археологи полагают, что эти фрагменты когда-то были частью жертвенной стелы, возведенной еще во время правителя Моктесумы I Старшего (1440—1469 гг.), и, таким образом, она датируется серединой XVв. [12].

Рис. 1. Фрагмент барельефа с изображением «обсидианового орла»

Важна символика этих барельефов. Она связана с особым почитанием фантастического «обсидианового орла». Орел — науал (воплощение) бога Уицилопочтли, а форма его перьев, похожих на каменные ножи из обсидиана, ассоциируется с кровью и войной, что подтверждает высказанное предположение о барельефе как части жертвенной стелы. С той же символикой связан и фрагмент барельефа с изображением головного убора из перьев. Аналогичные образы орла известны также в пиктографических рукописях, так называемых кодексах (например, в рукописи доиспанского периода Кодексе Борджиа или Кодексе Теллериано-Ременсис XVI в.). Что касается изображения головного убора из перьев, то он представляет собой важную часть образа почти всех персонажей пиктографических рукописей, прежде всего, Уитсилопочтли и Кетцалькоатля.

Среди других артефактов следует назвать изображения на камне пиктограмм, соответствующих словам «рынок», «драгоценность» в древних пиктографических рукописях. Другие артефакты, найденные в этом же месте раскопок, — фрагменты знаменитой доиспанской керамики из древнего г. Тескоко (оранжевая монохромная, черно-оранжевая), а также колониального периода [6; 11]. С этой локацией, т.е. резиденцией Ашайакатля, связаны судьбоносные, драматические события в истории ацтеков. 8 ноября 1519 г. в Мехико-Теночтитлан прибыли конкистадоры во главе с Эрнаном Кортесом (1485—1547 гг.). Пришельцы обустроили здесь свои казармы, приспособив одно из помещений для богослужений. В этом же месте впоследствии завоеватели удерживали в плену самого Моктесуму II и нескольких его приближенных [6; 10; 11; 13, с. 80].

Как известно, дружелюбие ацтеков со временем сменилось враждебным отношением к испанцам, а также презрением к слабохарактерному, по мнению народа, Моктесуме, под давлением пришельцев убеждавшему соплеменников признать их власть. Наконец, именно из Мехико-Теночтитлана испанцы панически и с большими потерями бежали. Впрочем, через год они вернулись и, последовательно разрушая квартал за кварталом, захватили город. В память об этом у площади Трех культур (Площадь Тлателолко) установлена мемориальная доска, на которой написано, что 13 августа 1521 г. Э.Кортес разгромил ацтекскую армию во главе с во-

Рис. 2. Большое (Великое) Тцомпантли

название данного типа сооружений) — это конструкция из черепов, насаженных на длинные деревянные шесты и составленных в виде лестниц, вместе образующих своего рода стеллажи цилиндрической формы. Это — черепа людей, ритуально принесенных в жертву. Целями кровавого церемониала были стремление отблагодарить или умиловать богов, вызвать ужас, напугать врагов, а также продемонстрировать мощь ацтеков. Археологи полагают, что большая часть черепов — это останки пленных воинов. Открытая на настоящий момент часть ритуального сооружения, имеет диаметр 4,7 м [13, с. 77; 14; 15].

Тцомпантли было открыто еще в 2015 г., но подробная информация о нем появилась только в марте 2020 г., поскольку раскопки продолжались. Это позволило археологам под руководством Лорены Васкес Валлин найти останки 119 человек, в том числе детских, а всего на этом месте было обнаружено более 600 черепов (рис. 2). Мексиканские власти назвали открытие Великого Тцомпантли одним из самых важных археологических находок в стране за последние годы [14; 15].

Большое Тцомпантли формировалось десятилетиями и относится к концу XV в.; некоторые называют и более точную дату (1486—1502 гг.). Как и другие знаменательные объекты древности, Тцомпантли как ритуальный объект был отражен в пиктографике, в частности, в Кодексе Рамиреса (или Кодекс Товара, кон. XVI в.) (рис.3).

Между тем ученые постепенно заполняют архитектурную топографию древнего Мехико-Теночтитлана, уточняя расположение уже открытых на настоящее время около восьмидесяти доиспанских сооружений, главным образом, в священном пространстве Главного Храма. При участии специализирующегося в области месоамериканской археологии Роберто Мартинеса Месы в районе улицы Республики Гватемала в сентябре 2011 г. на глубине 5 м были обнаружены руины доиспанского сооружения диаметром, по разным данным, от 15 до 17 м и высотой 1,7 м с сохранившимися деталями главной лестницы на западной стороне [16]. Сооружение было идентифицировано как Великое Куаушикалько (ацт. *Huei Cuauhxicalli*), место церемонии кремации правителей [17] (рис.4).

ждем Куаутемоком, а на главной улице Мехико возведен памятник этому национальному герою.

На каждом новом этапе археологических исследований Главный Храм продолжает преподносить сюрпризы. Одной из самых впечатляющих находок за последние годы, без сомнения, является открытие так называемого Большого (Великого) Тцомпантли. Тцомпантли (общее

Сооружение посвящено богу Уицилопочтли и первоначально при его обнаружении в 2011 г. время возведения объекта определили периодом 1469—1481 гг., то есть временем тлатоани Ашайякатля. Однако позднее ученые пришли к выводу, что Великое Куаушикалько было построено раньше, в эпоху Моктесумы I [17]. Археологи полагают, что позже, когда происходило обновление (переустройство храмов как аналог обновления мира каждые 52 года в соответствии с древним летоисчислением), каменными плитами закрывались не только

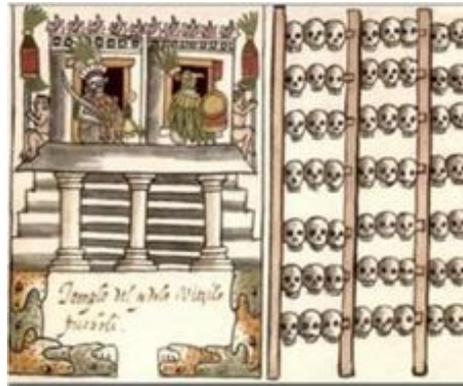

Рис. 3. Главный Храм с символическими фигурами Тлаока и Уицилопочтли (слева) и тцомпантли. Кодекс Рамиреса

предыдущее сооружение Главного Храма, тело пирамиды и храма, но и те культовые объекты, которые находились рядом, — идолы богов и богинь, а также иные объекты, включая Великое Куаушикалько, и возводились новые. Поэтому, что касается куаушикалько (куаушикали, общее название данного типа сооружения, повторяющего форму чаши разных размеров) как ритуального объекта, то следует подчеркнуть, что ученым известны и другие не менее впечатляющие. Таковой, например, является открытое ранее знаменитое куаушикалько в виде фантастического персонажа с чертами ягуара.

Великое Куаушикалько построено из камней вулканической породы, скрепленных глиной. В боковые поверхности вставлено 19 фантастических змеиных голов, что связывает его оформление с пирамидой Главного Храма и его символикой. Небольшие головы вырезаны из туфа, а более крупные (длиной 40–45 см) — из базальта [17]. Великое Куаушикалько украшают два каменных барельефа, на одном из которых представлена пиктограмма слова «война» (в виде изображения щита), повторяющая стилистику древних рукописей, кодексов (рис. 5).

В 2012 г. археологи обнаружили еще несколько объектов, связанных с Великим Куаушикалько. Первый — ритуальное захоронение из 45 фрагментированных черепов и около 250 нижних челюстей. Из некоторых черепов были сделаны маски, связанные с культом бога смерти Миктлантекутли. Следующая находка 2012 г. представляла собой жертвенный камень (ацт. течкатль), высота наземной части которого 40 см, а подземной — 12 см. В его основании нашли пять черепов, обращенных лицевой стороной на запад. Вполне возможно, что изначально они были частью Великого Тцомпантли, поскольку в височной части черепов имеются характерные отверстия (рис. 6).

В том же 2012 г. в зоне раскопок Великого Куаушикалько были найдены чаши, и в них — обсидиановые ножи, использовавшиеся в ритуалах кровопускания (жертвование собственной крови), что подтверждают следы, обнаруженные на лезвиях. Ученые считают, что эти приношения могли быть сделаны на этапе возведения Великого Куаушикалько [17].

Рис. 4. Змеинные головы Великого Куаушикалько

точниках, продолжают. Ученые считают, что эту задачу можно будет решить, в частности потому, что в южной половине Великого Храма, посвященного Уицилопочтли, было обнаружено несколько урн с человеческими останками.

Среди других находок на этом археологическом объекте следует упомянуть остатки священного дуба. Согласно представлениям ацтеков, это дерево связывало земной мир с небесным и подземным [1; 17].

АРХЕОЛОГИЯ БОЛЬШОГО МЕХИКО

Земля исторического центра мексиканской столицы, где был построен древний Мехико-Теночтитлан, по-прежнему остается неисчерпаемым источником археологических находок. Но исследования ведутся и в его окрестностях, поэтому важная зона археологических исследований последних десяти лет — раскопки в районах Большого Мехико. В отличие от центра древнего города, здесь сосредоточены памятники разных периодов — от Формативного (Доклассического) (2500 г. до н.э. — 250 г. н.э.) до Классического (250—900 гг.) и Постклассического (900—1521 гг.). Это означает, что они не всегда являются ацтекскими, хотя в целом и участвуют в формировании историко-культурного облика их древнего государства.

В частности, это касается продолжающихся исследований знаменитой пирамиды Луны в окрестностях Большого Мехико, в древнем Теотиуакане в 40 км от столицы. После землетрясения 2017 г. группа инженеров-геофизиков в составе Андреса Техеро, Мартина Карденаса, Херардо Сифуентеса, Рене Э.Чавеса, Эстебана Эрнандеса-Кинтеро и Алехандро Гарсии подтвердила существование там пещеры или системы полостей [9; 18; 19]. Для этого полости были просканированы с помощью электрорезистивной томографии, что позволило получить изображения и измерить структуры, находящиеся под поверхностью сооружения, которое в древности неоднократно реконструировалось. Кстати, если вначале ученые считали, эти полости естественного происхождения, то в настоящее время пришли к

В 2013 г. археологи обнаружили туннель шириной 45 см, длиной 8,38 м и высотой 1,5 м, который вел к центру Великого Куаушикалько. Там они нашли две запечатанные камеры, в которых, как первоначально решили ученые, могли храниться кремнированные останки правителей. Позже это не подтвердилось. Тем не менее поиски гробниц ацтекских правителей, упоминаемых в исторических ис-

Рис. 5. Пиктограмма «война» (щит на рельефе и как атрибут в руках бога Уитсилопочтли). Великое Куаушикалько и Кодекс Борджиа (доиспанский период)

выводу об их искусственной природе. Раскопки показали, что пирамиду перестраивали минимум шесть-семь раз, что обычно для Месоамерики. Внутри пирамиды был обнаружен канал шириной 20 метров и глубиной около 15 м, ориентированный к центру нынешней пирамиды. Он, по-видимому, относится к периоду четвертой—седьмой фазам реконструкций, сделанных в 150—450 гг. Как полагают археологи, эта полость внутри пирамиды использовалась для проведения погребальных ритуалов, поскольку собственно туннель, в соответствии с представлениями древних, вел в подземный мир мертвых. Возможно, был и второй вход в туннель. Дальнейшие исследования пирамиды помогут уточнить данные, имеющиеся на данный момент.

Кстати, еще в конце 1990-х годов мексиканские археологи нашли в пирамиде два погребения, одно из которых датировалось четвертым, другое — пятым этапом реконструкции. В них археологи обнаружили останки принесенных в жертву людей и животных, в том числе пумы и ягуара, а также украшения, обсидиановые фигурки и ритуальные ножи [12].

Изучение пирамиды Луны в последние десятилетия способствовало формированию иных оценок роли обеих знаменитых пирамид в истории Теотиуакана. Так, есть мнение называть Теотиуакан не «город богов», а «город Солнца» (по пирамиде Солнца). Кроме того, в исследовании, проведенном археологами совместно с экспертами инженерного факультета Института геофизики Национального автономного университета Мексики, отмечается, что пирамида Луны (памятник женскому божеству воды, плодородия и земли) могла стать отправной точкой для формирования плана древнего города. Первый из ее конструктивных этапов (так называемое, «сооружение I») датируется периодом 100 г. до н.э. — 50 г. н.э. и является самым древним известным памятником Теотиуакана [20].

Интересными являются раскопки в другом историческом районе долины Мехико — исследования в Сакатенко и Тлалпане как продолжение изучения Доклассического периода ее истории.

Во время раскопок к северу от Мехико, в Сакатенко, недалеко от акведука Гваделупы в 2016—2017 гг. археологами, в частности Эстибалис Агуайо, было раскрыто и исследовано захоронение. Погребенными под несколькими слоями земли оказались более чем 140 скелетов [21; 22; 23].

Рис. 6. Течкатль и черепа. Великое Куаушикалько

Это были останки детей в возрасте от трех до десяти лет, молодых людей и взрослых мужчин и женщин (определенно 60 взрослых и 40 детей), живших в одном из первых поселений на ближайшем побережье озера Тескоко. Многие были захоронены лицом вниз. Кроме того, были найдены два захоронения в положении зародыша. При погребенных найдено большое количество подношений (керамика, костяное шило, бусины из зеленого камня или раковин, серый обсидиан и т.д.). Среди погребенных была беременная женщина, отмеченная красным порошком (гематит или киноварь). Выделяется погребение мальчика с нагрудником, состоящим из 162 раковинных пластинок. Возможно, они являются маркерами определенного статуса. Эти жертвоприношения позволяют получить обширную информацию о каналах обмена, которые поддерживались с другими районами. Археологи определили, что данное место захоронения относится к Среднему Доклассическому периоду (800—500 гг. до н.э.) [21].

Надо сказать, что Сакатенко еще в 1935 г. открыл знаменитый американский археолог Джордж Вайян. Изучение продолжили спустя 30 лет, в 1960-е годы, его не менее заслуженные коллеги — Уильям Т. Сандерс, Джеффри Р. Парсонс и Роберт С. Сантли. Подобные исследования были проведены для древних поселений Тлатилько и Тлапакойя, которые относятся к Раннему и Позднему Доклассическому периоду соответственно. С тех пор за полвека не было обнаружено другого, сопоставимого с Сакатенко объекта. Новые открытия в Сакатенко позволяют уточнить, что здесь было 5-6 тыс. жителей. Погребение 145 человек может рассматриваться репрезентативным и для таких подсчетов, и для изучения этого периода истории в целом [21].

В южной части района исследования археолог Мария де Хесус Санчес определила жилую зону со следами (планами) небольших комнат, портиков и дворов, а также пространство, которое имеет отношение к добыче соли в Поздний Постклассический период (1200—1521 гг.), подтверждением чего являются керамические сосуды и оловянные горшки, покрытые штукатуркой, использовавшиеся для извлечения соли из солоноватой воды озера Тескоко. В этом месте были найдены захоронения новорожденных внутри пяти керамических сосудов [21].

Рис. 7. Спиральное захоронение. Тлалпан

Примечательно, что здесь же, на южном берегу озера Тескоко, расположен очень важный археологический объект — Куикуилько. Этот религиозный центр известен своей знаменитой круглой пирамидой, редкой для долины Мехико конструкции. Куикуилько, современный культуре ольмеков, процветал в Средний и Поздний Формативный период (700—150 гг. до н.э.), между фазами Сакатенко (700—400 до н.э.) и Тикоман (400—200 до н.э.) [24]. Он был разрушен в результате извержения вулкана в конце этого периода. Археологи находят здесь остатки укрепления, древних строений, признаки занятия земледелием (ирригация, террасы) [22; 23; 24; 25; 26].

В 2017 г. в Тлалпане археологи открыли памятники и артефакты Доклассического периода. Ими были раскрыты 20 ям в виде усеченного конуса с большим диаметром на дне и меньшим в устье (от 1,2 м-1,5 м до 1,8-2,3 м). Их возраст — 2,5 тыс. лет. Тогда же исследователи предположили, что ямы служили местами хранения (складами) продукции, возможно, могилами или использовались и в том, и в другом качестве [24]. Как показало дальнейшее изучение, по крайней мере шесть из этих ям использовали как одиночные погребения. Описано погребение, где похоронены более десяти человек. По мнению антрополога Лусии Лопес Мехии, почти все они при жизни были молодыми людьми. Пол удалось установить только двоим — как мужской и женский; были среди них и дети в возрасте 3-5 лет и месячный младенец [25]. Судя по характеру захоронения, оно носило ритуальный характер, так как все были похоронены одновременно и особым образом. Тела намеренно соединены друг с другом и уложены спиралью (круговое захоронение): руки одного лежали на спине другого, голова третьего на груди четвертого и т.д., что также свидетельствует о одновременности захоронения. У двоих были умышленно деформированы черепа, у некоторых повреждены зубы. Погребальные дары состояли из керамических сосудов (илл. 7).

Археологи из Национального института антропологии и истории считают, что этот ритуал очень древний и мог быть выполнен охотниками и собирателями. Об этом свидетельствует и датировка костей — Доклассический период, возможно, около XVI в. до н.э. — то есть задолго до появления ацтеков [23; 25; 26]. Ученые отмечают, что круговое захоронение было зафиксировано впервые и, видимо, представляет собой ранее неизвестную ритуальную практику. Это открытие важно

так же, как и раскопки, которые проводились в период с 1960 по 1990 г. в таких местах, как Тлатилько, Темаматла и Тлапакойя, относящихся к этому же времени [24].

В чем может быть смысл всех этих древних спиралей и кругов? Есть несколько предположений. Так, исследователь из Папского университета Мексики Химена Ривера Эскамилло считает, что такая форма погребения олицетворяет «круг жизни», который начинается с ребенка, продолжается взрослым и, в конечном счете, заканчивается стариком, стоящим на пороге смерти. Предлагается трактовка спиралей и как обозначение кругов на воде — намек на занятие рыболовством. Упоминается связь со звездным небом (круги символизировали движение звезд). Выдвигается также предположение, что круги отражают генерацию энергетической мощности Матери-земли. Наконец, спирали трактуются как символ течений воздуха, влиявших на охоту и рыболовство, что означало их важность при занятии этими типами хозяйственной деятельности [20; 23; 25; 26]. Впрочем, все это — только предположения. Возможно, мы так никогда и не узнаем, что означало это спиральное захоронение в момент его появления.

Рассмотренные выше некоторые из значимых археологических исследований последних лет действительно позволяют приблизить к нам историческое прошлое Мехико-Теночтитлана, конкретизировать и дополнить знания о древнеацтекском обществе в целом, хотя концептуальные изменения пока не так значительны.

Типично в этом отношении мнение мексиканского археолога Э.Матоса Моктесумы, который в своей лекции в Гарварде, а также в ходе общения с прессой подтвердил уже устоявшиеся представления о древнеацтекской культуре и обществе. Он поставил Месоамерику и Анды в один ряд с Египтом, Месопотамией, Китаем и долиной Инда — регионами, являющимися яркими, фактически эталонными, примерами древних цивилизаций [5]. Однако здесь необходимо внести некоторые уточнения, касающиеся этого мнения. Так, важно подчеркнуть, что цивилизации Старого Света были на несколько тысячелетий старше культур Нового Света, к тому же на определенном этапе они влияли друг на друга. Именно поэтому месоамериканские общества определяются как древние, хотя в соответствии с европейской системой хронологии и периодизации они относятся к средневековью.

Э.Матос Моктесума также надеялся развеять, как он определил, «черную легенду» о том, что только ацтеки практиковали человеческие жертвоприношения (кстати, не упоминая при этом ритуальный каннибализм). Ученый отмечает, что у ацтеков не все ритуалы носили подобный характер, а кровавые ритуалы в принципе существовали во многих древних культурах. Они были связаны, главным образом, с земледельческими культами, а в Месоамерике рассматривались и как способ обеспечения дальнейшего существования Вселенной (считалось, что человеческая кровь ее подпитывала, предотвращая конец мира). Странно, что косвенным оправданием кровавого культа Э.Матос Моктесума считает и то, что, как правило, в жертву приносили рабов или военнопленных [5]. Поэтому Главный Храм в виде Великого Тцомпантли, при раскопках ко-

того обнаружены останки более 600 человек, ученый трактует как «сооружение, связанное с жизнью, а не со смертью» [15]. К этому мнению присоединяется представитель столичного министерства культуры Александра Фраусто Герреро, которая назвала Великое Цомпантли важным свидетельством «могущества» и «величия», достигнутого Мехико-Теночтитланом [15].

Думается, что, пытаясь объяснить кровавый культ и все, что с ним связано, упомянутые выше ученые вступают на тупиковый путь его оправдания. К тому же человеческие жертвоприношения ацтеков (и представителей других месоамериканских культур), их кровавый культ в чистом виде действительно вызвал шок у испанцев, хотя средневековый Старый Свет под другими лозунгами сам пролил моря крови. Возможно, не следует пытаться оправдать эту жуткую религиозную практику, которая сама по себе не отменяет культурных достижений ацтеков и других месоамериканцев?

Как бы то ни было, но недавние археологические открытия позволяют получить новые знания о достижениях жителей Месоамерики. Э.Матос Моктесума прав, когда говорит, что археологи обнаружили лишь небольшую часть того, что может быть связано с Мехико-Теночтитланом [3; 5]. Несомненно, археология Мехико еще готовит сюрпризы. Сегодня археологические раскопки в Мехико можно наблюдать повсюду — как в виде давно исследуемых объектов, так и вновь открытых. К настоящему времени по всему центру Мехико кроме образцов древней архитектуры и строительства, археологи обнаружили около 40 тыс. различных артефактов. Разумеется, эта цифра не окончательная, так как исследования продолжают. И занимаются ими не только археологи, но и ученые, работающие в рамках других дисциплин. В современных условиях, это, например, развитие этнологических исследований, целью которых является синхронизация этноистории и археологии, т.е. изучение прошлого в традиционных культурных проявлениях современной Мексики [13, р. 83]. В деле формирования современных объективных оценок этого древнего общества, а также разрушения стереотипов о древнеацтекской культуре, ассоциирующейся, прежде всего, с кровавым культом, помогает и музейно-выставочная деятельность, которая ведется, в том числе, и за пределами Мексики. В качестве примера можно привести открывшуюся 11 октября 2020 г. в Музее Линдена в Штутгарте (Германия) выставку «Ацтеки», на которой эта культура представлена с помощью ее самых выдающихся артефактов [28].

Надо сказать, что шаги по формированию принципиально новых, но взвешенных представлений о древних обществах Центральной Америки предпринимались и ранее. Так с 1992 г., когда отмечалось 500-летие открытия Америки, появились новый лозунг и новая оценка этого события как «Встреча двух культур» в качестве альтернативы прошлому лозунгу — «Открытие Америки». Тем самым подчеркивалось, что в доевропейской Америке сформировалась собственная культура — материальная, социальная, духовная, система сохранения и передачи информации в виде пиктографии, иероглифики и т.п. как часть мировой культуры древности, занимающая в ней свое достойное место.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ofrendas y tumbas, algunos hallazgos arqueológicos en 2012. Boletín. 28 de Diciembre de 2012 / Instituto Nacional de Antropología e Historia. Available at: <http://www.inah.gob.mx/es/boletines/1953-ofrendas-y-tumbas-hallazgos-en-2012>; (accessed 10.04.2021).
2. Arqueología Mexicana. Índice general. Volumes I – XXVI, 1993-2018, p. 24-34. Available at: https://arqueologiamexicana.mx/sites/default/files/banco_imagenes/indice_general_2018.pdf (accessed 12.04.2021).
3. Atwood, Roger. Under Mexico City. Beneath the capital's busy streets, archaeologists are discovering the buried world of the Aztecs Archaeology, Archaeological Institute of America July/August 2014. Available at: <https://www.archaeology.org/issues/138-1407/features/2173-mexico-city-aztec-buried-world/>(accessed 11.06.2020).
4. Ancient Aztec palace ruins discovered in Mexico City. Available at: <https://www.dw.com/en/aztec-palaca-mexico-city/a-54166113/>(accessed 02.04.2021).
5. Mineo L. Unearthing the secrets of the Aztecs. The Harvard gazette, April 9, 2018. Available at: <https://news.harvard.edu/gazette/story/2018/04/unearthing-the-secrets-of-the-aztecs/>(accessed 02.05.2021).
6. El Monte de Piedad guardaba «un secreto»: restos del Palacio de Axayácatl, lugar donde murió Moctezuma. Available at: <https://www.elfinanciero.com.mx/culturas/hallan-restos-del-palacio-de-axayacatl-bajo-el-monte-de-piedad-lugar-en-donde-murio-moctezuma/> (accessed 18.04.2021).
7. Surgen vestigios de casa que habitaron Axayacatl y Cortés, *El universal*. Available at: <https://www.eluniversal.com.mx/cultura/patrimonio/500-anos-de-la-noche-triste-surgen-vestigios-de-la-casa-que-habitaron-axayacatl-y> (accessed 12.04.2021).
8. Con tigo en la distancia. Available at: <https://contigoenladistancia.cultura.gob.mx> (accessed 02.04.2021).
9. Pruitt, Sarah .The Most Amazing Historical Discoveries of 2018. 7. A deadly earthquake in Mexico led to the discovery of an ancient Aztec temple. Available at: <https://www.history.com/news/discoveries-2018-archaeology-science-finds> (accessed 07.04.2021).
10. Баглай В.Е. Ацтеки: история, экономика, социально-политический строй. М., «Восточная литература» РАН, 1998, 432 с. [Baglay V.E. Acteki: istoriya, ekonomika, social'no-politicheskij stroj [Aztecs: history, economy, socio-political system]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN, 1998. 432 p. (In Russ.).
11. Remains of the Palace of Axayácatl and a house built by order of Cortés are discovered in Monte de Piedad building. Available at:<https://www.inah.gob.mx/boletines/9259-remains-of-the-palace-of-axayacatl-and-a-house-built-by-order-of-cortes-are-discovered-in-monte-de-piedad-building> (accessed 04.04.2021).
12. Archéologie: découverte au Mexique d'un rare bas-relief aztèque représentant un aigle. Available at: <https://www.connaissancedesarts.com/monuments-patrimoine/archeologie-decouverte-au-mexique-dun-rare-bas-relief-azteque-representant-un-aigle-11152687/> (accessed 12.04.2021).
13. Rojas y Gutiérrez de Gandarilla, J. L. Los azteca ¿Cultura arqueológica o cultura con arqueología? Universidad Complutense de Madrid. *Revista Española de Antropología Americana*, 24, c. 75-92, Edit, Madrid, 1994. Available at: <https://revistas.ucm.es/index.php/REAA/article/view/REAA9494110075A> (accessed 02.04.2021).
14. Mexico's 'tower of skulls' yields more ancient remains RTL Радио и ТВ Люксембурга. Available at: <https://today.rtl.lu/news/world/a/1629110.html> (accessed 02.04.2021).
15. Woodward A. Photos show a tower of human skulls found buried beneath Mexico City. - Available at:<https://www.yahoo.com/lifestyle/photos-show-tower-human-skulls-123700815.html> (accessed 10.04.2021).
16. Descubrimientos arqueológicos. UNESCO World Heritage Centre, Friday, 30 March 2012 Available at: <https://whc.unesco.org/es/noticias/863> (accessed 10.05.2020).
17. Martínez Meza, Roberto. Cuauhxiccalco de Templo Mayor, pasado prehispanico que sale a la luz.Boletín UNAM-DGCS-709 Ciudad Universitaria. 12:00 hrs. 1 de diciembre de 2011. Available at: (accessed 12.09.2020).

18. Pirámide de la Luna pudo ser el inicio de Teotihuacán: *INAH*. Available at: <https://www.infobae.com/america/mexico/2020/07/28/piramide-de-la-luna-pudo-ser-el-inicio-de-teotihuacan-inah/> (accessed 09.08.2021).
19. Pirámide de la Luna podría ser el punto de partida del diseño urbano de Teotihuacan. Available at: <https://www.inah.gob.mx/boletines/9291-piramide-de-la-luna-podria-ser-el-punto-de-partida-del-diseno-urbano-de-teotihuacan> (accessed 04.04.2021).
20. Nueva teoría: la Pirámide de la Luna podría ser el origen de Teotihuacán. Actualizado al 30/07/2020. Available at: https://www.clarin.com/internacional/nueva-teoria-piramide-luna-podria-origen-teotihuacan_0_u7xJX1u6F.html (accessed 07.02.2021).
21. Mariló, T. A. Recuperan restos de hace al menos 2.500 años correspondientes a más de 140 antiguos habitantes de Zacatenco, al norte de Ciudad de México Ancient Origins, 30 Octubre, 2016. Available at: <https://www.ancient-origins.es/noticias-historia-arqueologia/recuperan-restos-hace-al-menos-2500-%C3%B1os-correspondientes-m%C3%A1s-140-antiguos-habitantes-zacatenco-al-003849/> (accessed 09.5.2020).
22. Encuentran entierro prehispánico múltiple en Tlalpan - López-Dóriga Digital, enero 29, 2018. Available at: <https://lopezdoriga.com/nacional/encuentran-entierro-prehispanico-multiple-en-tlalpan/> (accessed 02.08.2020).
23. Cowie A. Descubierta antigua espiral de la muerte en México Ancient-origins, 4 Febrero, 2018. Available at: <https://www.ancient-origins.es/noticias-historia-arqueologia/descubierta-antigua-espiral-la-muerte-m%C3%A9xico-004682> (accessed 02.08.2020).
24. Descubren en Tlalpan un entierro múltiple de los primeros aldeanos de la Cuenca de México, Gobierno de México. México, *Lunes*, 29 de Enero de 2018. Available at: <https://www.inah.gob.mx/boletines/6865-descubren-en-tlalpan-un-entierromultiple-de-los-primeros-aldeanos-de-la-cuenca-de-mexico/> (accessed 03.08.2020).
25. La muerte entrelazada: hallan espiral de osamentas en Tlalpan/ Cultura, Martes 30 de enero de 2018 p.4. Available at: <https://www.jornada.com.mx/2018/01/30/cultura/a04n1cul> (accessed 02.09.2020).
26. Zorich Z. Circle of Life. Circular burial, Tlalpan, Mexico. Available at: <https://www.archaeology.org/issues/298-1805/trenches/6522-trenches-mexico-tlalpan-circular-burial/> (accessed 04.05.2021).
27. Cortes A. Investigadoras del INAH descubren asombroso entierro múltiple entrelazado. Available at: <https://www.sopitas.com/noticias/inah-tlalpan-entierro/> (accessed 03.05.2021).
28. Elola E. «Aztecas» en Stuttgart, una nueva visión europea desde el Museo Linden. Available at: <https://www.dw.com/es/aztecas-en-stuttgart-una-nueva-visi%C3%B3n-europea-desde-el-museo-linden/a-50826369> (accessed 14.04.2021).

Valentina E. Baglay (baglayvalent@yandex.ru)

Doctor of historical Sciences, Professor, Kuban state University, Department of foreign regional studies and Oriental studies

Stavropol street, 149, 350058 Krasnodar, Russian Federation

Archaeology of Mexico City: new studies in the study of the history of the ancient Aztecs

Abstract. The article presents an overview of archaeological discoveries in Mexico City over the past few years. The research, which is carried out primarily by Mexican scientists, is based on both traditional methods of archaeology and the capabilities of modern science, in particular, electroresistive tomography and geophysics. The article uses primary data and their inclusion in the history of archaeological research in Mexico

Валентина Баглай

City is still ahead. Despite the preliminary nature of the assessments of these archaeological data, they allow not only to clarify the established ideas based on the many decades of work of archaeologists, but also to take them into account when further studying the past of the Aztecs and their capital Mexico City-Tenochtitlan. The paper presents the materials of recent excavations in the area of the Main Temple (Mexico City proper) and Greater Mexico City (the ancient territory around Lake Texcoco). In the center of Mexico City, archaeologists have discovered the remains of the room in which the Spaniards were, who first found themselves in the Aztec capital, fragments of pre-Hispanic stone bas-reliefs. It is also a find of the Great (Great) Tsompantli (traditional construction of skulls). The excavations of the Great Cuauhicalco as part of the ritual and sacred space and the ancient objects associated with it can be considered noteworthy. In the Greater Mexico City area, there are ongoing studies of an artificial tunnel, a cave (a symbol of the entrance to the world of the dead) inside the famous pyramid of the Moon in Teotihuacan. Here, on the territory of the ancient valley of Mexico, the study of the Preclassic period of its history continues (archaeological surveys in Zacatenco and Tlalpan with the oldest burials of unusual cone-shaped graves and intentional spiral arrangement of bodies). The post-classical period (the Aztec era) was enriched by excavations of salt mining sites, etc. The article notes that the new archaeological data generally confirm the well-known features of the Aztec society, without justifying, but also without belittling its own importance in world history and culture.

Key words: Archeology of Mexico City, Great Temple, Great Cuauhicalco.

DOI: 10.31857/S0044748X0018054-8

Received 14.05.2021.

О.А.Масалова

«*El Caballero Don Lorenzo Boturini Benaduci, Señor de la Torre, y de Hono*»: судьба коллекционера и исследователя

В статье рассматриваются истоки феномена коллекционирования и начала историко-культурных исследований в колонии Новая Испания через призму биографии известного антиквара и этнографа Лоренцо Ботурини Бенадуччи (1702—1753 гг.). Эта биография стала своеобразным маркером эпохи в контексте персональной истории; она иллюстрирует сложный путь формирования различных направлений культурной деятельности, характерных для европейского культурного пространства, на территории испанской колонии в первой половине XVIII в.

Ключевые слова: биография, Ботурини Бенадуччи, музей, коллекционирование, Дева Мария Гваделупская.

DOI: 10.31857/S0044748X0018055-9

Статья поступила в редакцию 09.03.2021.

Одной из актуальных исследовательских проблем современности в гуманитарной сфере является проблема изучения личности в культуре. Активная разработка данной проблемы обусловлена антропологическим поворотом, произошедшем во всех сферах гуманитарного знания, в рамках которого решающим становится роль и значимость личности в истории в процессе создания и развития социокультурных феноменов и процессов. На рубеже XX—XXI вв. наблюдается изменение вектора исследовательского интереса от некоего усредненного представления о личности человека как типичного представителя определенной историко-культурной ситуации к личности конкретной. Данная проблематика оформилась, прежде

Ольга Алексеевна Масалова — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (РФ, 420008 г. Казань, ул. Кремлевская, 18, <http://orcid.org/0000-00016176-4168>, omasalova@mail.ru).

всего, в рамках «персональной истории», о которой российский историк Лорина Петровна Репина пишет: «В нашей «портретной галерее» нашлось место и для крупных исторических деятелей, и для лихих авантюристов, и для знаменитых писателей, и для образов святых» [1, с. 78]. Персональная история базировалась на изучении и реконструкции биографий. Биография, документально подтвержденная или вымышленная под воздействием конкретных обстоятельств, становится важнейшим источником по определенной историко-культурной эпохе.

В современных культурологических исследованиях, которые строятся на принципе «мультидисциплинарности», «биографии представляют портретную галерею эпохи, своеобразное культурное пространство, в котором люди действуют, размышляют, дружат, ссорятся, а главное, создают художественные, научные, политические труды и произведения» [2]. Личность предстает как некая целостность, состоящая из ряда взаимозависимых и взаимовлияющих друг на друга компонентов психологического (индивидуальные психические и эмоциональные особенности, сформированные социокультурной средой — «культура — два» [3, с. 18]), философского (система мировоззрения, характерная для определенной культурной традиции), социального (социокультурная деятельность личности и ее вклад в развитии культуры) и историко-культурного (историко-культурный контекст, в котором происходило становление личности) характера.

Итальянский историк Джованни Леви предложил типологию исторических биографий, выделяя «модальную биографию», «контекстуальную биографию», «жизнь личности на грани нормы или нарушения распространенных форм поведения», «герменевтическую биографию». Для историко-культурных научных работ характерен последний тип биографических исследований, а именно — «герменевтическая биография». Здесь «на первый план выдвигается духовный мир личности, отношение к другим людям, подчеркивается роль диалога, коммуникаций между людьми и культурами. Особое внимание уделяется свободе выбора, самостоятельности принятия решений, выявлению индивидуальных стратегий и практик, которые являются внутренней причиной происходящих в обществе перемен. Если в предшествующих вариантах биографических описаний личность лишь довольно пассивно отражала общественные условия, была своеобразным зеркалом, то теперь роли меняются. Личность обладает способностью вносить перемены, менять ход истории, создавать беспрецедентные, ранее неизвестные произведения, совершать открытия. Именно в этом проявляется роль личности в истории культуры» [1, с. 78].

Одной из таких знаковых фигур для латиноамериканской культуры колониальной эпохи стала личность историка Новой Испании и коллекционера Лоренцо Ботурини Бенадуччи. Его жизнь и профессиональная деятельность оказались объектом исследования только на рубеже XX—XXI вв. Пытаясь определить вклад Л. Ботурини в развитие истории и культуры Нового Света, чаще всего можно встретиться с оценками, которые дал мексиканский историк Альваро Матуте (2012 г.) вслед за Мигелем

Леонор-Портильей (1976 г.) — «Историк одного образа», а точнее «Историк образа Девы Гваделупской» [4, р. 479]. Реконструировать биографию Ботурини довольно сложно, ибо одна часть информации, схематичная и доступная исследователям, находится в архивах различных стран (Мексика, Испания, возможно Италия), а другая часть представляет собой *mito boturiano* [5, р. 8], созданный самим объектом исследования.

Краткая биографическая справка за очень редким исключением — это информация, зафиксированная в *Storia antica dell' Messico* (Cesena, 1780 г.), в работе Беристена де Суза *Biblioteca hispano-americana setentrional* (México, 1816 г.) и *Catholic Encyclopedia* (1907—1913 гг., т. VII), которая тиражируется из одного издания в другое вплоть до настоящего времени. Однако основная ссылка, которую используют все исследователи наследия Ботурини и ученые, занимающиеся историей и культурой Латинской Америки колониального периода, содержится во втором томе *Enciclopedia de México* (1996 г.) [6].

Итак, Лоренцо Ботурини Бенадуччи (итал. *Lorenzo Boturini Benaducci*, 1702 г., Комо [по другим данным, Сондрио], Италия, 1753 г. [по другим данным 1751 или 1755 г.], Мадрид, Испания) — историк, антиквар и этнограф, изучавший Новую Испанию. Известно, что он получил историческое образование в Милане, а затем в силу неизвестных причин отправился путешествовать по Европе в поисках работы. Дальнейшая биография ученого представляет собой комплекс догадок, мифов и легенд.

Во-первых, самой фамилии, под которой Лоренцо Ботурини стал известен, не существовало. На этом настаивает Анжела Кодацци, составитель «Биографического словаря итальянцев» [7], ссылаясь на данные Государственного архива г. Сондрио, где хранятся документы за период с 1615 по 1747 г. Просмотрев огромное количество метрических данных за обозначенный период, фамилию *Boturini* исследовательница нигде не встретила. Зато было много фамилий очень похожих по написанию. На этом основании она делает вывод о том, что настоящая фамилия Лоренцо Ботурини — Боттерини (*Botterini*), и что единственные представители фамилии Боттерини были потомственными нотариусами. В принципе это вполне может объяснить тот факт, что Лоренцо получил историческое образование (не подтвержденный), когда один из сыновей в начале XVIII столетия мог пренебречь семейным делом и выбрать себе профессиональную стезю по душе.

Во-вторых, настоящей мистификацией является титул Ботурини. На гравюрном портрете, выполненном испанским живописцем и гравером Матиасом де Ирала в 1746 г., начертан титул, которым обладал Лоренцо Ботурини — *Dominus de Torre y de Honor, El Caballero del Sacro Imperio Romano*, и герб, изображающий две створки раковины в картуше под короной Священной Римской империи. В левой створке — корона, одетая на скипетр, и буква «T», в правой створке крест на крест изображены две замковые башни и два храма. Все исследователи сходятся во мнении, что для того, чтобы получить работу при австрийском королевском дворе, Ботури-

ни создал себе новую биографию, придумал титул и герб, поскольку ни в одном гербовнике итальянских земель или земель Священной Римской империи упоминаний о таком гербе нет.

Королевская академия истории (Мадрид) под патронажем испанской королевской семьи инициировала создание онлайн-проекта «DB-e» (*Diccionario Biográfico electrónico*), разместив биографии более 50 тыс. известных испанцев, в числе которых и оказалась биография Ботурини. Автор статьи Мигель Анхель Руис Баррио на основе изучения испанских архивных материалов дополняет известные биографические данные. В частности, он отмечает, что Ботурини, оказавшись при дворе Карла VI Габсбурга (1711—1740 гг.) в Вене, представлялся как «Повелитель Башни и Чести, Рыцарь Священной Империи и потомок графа Вильфредо де Борге, графа Пуату, Оверни, Массона и Тулузы, маркиза де Невера и герцога Аквитанского» [8] и для подтверждения своей генеалогии много времени проводил за изучением архивов в Хорватии и Венгрии.

В-третьих, прежде чем оказаться в Новой Испании и заняться той деятельностью, благодаря которой он стал известен, Ботурини в поисках работы совершил путешествие по Европе: Милан — Вена — Лондон — Лиссабон — Мадрид. Причины, по которым он не смог найти себе место работы, неизвестны, хотя М.А.Руис Баррио отмечает, что в 1733 г. он был вынужден оставить Вену из-за начавшегося противостояния между Бурбонами и Габсбургами.

В Мадриде Ботурини появляется в 1735 г., где он был представлен графине Эмануэле де Ока Сильва Саньтибанес, урожденной Монтесума (из рода Монтесумы II (1502—1520 гг.) — последнего императора ацтеков). Графиня нанимает его в качестве управляющего своими заокеанскими владениями и поручает ему контролировать отправку в Мадрид ежегодного пансиона в 1000 песо, обещанного ей испанской короной. Таким образом Ботурини оказывается в Новом Свете.

Актуализация научного наследия Лоренцо Ботурини осуществлялась трижды: конец XIX — первая четверть XX в., связанная с процессами самоопределения латиноамериканского региона; середина 70-х годов XX в. в непосредственной связи с развитием *filosofía latinoamericana* и с 2002 г., когда Римский Папа Иоанн Павел II (1978—2005 гг.) провел канонизацию Св. Хуана Диего и заинтересовался исследованиями образа Девы Марии Гваделупской.

Постепенная публикация материалов о жизнедеятельности Ботурини позволила выделить ряд направлений в его работах по изучению образа Девы Марии Гваделупской, на долгие годы приковавшего его внимание. В первую очередь это — занятие такими языками, как кастильский диалект испанского, науатль, мишкекский язык и др. По свидетельствам немногочисленных источников знание новых языков способствовало установлению контактов между Ботурини и властями различных областей Новой Испании, торговцами, аборигенным населением, а также изучению индейских манускриптов.

Во время своей командировки в вице-королевстве Новая Испания Ботурини разворачивает активную деятельность: в период 1736—1742 гг. он много путешествует, собирает всевозможные документы, повествующие не только о чудесных явлениях образа Девы Марии Гваделупской, но и об истории, обычаях, календаре и религии древних обитателей Месоамерики. Это собрание насчитывало около 300 рисунков, карт, рукописей и кодексов, образцов веревочного письма, которое Ботурини также скрупулезно изучал. Он скопировал более 500 доколумбовых надписей и собственноручно зарисовывал памятники архитектуры и скульптуры народов полуострова Юкатан. Среди них самые известные — «Кодекс Иштлильшочитля», «Летопись Хуан Баутиста, или так называемых Анналы Тлаккала» (XVII в.), «Тепонаскуикатль, или Песнь Атабаль» (1551 г.), «Чудесное обретение храма Девы Марии Гваделупской» (*El Origen Milagroso Del Santuario De Nuestra Señora De Guadalupe*, 1666 г.). Коллекции Ботурини составили первое в вице-королевстве частное музейное собрание, названное владельцем *Museo Histórico indiano* (Музей индейской истории), про который он говорил, что за восемь лет ему удалось создать музей вещей, ценных как для истории церкви, так и для истории непросвещенных народов, представляющих другому миру все богатство Индий. По словам мексиканского историка и эрудита середины XIX в. Хоакин Гарсиа Иказбале-та, этот музей был доступен для широкой публики и стал единственным владением Ботурини в Индиях, которое он не променял бы ни на золото, ни на серебро, ни на бриллианты, ни на жемчуг.

Однако Ботурини оказался заложником политической ситуации того времени и был арестован в 1743 г. по обвинению в несогласованном въезде на территорию вице-королевства и в занятии незаконной деятельностью без соответствующих документов, а его имущество и музейное собрание было конфисковано. Ботурини провел в тюрьме восемь месяцев, а потом был отправлен в Мадрид для того, чтобы предстать перед королевским судом по делам колоний. Однако в 1744 г. Ботурини был полностью оправдан. Испанский король Филипп V (1700—1746 гг.) назначил его королевским историком Новой Испании и издал указ, по которому колониальные власти были обязаны вернуть ранее конфискованные коллекции. Впрочем, Ботурини больше не возвращался в американские колонии, коллекции к этому времени частично были расхищены, а новый вице-король Новой Испании попросту отстранился от решения этой проблемы. От официального статуса королевского историка Ботурини тоже отказался, так как не смог простить обиду, хотя и написал в 1743 г. «Историю Северной Америки» (*Historia de América Septentrional*), труд признанный одним из самых значимых среди «Историй» колониальной Америки. Ботурини по памяти составил каталог собранных им раритетов и опубликовал его в 1746 г. в Мадриде под названием *Catálogo del Museo histórico indiano del Cavallero Lorenzo Boturini Benaduci* [9; 10].

На данный момент судьба коллекционного собрания Ботурини такова: 16 документов попали в руки Александра фон Гумбольдта, путешествовавшего по Мексике в 1802—1803 гг. Он опубликовал их в книге «Виды горных цепей и памятников коренных народов Америки» (*Vues des cordillères et monuments des peuples indigènes d'Amérique*). В настоящее время оригиналы находятся в берлинской Национальной библиотеке. Часть коллекции оказалась у страстного антиквара падре Хосе Пичардо. В 1827 г. французский историк Жозеф Алексис Обен приобрел еще несколько предметов коллекции из разных источников, а затем продал их Эжену Гупилю, собирателю и филантропу франко-мексиканского происхождения. Сегодня они под названием «Коллекция Обена-Гупиля» хранятся в парижской Национальной библиотеке.

Незадолго до обретения Мексикой независимости остальная часть коллекции Ботурини была передана в библиотеку Королевского католического университета Мехико, а оттуда в 1823 г. в Хранилище древностей. Впоследствии собрание переехало в Национальную библиотеку, а затем заложило основу будущего Национального музея антропологии в Мехико, в библиотеке которого и находится в данный момент [11]. Копии с рукописей из собрания Ботурини, выполненные во второй половине XVIII в., составили основу библиотеки базилики Девы Марии Гваделупской в Мехико.

Огромное место в жизни Ботурини занимало изучение образа Девы Марии Гваделупской и популяризация этого образа как важнейшей реликвии христианского католического мира. Образ Девы Марии Гваделупской — иконографический, наиболее почитаемый в Латинской Америке и ставший символом историко-культурной и национальной идентичности месоамериканского культурного ареала.

Появление образа Девы Марии Гваделупской связано с одной известной легендой, когда ранним утром 9 декабря 1531 г. 50-летний крестьянин, индеец Хуан Диего Куаухтлатоатцин, идя в церковь, увидел на вершине холма Тепейяк, около руин языческого храма, фигуру прекрасной женщины. Она высказала свое пожелание о строительстве часовни на вершине горы Тепейяк. Епископ Мехико Хуан де Сумаррага вначале весьма скептически отнесся к речам Диего о явлении Божьей Матери. В качестве доказательства Дева Мария явила индейцу куст цветущих роз, он завернул розы в свой плащ, принес их епископу, а когда накидку развернули, то увидели на ней лик Божьей матери, нарисованный розами [12, с. 247]. Исследователи оценивают образ Девы Марии Гваделупской как синтез этой двойственной природы образа. Образ Мадонны, принесенный на американский континент из Западной Европы, соединился с индейским восприятием природы женского божества. «Дева Мария не олицетворение природу как таковую, но некий прообраз преображенной Святым Духом природы. С образом Богородицы соотнесено вовлечение природной жизни в сферу христианской святости» [13, с. 93].

Особое отношение Ботурини к Деве Марии Гваделупской объясняется несколькими причинами: во-первых, он был очень набожным человеком и

перед отплытием в Новую Испанию оправился в паломничество к образу Девы Марии Сарагосской; во-вторых, ему чудом удалось спастись во время кораблекрушения недалеко от порта Веракрус, и свое спасение ученый приписал заступничеству Девы Гваделупской, о которой много слышал во время плавания; в-третьих, 1737 г. для вице-королевства был очень сложным, в тот год свирепствовала эпидемия чумы, и Ботурини наблюдал, как со всех концов колонии к храму Девы Марии Гваделупской за помощью шли паломники. С этого момента он сам стал ярким сторонником поклонения образу Девы Марии Гваделупской.

Поэтому все свои силы и средства Ботурини направлял на изучение явления образа и чудес, связанных с ним. Целью всей собирательской деятельности ученого было обнаружить письменные свидетельства истинного явления Девы Марии Гваделупской. Хроники и его музейный каталог свидетельствуют о том, что в одной из поездок Ботурини удалось найти некую рукопись «вульгарную историю Девы Марии Гваделупской», аккуратно переписанную им на латыни на 27 листах. Однако только несколько фрагментов этой рукописи встречаются в «Десяти альбомах Ботурини», труде, написанном им на 197 листах на кастильском диалекте с заметками на полях, касающимися проблем историчности предзнаменования явления этого сакрального образа. Находясь в Мадриде в статусе королевского историка колоний, ученый пишет историческое сочинение «Идея новой общей истории Северной Америки» (*Idea de una Nueva Historia General de la América Septentrional*), 1746 г.), где образ Девы Марии Гваделупской выступает в качестве той самой идеи, которая способна стать символом заокеанских колоний Испании, а по факту уже являющийся таковым, идеей, которая объединяет индейцев, метисов и креолов. Поскольку эти идеи были отвергнуты креольской правящей элитой, и труд Ботурини был фактически запрещен на территории испанских колоний, то интеллектуалы XIX — начала XX вв. сравнивали Ботурини с мучеником и жертвой испанского колониального господства и использовали его мысли как идейный фундамент в освободительной борьбе. Выдвигаемые им идеи нашли подтверждение в резолюции Гваделупского конгресса 2009 г., когда образ Девы Марии был признан как особый, эмоционально окрашенный, ментальнообразующий образ всего латиноамериканского региона, а кардинал Римско-католической церкви в Мексике Норберто Ривера Каррера настаивал на том, что «национальный контекст Девы Марии Гваделупской является важнейшей силой в деле национального единства» [14, с. 110].

Из общей биографической справки известно, что Ботурини развернул в Новой Испании деятельность по коронации образа Девы Марии Гваделупской, что также вменялось ему в качестве обвинения при аресте. В 2010 г. были опубликованы два письма из его личной переписки со священниками провинций Тласкала и Тепеака от 24 сентября 1742 г., которые хранятся в историческом архиве штата Тласкала в Мексике. Используя личные связи в Ватикане, Ботурини по собственной инициативе добился разрешения на

коронацию образа 11 июля 1740 г., аргументируя свою инициативу тем, что «это очень известный образ Марии Вест-Индии... следуя примеру из самых прославленных в Европе, мог освятить себя с золотой короной и скипетром». Мечтая украсить статую Девы Марии Гваделупской роскошными одеждами и золотой короной, Ботурини начал несанкционированный епископством Мексики сбор средств — «сердечный призыв городов и населенных пунктов Гваделупского сервитута». В письме к священнику и церковному судье провинции Тласкала Ботурини просил организовать сбор средств для изготовления золотой короны, а, обращаясь к священнику провинции Тепеак, просил выделить поле, чтобы средства, вырученные от произведенной на нем продукции, также пошли на изготовление золотой короны для священного образа. Из-за ареста Ботурини коронация образа Девы Марии Гваделупской была отменена. Однако история реликвии свидетельствует о том, что чаяния энтузиаста вполне оправдались, хоть и были преждевременными. Становление особого статуса образа Девы Марии Гваделупской и его влияния на изменения статуса латиноамериканского региона перед лицом Ватикана и всего мира происходило на протяжении 500 лет:

- 9 декабря 1531 г. — обретение реликвии;
- 1910 г. — год коронации образа Девы Марии Гваделупской как покровительницы Мексики;
- 1935 г. — год коронации образа Девы Марии Гваделупской как покровительницы Новой Испании и Филиппин;
- 1945 г. — год коронации образа Девы Марии Гваделупской как Императрицы Америки [14, сс. 110-111].

Сегодня Лоренцо Ботурини особо почитают и уважают не только в Мексике, но и во всем ибероамериканском мире. Его имя носит одна из центральных улиц Мехико. Его именем названо одно из крупнейших в Латинской Америке библиотечных собраний — *Biblioteca Teológica Lorenzo Boturini* (Геологическая библиотека им. Лоренцо Ботурини), состоящая из 22 тыс. томов, часть коллекций *Museo de Basílica de Nuestra Señora de Guadalupe* (музей Базилики Девы Марии Гваделупской). *Centro de Estudios Históricos y Sociales de Texcoco: «Lorenzo Boturini Benaduci* (Центр исторических и социальных исследований Тескоко им. Лоренцо Ботурини Бенадучи) проводит ежегодные региональные чтения.

В заключение хотелось бы отметить ряд моментов. Реконструкция биографии Лоренцо Ботурини Бенадучи, актуализация истории его жизни дают возможность продемонстрировать работу нового методологического подхода. Использование модели «герменевтической биографии» Дж.Леви позволяет сделать вывод о том, что Л.Ботурини был человеком высокообразованным и очень глубоко верующим. Эти два качества сыграли огромную роль в его самопрезентации, в выборе направлений реализации и в создании культурных продуктов, значимость которых до сих пор не оценена. Удивительные коммуникативные навыки Ботурини способствовали установлению контактов с представителями западноевропейской аристократии,

римско-католической церкви (от Ватикана до настоятелей монастырей вице-королевства Новая Испания, а изучение доколумбовых языков и культур помогло установить доверительные отношения с аборигенным населением.

Тот факт, что Ботурини был первым коллекционером в заокеанских владениях Испании, долгое время не признавался. Ботурини создал первый музей, собрав по крупицам памятники, связанные с главным объектом его поклонения и изучения — образом Девы Марии Гваделупской. Ботурини стал первым профессиональным историком, написавшем историческое сочинение, опираясь на конкретные источники. Любопытно, как выстраивалась технология «присвоения» биографии Ботурини ибероамериканским миром: от забвения до полного принятия, от попыток демифологизации его личной истории до создания нового научного мифа *mito boturiano*. С каждым годом наследие Лоренцо Ботурини раскрывается с новых сторон, что дает повод для появления большого количества научных исследований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Репина Л.П. *Персональная история: биография как средство исторического познания. Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 1998, Вып. 2, сс. 76-100.* [Repina L.P., Personal'naya istoriya: biografiya kak sredstvo istoricheskogo poznaniya [Historia personal: la biografía como medio de conocimiento histórico]. *Kazus: individual'noye i unikal'noye v istorii*. Moscow., 1998, Вып. 2, pp. 76-100. (In Russ.).
2. Колобова Ю.И. Культурология личности: к проблеме статуса понятия. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. Киров, 2007, № 18, сс. 75-80. [Kolobova YU.I. Kul'turologiya lichnosti: k probleme statusa ponyatiya [Culturología de la personalidad: al problema del estatus de un concepto]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. Kirov, 2007, N 18, pp. 75-80. (In Russ.).
3. Хофштеде Г. Культура как ментальное программирование. *Контексты современности – I: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории. Хрестоматия*. Казань, Казанский университет, 2000, сс. 111-119. [Khofshtede G. Kul'tura kak mental'noye programmirovaniye [Culture as mental programming]. *Konteksty sovremennosti – I: aktual'nyye problemy obshchestva i kul'tury v zapadnoy sotsial'noy teorii. Khrestomatiya*. Kazan', Kazanskiy universitet, 2000, pp. 111-119. (In Russ.).
4. Matute Á. “Lorenzo Boturini”. *Historiografía mexicana. Volumen II. La creación de una imagen propia. La tradición Española. Tomo 1: Historiografía civil*. México, Universidad Nacional Autónoma de México, Instituto de Investigaciones Históricas, 2012, pp.479-496. Available at: https://www.historicas.unam.mx/publicaciones/publicadigi-tal/libros/317_02_01/317_02_01_04_22_LorenzoBoturini.pdf (accessed 02.08.2020).
5. Escamilla González I. Boturini Lorenzo, su obra inédita Guadalupana. *Historicos '75*, 2006, pp.8-14. Available at: <https://www.historicas.unam.mx/publicaciones/revistas/boletin/pdf/boletin075.pdf> (accessed 02.08.2020).
6. BANDELIER AD.F. Lorenzo Boturini Benaducci. *Catholic Encyclopedia*. Available at: http://www.catholicity.com/encyclopedia/b/boturini_benaducci,lorenzo.html (accessed 02.08.2020).
7. Kodazzi A. Lorenzo Boturini Benaducci. *Dizionario biografico degli italiani, 1971, V. 13*. Available at: [http://www.treccani.it/enciclopedia/lorenzo-boturini-benaducci_\(Dizionario-Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/lorenzo-boturini-benaducci_(Dizionario-Biografico)) (accessed 03.08.2020).
8. Ruiz Barrio M.A. Boturini Benaducci, Lorenzo. Señor de la Torre y de Hono. *Diccionario Biográfico electrónico («DB-e»)*, 2011-2018, pp. 1702 – 1755. Available at: <http://dbe.rah.es/busqueda?dbe=Boturini> (accessed 02.08.2020).
9. Martínez Hernández J.L. Lorenzo Boturini y su Museo histórico indiano. *Arqueología Mexicana*, 2015, N 15 (septiembre - octubre), pp. 64-70.

10. Thiemer-Sachse U. El “Museo histórico indiano” de Lorenzo Boturini Benaduci (1702-1755) y los esfuerzos del erudito alemán Alejandro de Humboldt (1769-1859) para preservar sus restos para una interpretación científica. *HiN*, 2003, Vol. 6, pp. 5-24. Available at: [https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/3307/file/hin6_5-24_print.pdf_\(accessed 05.02.2021\)](https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/3307/file/hin6_5-24_print.pdf_(accessed%2005.02.2021)).

11. Oudijk M.R. La colección de manuscritos de Boturini: Una mirada desde el siglo XXI. *EL CABALLERO LORENZO BOTURINI: Entre dos mundos y dos historias. Memorias del Coloquio*. México, 2010, pp. 87-130.

12. История литератур Латинской Америки: От древнейших времен до начала войны за независимость / Отв. ред. В. Б. Земсков. М., Наука, 1985, 671 с. [Istoriya literatur Latinskoj Ameriki: Ot drevneyshikh vremen do nachala voyny za nezavisimost' [The history of the literatures of Latin America: From ancient times to the beginning of the war for independence]. Moscow, Nauka, 1985, 671 p. (In Russ.).

13. Шемьякин Я.Г., Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., Наука, 2001, 390 с. [Shemyakin YA.G., Yevropa i Latinskaya Amerika: Vzaimodeystviye tsivilizatsiy v kontekste vsemimoy istorii [Europe and Latin America: Interaction of Civilizations in the Context of World History]. Moscow, Nauka, 2001, 390 p. (In Russ.).

14. Масалова О.А. Формирование межнационального сакрального образа Девы Марии Гваделупской в Латинской Америке по материалам «Boletin Guadalapano». *Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и перспективы: сборник статей и материалов конференции*. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2014, т.2. сс.108-113 [Masalova O.A. Formirovaniye mezhnatsional'nogo sakral'nogo obraza Devy Marii Gvadelupskoy v Latinskoj Amerike po materialam «Boletin Guadalapano». [Formation of the interethnic sacred image of the Virgin Mary of Guadalupe in Latin America based on the materials of "Boletin Guadalapano"]. *Rossiya i Iberoamerika v globaliziruyushchemsya mire: istoriya i perspektivy: sbornik statey i materialov konferentsii*. Sankt-Peterburg, S.-Peterb.gos.un-t, 2014, t. 2. pp. 108-113. (In Russ.).

Olga A.Masalova (omasalova@mail.ru)

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World Cultural Heritage of the Institute of International Relations of Kazan (Volga Region) Federal University

Kremlevskaya str., 18, 420008 Kazan, Russian Federation

«El Caballero Don Lorenzo Boturini Benaduci, Señor de la Torre, y de Hono»: the fate of the collector and researcher

Abstract. The article examines the origins of the phenomenon of collecting and the beginning of historical and cultural research in the colony of New Spain through the prism of the biography of Lorenzo Boturini Benaduci. The biography of Lorenzo Boturini Benaduci became a kind of marker of the era in the context of personal history and cultural studies of personality; it illustrates the complex way of folding the various areas of cultural activity characteristic of the European cultural space, on the territory of the Spanish colony in the first half of the XVIII century.

Key words: biography, Boturini Benaduci, collecting, museum, Virgin Mary of Guadalupe.

DOI: 10.31857/S0044748X0018055-9

Received 09.03.2021.

И.В.Селиванова

«Латиноамериканская Швейцария»

Н.С.Иванов. «Если есть на свете рай...». Очерки истории Уругвая. СПб, «Алетейя», 2021, 454 с.

Публикация знакомит читателей с новым серьезным исследованием известного российского латиноамериканиста Н.С.Иванова. Отмечается, что издание представляет собой первое отечественное фундаментальное многоплановое исследование по истории Уругвая. Автору книги удалось на широком историческом фоне осветить практически все наиболее важные этапы истории страны — колониальный период, Войну за независимость, становление самостоятельного уругвайского государства, формирование политической структуры, внешнеполитическое положение, социально-экономическое и культурное развитие. Издание представляет несомненную ценность для специалистов, а также для всех, кто интересуется историей стран Латинской Америки.

Ключевые слова: Аргентина, Бразилия, Великобритания, Артигас, Война за независимость, «латиноамериканская Швейцария», *Colorado, Blanco*.

DOI: 10.31857/S0044748X0018057-1

Рецензия поступила в редакцию 18.09.2021.

Восточная Республика Уругвай (*La República Oriental del Uruguay*) — самая маленькая южноамериканская страна (176 220 км², население — 3,4 млн человек). Она расположена на атлантическом побережье и причудливо зажата между двумя крупнейшими государствами этого континента — Бразилией на севере и Аргентиной на западе и юге. Но при этом, безусловно, Уругвай является одной из самых достойных внимания среди стран Латинской Америки.

Хитроумные действия дипломатов великих держав в процессе расчленения территории Южной Америки и порой искусственного создания наций привели к тому, что Уругвай на долгое время стал латиноамериканским «яблоком раздора»: на протяжении длительного времени Аргентина и Бразилия продолжали использовать его для решения собственных территориальных споров. Одним из ярких

Ирина Валентиновна Селиванова — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (РФ, 119334 Москва, Ленинский пр., д. 32, <https://orcid.org/0000-0003-1580-168X>, alex-cgnk@yandex.ru).

и инновационных технологий. Кроме того, в Уругвае сегодня создан стабильный инвестиционный климат.

Первые работы по уругвайской истории появились вскоре после Войны за независимость, и в них описывалось становление независимого государства. У истоков уругвайской историографии стояли Ф.А.Фигероа, Д.А.Ларраньяга, Х.М. де ла Сота де Мариа [2, с. 486]. Однако профессиональные исторические исследования были опубликованы несколько позднее. Среди них можно назвать фундаментальный труд Франсиско Берры (1844—1906 гг.) «Исторический очерк Восточной Республики Уругвай», подробно освещающий колониальный период и Войну за независимость страны [3].

Современные уругвайские историки предпринимают попытки выработать различные подходы к пониманию общих процессов. Так, в исследовании известного ученого Альберто Зум Фельде представлены основные концептуальные подходы к историческим процессам в Уругвае [4]. Марксистский взгляд нашел отражение в исследованиях Франсиско Р.Пинтоса, написанных в середине XX в. [5]. В работах известного уругвайского историка, писателя, члена Национальной партии Х.Э.Пивеля Девото анализируются политические взгляды героя Войны за независимость Хосе Артигаса, освещается история возникновения и формирования политических партий [5, 6]. Его перу принадлежит фундаментальный труд по истории Уругвая с 1830 по 1930 г. [7]. Обширная зарубежная библиография включена автором в соответствующий раздел монографии.

Многие ключевые аспекты истории Уругвая оказываются в центре исследований и отечественных латиноамериканистов. Так, А.С.Андреев исследовал вопросы становления Коммунистической партии Уругвая (*Partido Comunista del Uruguay, PCU*), ее отношения с Коминтерном, формирование Единого фронта (1922—1938 гг.), а также положение страны в современных международных межамериканских и региональных отношениях [8, 9, 10]. Политическим противоречиям и взаимоотношениям Уругвая, Аргентины и Парагвая в XIX—XX вв. посвящены работы А.Горюшиной, И.Г.Киреевой [11, 12]. Экономический и политический кризис в Уругвае 1950—1970 гг. XX в., переход от демократии к диктатуре нашли

примеров такой политики может служить Лаплатская война (1851—1852 гг.).

Уругвай отличает верность демократическим традициям (в XX в. исключения составляли периоды 1933—1938 и 1973—1985 гг., когда у власти находились диктаторские режимы) и довольно развитое гражданское общество, в результате чего страна получила название «латиноамериканская Швейцария». Здесь сложились устойчивая партийная структура и развитая социальная система. Уругвай первым в Латинской Америке принял закон о всеобщем избирательном праве. Уровень жизни уругвайцев, большинство из которых являются потомками европейцев (прежде всего испанцев и итальянцев), довольно высокий. В Уругвае — наибольшее (среди государств Южной Америки) количество грамотных жителей [1, с. 72]. Власти страны поддерживают развитие науки

отражение в трудах Э.В.Зизевой [13]. Институциональные основы внутривластных коалиций стали предметом исследования А.Ю.Варшавского [14]. Политика Широкого фронта (*Frente Amplio, FA*), деятельность уругвайских президенто-реформаторов Табаре Васкеса и Хосе Мухики оказались в центре внимания Э.С.Дабагына и Л.В.Дьяковой [15, 16, 17, 18]. Истории Уругвая посвящены главы в коллективных работах, изданных в Институте всеобщей истории РАН [19, 20]. Следует упомянуть и исследования известного журналиста-международника К.А.Хачатурова, в которых освещены некоторые вопросы истории Уругвая [21, 22]. Стоит назвать статьи и самого Н.С.Иванова, опубликованные в «Латиноамериканском историческом альманахе» [23, 24].

Однако до настоящего времени в отечественной латиноамериканистике не было комплексного, всестороннего исторического исследования Уругвая. Монография старшего научного сотрудника ИВИ РАН Николая Серафимовича Иванова «Если есть на свете рай...». Очерки истории Уругвая» [25] представляет собой фундаментальный труд, который автор посвятил основным этапам развития этой страны, играющей значимую роль в политике, экономике и культуре Латинской Америки. Издание книги является одним из наиболее ярких событий в отечественной латиноамериканистике в 2021 г. и, несомненно, получит широкий отклик в научном мире.

Безусловным достоинством работы является ее многоплановость, структура книги детально продумана: она состоит из семи глав, введения, заключения и библиографии. Монография содержит интересные иллюстрации, хочется отметить и прекрасное полиграфическое качество издания.

Этап колониальной истории автор описывает во введении, коротко характеризует основные вехи открытия и завоевания Уругвая под предводительством известного мореплавателя Хуана Диаса де Солиса, обнаружившего так называемое пресное море — залив самой широкой в мире реки Ла-Платы. По словам Иванова, в самом начале освоения территории будущего Уругвая эти земли стали предметом постоянных конфликтов между испанцами и португальцами, в связи с чем по приказу испанского короля Филиппа V на восточном берегу Ла-Платы был построен город, ставший в дальнейшем (1724 г.) столицей страны Монтевидео. Испанцы именовали эту территорию Восточный пояс реки Ла-Плата (*Banda Oriental del río de La Plata*). В 1776 г. эти территории вошли в состав вице-королевства Рио-де-ла-Платы. И только в 1830 г., после провозглашения независимости от Испании, страна получила современное название — Восточная Республика Уругвай.

В колониальную эпоху экономику Уругвая составляло скотоводство и земледелие с огромными асьендами и обширными пастбищами. Неслучайно то время называют «кожаным веком» Уругвая, а изделия из кожи использовались даже в качестве строительного материала [20, с.9]. По сей день страна остается крупнейшим производителем и экспортером говядины, занимая почетное второе место после Бразилии и опережая Аргентину. Производство говядины для экономики Уругвая имеет такое же значение, как нефть для Венесуэлы [26, с.14-15].

Автор рассматриваемой работы уделяет серьезное внимание освещению Войны за независимость Уругвая и роли выдающегося деятеля латиноамериканского освободительного движения Хосе Хервасио Артигаса. Иванов разбирает четыре историографические «легенды» об оценках реформ Артигаса и его вклада в дело освобождения, отмечая роль исторических трудов известных аргентинских деятелей Д.Ф.Сармьенто и Б.Митре в создании так называемой черной легенды вокруг имени Артигаса, в рамках которой он представлен как «зверь в человеческом облике» [25, с. 55]. Позже в уругвайской исторической мысли «черную легенду» поддерживали консервативные историки. Либеральные же исследователи противопоставляли им «голубую легенду», ставшую официальной буржуазно-демократической версией деятельности Артигаса. Приверженцы этой «легенды»

утверждали, что Артигас «не только заложил основы уругвайской нации, но и стал родоначальником республиканско-демократической формы правления». Автор говорит и о существовании «красной легенды», выдвинутой прогрессивными историками, и «розовой легенды», представлявшей Артигаса социальным реформатором, озабоченным судьбой обездоленных классов [25, с. 59].

Н.С.Иванов подробно анализирует взгляды политика, сформированные под влиянием идей европейского Просвещения. Сторонник принципа личной свободы, федерализма, республиканизма и концепции народного суверенитета, Артигас стал автором одной из самых прогрессивных конституций эпохи — «Инструкции 13-года» и радикальной земельной реформы. В книге дан подробный анализ проекта конституции, а также «Временного Регламента» аграрного кодекса Артигаса, основанного «на принципах равноправия и социальной справедливости» [25, с. 43]. По мнению Н.С.Иванова, Артигас, будучи сторонником федерализма, противостоял унитаризму властей Буэнос-Айреса, что стало основной причиной военного конфликта между Восточной провинцией и Аргентиной. Высоко оценивает историк и аграрные преобразования Артигаса, направленные на развитие «принципа частной собственности в противовес феодальным отношениям в сельском хозяйстве» [25, с. 45].

В монографии подчеркивается, что давнее стремление Англии вытеснить слабеющую Испанию из своих заморских владений нашло воплощение в военных экспедициях с целью захвата Буэнос-Айреса и Монтевидео в 1806—1807 гг. По мнению историка, Лондон, переходя от открытой военной интервенции к экономическому проникновению в страны Нового Света, использовал «весь набор средств, которые в наше время называют «мягкой силой», или «гибридной войной» [25, с. 72]. И именно Лондон проводил политику, целью которой было создание в Южной Америке множества «суверенных» государств и в дальнейшем сраживание их друг с другом [25, с. 79].

Говоря о политическом контексте образования государства Уругвай, Н.С.Иванов останавливается на столкновениях между различными партиями и группами внутри самой страны, анализирует этапы создания самостоятельного независимого государства: существование под названием Сисплатинская провинция в составе Бразилии; получение независимости от Бразилии в результате восстания патриотов Уругвая в 1825 г., вошедших в историю под названием «тридцати трех героев»; вхождение в Объединенные провинции Рио-де-Ла-Платы, в результате чего возник военный конфликт между Бразилией и Аргентиной (1825—1828 гг.) — первый в череде «классических» войн в Южной Америке [25, с. 96]. Итогом этого конфликта стало заключение бразильско-аргентинского договора о Монтевидео 1828 г., по которому Уругвай был признан независимым.

Серьезное внимание уделено автором британскому «посредничеству»; отмечается, что Лондон, подстрекая Аргентину и Бразилию к противоборству, ставил целью создание независимого Уругвая, который «позволит Британии контролировать водные пути во внутренние районы континента» [25, с. 101]. Трудно не согласиться с выводом ученого о том, что политика Англии в этом регионе привела к созданию буферного государства между Аргентиной и Бразилией, «маленькой страны» (*paisito*), ставшей «прокладкой» между двумя гигантами, что, с одной стороны, позволило британской монархии занять господствующее положение в экономике Уругвая, а с другой — привело к тому, что Восточный берег стал «яблоком раздора» в Южной Америке [25, с. 116-117].

Третья глава книги посвящена развитию независимого Уругвая на протяжении XIX в. Автор поднимает проблему каудильизма в истории страны, справедливо отмечая, что он стал «главным феноменом латиноамериканской политической жизни после обретения независимости», и что в отличие от Артигаса генералы

Хуан Антонио Лавальеха и Мануэль Сеферино Орибе-и-Виана «стремились прежде всего к защите своих привилегий и расширению своей власти» [25, с. 119]. Н.С.Иванов уделяет внимание формированию либеральной идеологии и деятельности либеральных правительств Уругвая, которые, заимствуя европейские идеи, стремились искоренить черты варварства в стране, направив усилия на борьбу с индейцами и гаучо. Одним из наиболее чудовищных примеров такой политики автор называет поголовное уничтожение коренных обитателей пампы — индейцев-чарруа в 1831 г. Именно это привело к тому, что основу уругвайской нации составили креолы, а также потомки иммигрантов из Европы, активно хлынувших в страну в XIX в.

В монографии подробно проанализировано формирование первых политических уругвайских партий — *Blanco* и *Colorado*, ставших в дальнейшем консервативной и либеральной партиями, соответственно. Серьезное внимание уделено британской политике в регионе, ее решающей роли в развязывании так называемой Великой войны 1839—1851 гг. (*Guerra Grande*), в которой в самом Уругвае участвовали враждовавшие между собой представители партий *Colorado* и *Blanco*, а также Бразилия, Аргентинская конфедерация, Британия и Франция [25, с. 145].

По мнению Н.С.Иванова, в результате хитроумной политики Лондона Уругвай был втянут в войну с Парагваем (1864—1870 гг.) и участвовал в ней на стороне Бразилии и Аргентины, несмотря на заключенный до этого союзнический договор с Парагваем. Парагвайская война повлекла за собой приход в органы власти Уругвая англофилов (1864 г.), стремившихся «строить общество по образцу Британии» [25, с. 189]. А британские кредиты сыграли значительную роль в строительстве уругвайских железных дорог в 60—80-е годы XIX в.

Н.С.Иванов выделяет также «милитаристский» период в истории Уругвая, когда на протяжении 15 лет правили военные: Лоренсо Латорре (1876—1880 гг.), Максимо Сантос (1882—1886 гг.) и Максимо Тахес (1886—1890 гг.). Для этих режимов было характерно использование силы для поддержания «закона и порядка» и обеспечения в стране «безопасности» [25, с. 168]. Автор анализирует и период «цивилизма», сменивший предыдущий этап в 1890 г.: его сторонники признавали необходимость поддержания жесткой «вертикали власти» при соблюдении конституционных норм [25, с. 173].

Центральное место в четвертой главе занимает освещение деятельности выдающегося уругвайского реформатора, представителя партии *Blanco* Хосе Батлье-и-Ордоньеса («дона Пепе») — президента страны в 1903—1907 гг. и 1911—1915 гг. Подробно характеризуются прогрессивные преобразования в политической и социальной жизни, экономическая модернизация, политика импортзамещения, конституционная реформа, нововведения в развитии образования и науки. Отмечены такие важные моменты, как усиление госсектора в экономике, создание Государственного ипотечного банка, осуществление политики секуляризации, установление минимального уровня заработной платы, введение обязательного выходного дня, страхование жизни рабочих, 8-часовой рабочий день, пенсии по старости. Представляя Батлье-и-Ордоньеса как одного из первопроходцев идеологии национал-реформизма, ставшей в дальнейшем популярной в странах Латинской Америки, историк справедливо указывает на то, что именно подобная прогрессивная политика позволила Уругваю стать на время островком стабильности и прогресса в Южной Америке и называться «латиноамериканской Швейцарией».

Однако вслед за периодом прогрессивного развития наступило время упадка экономики, вызванного мировым экономическим кризисом 1929—1933 гг., а на смену батльизму в результате государственного переворота пришла диктатура Г.Терры. Но с конца 1930-х годов вновь наметилась тенденция к либерализации.

Н.С.Иванов рассматривает также левое движение в стране, в том числе анархистское, процесс создания новых политических партий — Социалистической (1910 г.) и Коммунистической (выделилась из Социалистической партии в 1920 г.), отмечает влияние Коминтерна на их формирование и дальнейшую деятельность.

Для послевоенного периода, по справедливому замечанию Иванова, была характерна скачкообразная зависимость уругвайской экономики от мирового рынка. Отмечается растущее влияние США на развитие Уругвая в русле осуществления Вашингтоном плана развития и «модернизации» Латинской Америки, объявленного американским президентом Джоном Кеннеди в марте 1961 г.

Интересным представляется раздел монографии, посвященный леворадикальному Движению за национальное освобождение «Тупамарос» (1962—1973 гг., *Movimiento de Liberación Nacional-Tupamaros, MLN-T*) под руководством Рауля Сендика. Гетерогенный характер движения позволил включить в его состав сторонников марксизма, социализма, геваризма, анархизма, либерализма, национализма. Приоритет же отдавался революционной деятельности и стремлению к переустройству общества на социалистических началах [25, с. 69].

Автор рассматриваемой работы подробно анализирует период «пачекизма», усиление правых сил в стране и государственный переворот в 1973 г. при поддержке члена партии *Colorado* Хуана Мариа Бордаберри Аросена (1972—1976 гг.). Пришедший к власти Бордаберри проводил консервативный курс по указке США и международных финансовых структур, и, как следствие, стало сокращаться финансирование социально значимых сфер. Мрачное десятилетие военной диктатуры (1973—1983 гг.) сопровождалось массовыми репрессиями, уничтожением левых политиков и активистов.

Пятая глава монографии посвящена восстановлению либеральной демократии в период правления президента Хулио Марии Сангинетти (1985—1990 гг., 1995—2000 гг.), намеревавшегося «вернуть страну в рамки парламентской демократии и обеспечения основных гражданских прав и свобод» [25, с. 328]. В этой же главе автор исследует политику Широкого Фронта (*Frente Amplio, FA*), созданного в 1971 г. во главе с видным общественным деятелем — генералом Либер Сереньи. В *FA* входили сторонники различных политических движений — «тупамарос», социалистов, коммунистов и других левых сил. Интересы *FA* представляли президенты Табаре Васкес (2005—2010 гг., 2015—2020 гг.) и Хосе Мухика (2010—2015 гг.). Политика *FA* в экономической и социальной сфере была направлена на сокращение бедности в стране, расширение социальных функций государства, развитие демократических принципов, создание общества социальной справедливости, основанного на сосуществовании и сотрудничестве различных социальных групп.

Большой интерес вызывает заключительная глава монографии, посвященная уругвайской культуре. В ней, прежде всего, рассмотрено развитие общественно-политической мысли и исторической науки в Уругвае, уделено внимание ключевым этапам — Войне за независимость, деятельности Артигаса, созданию независимого государства. В отдельном разделе анализируется деятельность выдающегося писателя и идеолога левого движения Латинской Америки, уроженца Уругвая Эдуардо Галеано (1940—2015 гг.), а также освещаются проблемы «полуколониальной зависимости континента» [25, с. 414].

Следует отметить, что Н.С.Иванов успешно решил большинство поставленных им задач. Однако, к сожалению, в работе нет отдельного историографического раздела, благодаря которому, на наш взгляд, можно было бы показать уровень изученности вопросов, рассматриваемых в монографии. Впрочем, следует отметить, что во многих главах содержатся историографические обзоры. Включение в книгу разделов, посвященных политике Британии в Уругвае и содержащих важные и во многом новые для отечественной латиноамериканистики сведения, мо-

жет, тем не менее, создать у читателя впечатление о чрезмерно зависимом характере развития Уругвая от английской империи.

Однако некоторые замечания ни в коей мере не умаляют достоинств фундаментального труда. Автор использует системный подход и многофакторный анализ, позволяющие сравнить историю Уругвая с историей развития ряда других латиноамериканских стран. Книга написана хорошим литературным языком и, безусловно, представляет несомненную ценность не только для латиноамериканистов, преподавателей и студентов-историков, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей Латинской Америки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТУРАТУРА / REFERENCES

1. Боков. И.А. Мягкая сила Уругвая. *Дискурс-Пи*. М., 2016, № 2, сс.70-76 [Bokov. I.A. Myagkaya sila Urugvaya] [Uruguay's soft power]. *Diskurs-Pi*. Moscow, 2016, N 2, pp. 70-76 (In Russ).
2. История латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков. М., Наука, 2010, 810 с. [Istoriya latinskoj Ameriki v mirovoj istoricheskoy i obshchestvennoj mysli XVI-XIX vekov] [History of Latin America in the world historical and social thought of the XVI-XX centuries]. Moscow, Nauka, 2010, 810 p. (In Russ).
3. Berra K. Bosquejo Histórico de la República Oriental del Uruguay. 4 ed. Montevideo, 1890, 720 p.
4. Felde F.Z. Proceso histórico del Uruguay. Montevideo, 1941, 276 p.
5. Pivel Devoto J.E. De la leyenda negra al culto artiguista. Montevideo, 1951, 171 p.
6. Pivel Devoto J.E. Historia de los Partidos Políticos en el Uruguay. Montevideo, 1942, 2 vols.
7. Pivel Devoto J.E. Historia de la República Oriental del Uruguay. Montevideo, 1945, 270 p.
8. Андреев А.С. Уругвай в межамериканских и региональных отношениях в контексте многополярного мира. *Латинская Америка*. М., 2016, № 12, сс. 64-74 [Andreev A.S. Urugvaj v mezhamerikanskij i regional'nyh onosheniyah v kontekste mnogopolo-lyarnogo mira.] [Uruguay in inter-American and regional relations in the context of a multipolar world]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2016, N 12, pp. 64-74 (In Russ).
9. Андреев А.С. Механизм субрегиональной интеграции Уругвая, Парагвая и Боливии. *Латинская Америка*. М., 2017, № 7, сс. 50-60. [Andreev A.S. Mekhanizm subregional'noj integracii Urugvaya, Paragvaya i Bolivii] [Subregional Integration Mechanism for Uruguay, Paraguay and Bolivia]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2017, N 7, pp. 50-60. (In Russ).
10. Андреев А.С. Коминтерн и основание коммунистической партии Уругвая. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., 2016, № 16, сс. 203-231. [Andreev A.S. Komintern i osnovanie kommunisticheskoy partii Urugvaya] [The Comintern and the founding of the Communist Party of Uruguay]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah*. Moscow, 2016, N 16, pp. 203-231 (In Russ).
11. Горюшина А. Политические противоречия стран региона Ла-Платы: политические и региональные амбиции Аргентины и интересы Уругвая и Парагвая. *Политические изменения в Латинской Америке*. Воронеж, 2016, № 4, сс. 43-54. [Goryushina A. Politicheskie protivorechiya stran regiona La-Platy: politicheskie i regional'nye ambicii Argentiny i interesy Urugvaya i Paragvaya] [Political contradictions of the countries of the La Plata region: political and regional ambitions of Argentina and the interests of Uruguay and Paraguay]. *Politicheskie izmeneniya v Latinskoj Amerike*. Voronezh, 2016, N 4, pp.43-54 (In Russ).
12. Киреева И.Г. Внерегиональные направления внешней политики Уругвая (1010-2015 гг.). *Иberoамериканские тетради*. М., 2016, № 4, сс. 94-106. [Kireeva I.G. Vneregional'nye napravleniya vneshnej politiki Urugvaya (1010-2015 gg.)] [Non-regional directions of Uruguay's foreign policy (1010-2015)]. *Iberoamerikanskije tetrady*. Moscow, 2016, 2016, N 4, pp. 94-106 (In Russ).
13. Зизева Э.В. От демократии к военной диктатуре: экономический и политический кризис в Уругвае (вторая половина 1950-х-1973 г.). *Человеческий капитал*. М., 2019, № 3,

сс. 30-37. [Zizeva E.V. Ot demokratii k voennoj diktature: ekonomicheskij i politicheskij krizis v Urugvae (vtoraya polovina 1950-h-1973 g.)] [From democracy to military dictatorship: the economic and political crisis in Uruguay (second half of 1950s-1973)]. *Chelovecheskij kapital*. Moscow, 2019, № 3, pp. 30-37 (In Russ).

14. Варшавский А.Ю. Институциональные основы внутрипартийных коалиций в президентских системах: пример Уругвая. *Вестник РУДН. Политология*. М., 2019, № 4, сс. 673-686. [Varshavskij A.YU. Institucional'nye osnovy vnutripartijnyh koalicii v prezidentskih sistemah: primer Urugvaya] [Institutional Foundations of Internal Party Coalitions in Presidential Systems: The Case of Uruguay]. *Vestnik RUDN. Politologiya*. Moscow, 2019, N 4, pp. 673-686 (In Russ).

15. Дабагян Э.С. Уругвай: реализую левоцентристский проект. *Свободная мысль*. М., 2010, № 9, сс. 103-118. [Dabagyan E.S. Urugvaj: realizuya levocentristskij proekt. Svobodnaya mysl'] [Uruguay: Realizing a Center-Left Project]. *Svobodnaya mysl'*. Moscow, 2010, N 9, pp.103-118 (In Russ).

16. Дабагян Э.С. Уругвай: уроки демократии. *Латинская Америка*. М., 2020, № 8, сс. 20-28. [Dabagyan E.S. Urugvaj: uroki demokratii] [Uruguay: Lessons from Democracy]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2020, N 8, pp. 20-28. (In Russ).

17. Дабагян Э.С. Табаре Васкес: реформатор, дважды президент Уругвая. *Новая и новейшая история*. М., 2016, № 2, сс. 123-142. [Dabagyan E.S. Tabare Vaskes: reformator, dvazhdy prezident Urugvaya] [Tabare Vazquez: reformer, twice president of Uruguay]. *Novaya i novejšaya istoriya*. Moscow, 2016, N 2, pp. 123-142 (In Russ).

18. Дьякова Л.В. Левоцентристы в Уругвае: приоритет социальной политики. *Политические изменения в Латинской Америке*. Воронеж, 2010, № 6, сс. 46-52. [D'yakova L.V. Levocentristy v Urugvae: prioritet social'noj politiki] [Center-Left in Uruguay: Social Policy Priority]. *Politicheskie izmeneniya v Latinskoj Amerike*. Voronezh, 2010, N 6, pp. 46-52 (In Russ).

19. История Латинской Америки (70-е годы XIX века – 1918 год). М., Наука, 1993, 510 с. [Istoriya Latinskoj Ameriki (70-e gody XIX veka – 1918 god)] [History of Latin America (70s of the XIX century - 1918)]. Moscow, Nauka, 1993, 510 p. (In Russ).

20. История Латинской Америки (вторая половина XX века). М., Наука, 2004, 607 с. [Istoriya Latinskoj Ameriki (vtoraya polovina XX veka)] [History of Latin America (second half of the twentieth century)]. Moscow, Nauka, 2004, 607 p. (In Russ).

21. Хачатуров К.А. Уругвай сегодня. М., Международные отношения, 1962, 176 с. [Hachaturov K.A. Urugvaj segodnya] [Uruguay today]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1962, 176 p. (In Russ).

22. Хачатуров К.А. Уругвайский феномен. От одного лица в диапазоне полувека. М., Международные отношения, 2004, 187 с. [Hachaturov K.A. Urugvajskij fenomen. Ot odnogo lica v diapazone poluveka] [Uruguayan phenomenon. From one person in the range of half a century]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, 187 p. (In Russ).

23. Иванов Н.С. Батлье-и-Ордоньес: либеральные реформы в Уругвае и позиции великих держав (1903-1915). *Латиноамериканский исторический альманах*. М., 2017, № 18, сс. 95-118. [Ivanov N.S. Batl'e-i-Ordonez: liberal'nye reformy v Urugvae i pozicii velikih derzhav (1903-1915)] [Batle y Ordonez: Liberal Reforms in Uruguay and the Positions of the Great Powers (1903-1915)]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah*. Moscow, N 18, pp. 95-118 (In Russ).

24. Иванов Н.С. «Аутогольпе! 1973 г. в Уругвае и судьба правого авторитарного режима Х.М.Бордаберри. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., 2019, № 24, сс. 139-160 [Ivanov N.S. «Autogol'pe! 1973 g. v Urugvae i sud'ba pravogo avtoritarnogo rezhima H.M.Bordaberri] [“Autogolpe! 1973 in Uruguay and the fate of the right-wing authoritarian regime JM Bordaberry.i]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah*. Moscow, N 18, pp. 95-118 (In Russ).

25. Иванов Н.С. Если есть на свете рай.... Очерки истории Уругвая. СПб., Алетейя, 2021, 454 с. [Ivanov N.S. Esli est' na svete raj.... Oчерки istorii Urugvaya] [If there is paradise in the world.... Essays on the history of Uruguay]. SPb., Aletejya, 2021, 454 p. (In Russ).

26. Баеѝр Е. Уругвай – страна стейковой говядины. *Мясная индустрия*. М., 2014, № 2, сс. 14-16. [Баеѝр Е. Urugvaj – strana stejkovoj govyadiny] [Uruguay is the land of steak beef]. *Myasnaya industriya*. Moscow, 2014, N 2 (In Russ).

Irina V.Selivanova (alex-cgnk@yandex.ru)
PhD (History), Researcher of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences

Leninsky pr-t, 32, 119334 Moscow, Russian Federation

"Latin American Switzerland"

[Review of the book by Н.С.Иванов «Если есть на свете рай...». Очерки истории Уругвая. СПб, Алетейя, 2021, 454 p. [In Russ]

Abstract. The publication acquaints readers with a new serious research of the famous Russian Latin Americanist N.S. Ivanov. The review provides a detailed description of the monograph. It is noted that the publication is the first fundamental multifaceted investigation of the of the history of Uruguay. The author managed to illuminate practically all the most important episodes of the country's history on a broad historical background - the colonial period, the War of Independence, the formation of an independent state, the formation of the country's political structure, its foreign policy position, socio-economic and cultural development. The publication is of undoubted value for specialists, as well as everyone who is interested in the history of Latin America.

Key words: Argentina, Brazil, Great Britain, Artigas, War of Independence, "Latin American Switzerland", *Colorado, Blanco*.

DOI: 10.31857/S0044748X0018057-1

Received 18.09.2021.

ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ РОЗЕНТАЛЬ

В ноябре 2021 г. ушла из жизни Светлана Марковна Розенталь — одна из ведущих научных сотрудников Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Вся ее профессиональная карьера была связана с исторической наукой и архивным делом: придя после окончания филологического факультета МГУ в 1968 г. на работу в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне РГАСПИ), она прошла путь от младшего научного сотрудника до заместителя начальника отдела научно-информационной работы и научно-справочного аппарата. С начала 1990-х годов она работала с архивом Коминтерна. Сотни ученых, привлеченные открывшимися в начале 1990-х годов архивными документами советской власти и III Интернационала, обращались к подготовленным ею справочным материалам.

Ее кабинет на третьем этаже дома на Большой Дмитровке был местом встречи исследователей разных стран, приходивших к ней за советом и поддержкой.

Ученые-ибероамериканисты, занимающиеся историей левого движения, благодаря С.М.Розенталь получили уникальную возможность прикоснуться к документам Коминтерна, восстановить казавшиеся утерянными страницы истории, вернуть подвергнутые забвению биографии членов компартий Латинской Америки. Светлана Марковна принимала участие в подготовке справочных и энциклопедических изданий, посвященных Коминтерну в Латинской Америке и в странах Пиренейского п-ова. Она оказала неоценимую помощь в подготовке нескольких фундаментальных научных трудов — сборника документов «Коминтерн и Латинская Америка», биографического словаря «Латинская Америка в орбите мировой революции», антологий по истории компартий Чили, Колумбии, Мексики, Испании, книг и статей по истории разведки, истории гражданской войны в Испании. С ее помощью «родились» многочисленные диссертации. Эти издания стали сенсацией в научном мире и продолжают оставаться важной составляющей историографии. Светлана Марковна была удивительным, отзывчивым человеком, архивистом от Бога, «ниточкой Ариадны» по дебрям архивной сокровищницы для многих ученых. Безупречное знание архива, участливое отношение к исследователям располагало к себе всех, кого научные интересы приводили в читальные залы РГАСПИ. Она была душой международных проектов — Севильского, Ганноверского. Благодаря усилиям Светланы Марковны, блестяще владевшей иностранными языками, была составлена электронная база — «Архив Коминтерна» — первой автоматизированной поисковой системы архива, ставшей уникальным явлением не только для отечественного, но и для мирового источниковедения, базой, которой до сих пор пользуются и будут пользоваться ученые всего мира.

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ!

АНТОН АНДРЕЕВ, ЛАЗАРЬ ХЕЙФЕЦ

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН

реализует свои книги через

Межиздательский дистрибьюторский центр при издательстве

Тел.: +7 (499) 135-42-46, +7 (499) 135-44-23

E-mail: urss@urss.ru · <http://urss.ru>

УРСС

- Мартынов Б.Ф. Бразилия — гигант в глобализирующемся мире.
- Латинская Америка: испытания демократии. Вопросы политической модернизации. В 2-х частях. Отв. ред. Чумакова М.Л.
- Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX — начале XXI веков. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Мексика: парадоксы модернизации. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены.
- Латинская Америка на пути экономической модернизации. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Ермольева Э.Г. Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени.
- Иберо-американская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Португалия: эпоха перемен. Отв. ред. Яковлева Н.М.
- Ивановский З.В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры (справочник).
- Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама. Отв. ред. Ивановский З.В.
- Латинская Америка на мировом рынке продовольствия. Отв. ред. Яковлев П.П.
- Яковлева Н.М. Португалия: история политической модернизации.
- Современная культура Испании и Португалии: полилог традиций. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. Отв. ред. Сударев В.П., Симонова Л.Н.
- Современная организованная преступность в Латинской Америке и в странах Карибского бассейна. Отв. ред. Мартынов Б.Ф.
- Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций. Отв. ред. Яковлева Н.М.
- Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- Политические конфликты в Латинской Америке. Отв. ред. Ивановский З.В.
- Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства.
- Война США против Мексики. Постфактум. Спустя 170 лет.
- Куба накануне смены поколений. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Куба Si. 60 лет Революции. Отв. ред. Калашников Н.В.
- Иberoамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Давыдов В.М. Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте.
- Кодзоев М.А.-М. США — Куба: эхо холодной войны.
- Яковлев П.П. Глобальные головоломки: Иberoамерика в меняющемся мире.
- Испания в новой национальной и международной реальности. Отв. ред. Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А.
- Латинская Америка в системе международных экономических отношений. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- Никарагуа: эволюция революции. Серия «Саммит». Отв. ред. Давыдов В.М.
- Гордиев узел венесуэльского кризиса. Серия «Саммит». Отв. ред. Давыдов В.М.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

Уважаемые читатели!

Институт Латинской Америки РАН
планирует в 2022 г. выпустить в свет следующие книги:

- Перспектива устойчивого развития. Про и контра на латиноамериканской почве. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Ибероамерика: роль культуры в формировании и эволюции национальной идентичности. Отв. ред. *Константинова Н.С.*

**По вопросам приобретения через систему «Книга почтой»
обращаться в Институт Латинской Америки
(E-mail: iberoamerica@ilaran.ru, факс 953-40-70);
в Издательство УРСС (тел: (499) 135-44-23, E-mail: urss@urss.ru),
а также в магазины:**

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457); «Московский дом
книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242); «Аргумент» (м. Универси-
тет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206); Киоск МГИМО, Пр-т Вернадского, 76;
«Фаланстер» (Малый Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21);
Киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (8-964-630-14-34)

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
ежемесячный научный и общественно-политический
журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110358 от 02.03.1993 г.)

Адрес редакции журнала «Латинская Америка»: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21;
тел. (495) 951-01-67; факс (495) 953-40-70; e-mail: revistala@mtu-net.ru